

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
славяноведение

3

1990

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское славяноведение

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАЙ — ИЮНЬ

3
1990

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ
1965 г.
МОСКВА
«НАУКА»

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИИ

- Браунталь Ю. (Австрия). Антиавторитарные движения в Центральной Европе, 50—60-е годы
Революционные изменения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Год 1989 3

19

СТАТЬИ

- Тарасов О. Ю. Русские иконы XVIII — начала XX в. на Балканах 49
Орел В. Э. Этимологические заметки по восточнославянской лексике 71

49

71

СООБЩЕНИЯ

- Задорожнюк Э. Г. Взгляд на Чехословакию, 1988 — ноябрь 1989 гг. (по материалам контент-анализа публикаций журнала «Time») 79

79

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Два мнения об одной книге (Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней). 91
Шаферова Л. Р. Ђук. Србија и Венеција у XIII и XIV веку 95
Василенко В. Н. Wyka K. Cyprian Norwid: studia, artykuły, recenzje. 98
Дуличенко А. Д. B. Tošović. Ruska gramatika u poređenju sa srpskohrvatskom. Glasovi. Oblici. Rečenica 100

91

95

98

100

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Наумов Е. П. Споменици за средневековната и новата историја на Македонија, т. V 103

103

<i>Муртузалиев С. И.</i> Станимиров. Политическата дейност на българите католици през 30-те и 70-те години на XVII век. Към историята на българската антиосманска съпротива	104
<i>Осипова М. А.</i> Slovene Studies	105
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Тарасов О.</i> Конференция «История культуры и поэтика»	107
<i>Молошная Т. Н.</i> Советско-польская конференция «Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков»	109
<i>Розов А. И.</i> [Е. П. Наумов]	111

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (главный редактор), **В. К. ВОЛКОВ**, **Р. П. ГРИШИНА**,
А. А. ГУГЦИН, **В. А. ДЬЯКОВ**, **А. А. ЗАЛИЗНЫК**, **М. С. КАШУБА**,
В. П. КОЗЛОВ, **М. Н. КУЗЬМИН**, **Г. Г. ЛИТАВРИН** (зам. главного редактора),
Г. Ф. МАТВЕЕВ, **С. В. НИКОЛЬСКИЙ**, **Ю. С. НОВОПАШИН**, **А. Ф. НОСКОВА**,
Л. Н. СМИРНОВ (зам. главного редактора), **Л. А. СОФРОНОВА**, **Б. Н. ФЛОРЯ**

Зав. редакцией **Е. В. Пономарёва**

ДИСКУССИИ

БРАУНТАЛЬ Ю.

АΝΤΙАВТОРИТАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ, 50—60-е годы

В редакцию журнала поступают многочисленные вопросы читателей об истоках событий 1989 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, истории антиавторитарных движений в регионе. К сожалению, у советских историков нам не удалось отыскать написанных «в стол» работ по этой проблематике. Поэтому редакция сочла необходимым обратиться к разработкам зарубежных историков. Наиболее подходящими в этом плане нам представляются главы из трехтомной книги по истории Интернационала видного деятеля социалистического движения, бывшего секретаря Социалистического Интернационала Юлиуса Браунтала (1891—1972) (*J. Braunthal. Geschichte der Internationale. Bd. 3. Hannover, 1971*), касающиеся событий в ГДР (1953), Польше (1956), Венгрии (1956) и Чехословакии (1968). Перевод дан с сокращениями.

Восстание в Восточном Берлине

Восстание в Восточном Берлине началось 16 июня 1953 г. с демонстрации протеста нескольких сотен строительных рабочих против повышения норм выработка. Демонстранты направились к резиденции правительства, по пути к ним примкнули десятки тысяч берлинцев. Возбужденные толпы требовали уменьшения завышенных норм выработки и свободных выборов.

На следующий день забастовка охватила все промышленные центры ГДР. В час дня 17 июня в стране было введено чрезвычайное положение. Спустя час против демонстрантов были брошены советские танки, подразделения пехоты и силы немецкой полиции. В результате столкновений 17 человек были убиты и сотни ранены.

Восстание не было результатом заговора. Оно явилось спонтанным взрывом брожения в рабочем классе, простой демонстрацией против созданной Москвой в Восточной Германии правящей системы.

Восстание вызвало кризис в партии, руководство которой оказалось беспомощным, когда оно разразилось. На состоявшемся спустя четыре дня Пленуме ЦК СЕПГ было, разумеется, объявлено, что волнения явились результатом «фашистской провокации против ГДР», делом «колонн бандитов», подстрекаемых «Аденауэром, Олленхауэром, Кайзером и Рейтером». Однако «колонны бандитов», вышедшие на улицы, насчитывали от 300 до 372 тыс. рабочих, костяком которых были дисциплинированные рабочие крупных промышленных предприятий «Лейна» (28 тыс.), «Буна» (18 тыс.) и др.

Восстание было вызвано широко распространившимся стремлением как членов СЕПГ, так и беспартийных к свободе, к подлинно социалистической демократии. Оно продемонстрировало, с одной стороны, что эксперимент СЕПГ с идеологической точки зрения потерпел фиаско. Но

с другой стороны, оно продемонстрировало, что социал-демократические традиции были восприняты большинством членов СЕПГ. Коммунисты и социал-демократы вместе бастовали и совместно выступили против системы диктатуры партии и правительства.

Однако, поскольку господство Советского Союза в Восточной Германии могло основываться только на жесткой коммунистической диктатуре, то после подавления восстания при прямой помощи Советской Армии партия подверглась чистке от социал-демократических элементов. Среди видных деятелей СЕПГ, подвергшихся «чистке», первым был министр юстиции ГДР М. Фехнер, заявивший в интервью после начала массовой забастовки, что «право на стачку гарантировано конституционно. Бастующие не будут караться за их деятельность в этом качестве». За ним последовало исключение из рядов СЕПГ министра госбезопасности В. Цайссера, главного редактора «Neues Deutschland» Р. Хернштадта, директора Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина А. Аckerмана, министра народного образования Э. Цайссера и многих тысяч других «неустойчивых и капитулянтских элементов».

Чрезвычайное положение продлилось до 12 июля. Свыше 400 демонстрантов были осуждены на несколько лет тюремного заключения. 16 человек были приговорены советским военно-полевым судом к смерти и казнены.

После подобной «чистки», осуществленной железной рукой В. Ульбрихта, для которого О. Гrotеволь служил простым орудием, СЕПГ стала наиболее сталинистской из всех коммунистических партий, а Германская Демократическая Республика — наиболее лакейским из всех васильевых России государств.

Социалистический мир¹ с большой симпатией воспринял события в Восточной Германии. Заседавший спустя месяц в Стокгольме очередной съезд Социалистического Интернационала направил рабочим советской оккупационной зоны братское приветствие. В резолюции съезда указывалось в связи с этим: «Они отважились выступить против тоталитарного режима. Они продемонстрировали всему миру, что волю к свободе нельзя подавить. Они подали великолепный пример людям во всех странах, находящихся во власти деспотии».

Польский Октябрь

Разоблачения террористической системы Сталина на XX съезде КПСС глубоко взволновали Польшу. Как позднее писал Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Э. Охаб — воздействие было «чудовищным». Особенно потрясены были кадры старых коммунистов разоблачениями XX съезда о полной «необоснованности» распуска Коммунистической партии Польши в 1938 г., совершенного по указанию Сталина. Почти все члены ее ЦК, вызванные в Москву, были арестованы и казнены, как троцкистские заговорщики. В. Гомулка избежал этой участи лишь потому, что сидел в польской тюрьме с 1936 г., осужденный к длительному заключению.

Под влиянием XX съезда КПСС накопившееся озлобление против гегемонии СССР в Польше вылилось в рядах рабочего класса и интеллигенции в резкую критику собственного режима. Брожение среди рабочих переросло в восстание 28 июня 1956 г. в одном из крупных индустриальных центров — Познани. Непосредственный толчок был дан забастовкой рабочих паровозостроительного завода, вызванной снижением заработной платы. Она переросла в забастовку всех трудящихся Познани и вызвала восстание. 25 тыс. демонстрантов требовали «хлеба и свободы», свободных выборов и вывода из страны советских войск. В ходе восстания были захвачены Главное управление полиции, тюрьма, горком партии, радиостанция и некоторые учреждения. Однако в течение двухдневных

¹ Под этим термином автор подразумевает социал-демократические и социалистические партии Западной Европы — ред.

уличных боев восстание было подавлено. Оно было страшным ударом для режима, свидетельствовавшим о потере им доверия и поддержки со стороны рабочего класса. Правительственная комиссия под руководством председателя Совета Министров Польши Ю. Циранкевича, расследовавшая события в Познани, расценила восстание как «provokaciju imperiiali-sticheskoy agentury i reakcionnogo dvizhenija Soprotivlenija». Однако в оценке событий в Познани партийное руководство раскеполось на несколько группировок. Сталинистское крыло призывало к усилению цензуры и репрессивным мерам. «Ревизионисты», пытавшиеся объяснить восстание спонтанным взрывом глубокого недовольства режимом, требовали его либерализации. Промежуточную позицию занимал Э. Охаб и Ю. Циранкевич. Разногласия были вынесены на проходивший с 18 по 28 июля 1956 г. VII Пленум ЦК, на котором присутствовали Н. А. Булганин и Г. К. Жуков. Пленум ЦК признал, что «события в Познани не могут рассматриваться изолированно от ситуации в стране». Пленум рекомендовал «осуществить мероприятия по улучшению уровня жизни рабочего класса, расширению „рабочей демократии“ на предприятиях, в партии, в парламенте, по строгому соблюдению „социалистической законности“ и судопроизводства, по реабилитации несправедливо осужденных политических заключенных».

Тем не менее решения Пленума не удовлетворили ни «ревизионистское» крыло партии, настаивавшее на проведении либерализации, ни широкие массы рабочих и интеллигентов, ожидавших начала новой эпохи. Движение к свободе в Польше имело под собой к тому же традиционную антируссскую направленность. ЦК, однако, не рискнул затронуть проблему советского господства в Польше, к тому же оно было узаконено подписанием Варшавского договора в мае 1955 г.

Таким образом, решения Пленума не восстановили поколебленного доверия к партии и ее руководству. В таких условиях необходимость возвращения В. Гомулки к руководству партией стала очевидной, ибо он стал символом возрождения польского национального коммунизма. На июльском Пленуме ЦК Гомулка был реабилитирован, спустя неделю восстановлен в партии и одновременно избран в состав ЦК.

Советское правительство было обеспокоено развитием событий в Польше. Оно опасалось за монолитность советского блока в Восточной Европе в связи с возвращением В. Гомулки к руководству партией. Когда в октябре 1956 г. собрался Пленум ЦК, на котором ожидалось избрание Гомулки Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии, Советское правительство решило вмешаться, чтобы воспрепятствовать этому.

Не успело 19 октября 1956 г. начаться первое заседание VIII Пленума ЦК, как в Варшаву на самолете совершенно неожиданно прибыли члены Президиума ЦК КПСС — Хрущев, Молотов, Караганович, Микоян в сопровождении командующего Объединенными вооруженными силами Варшавского договора маршала Конева и потребовали объяснений у польского партийного руководства. Президент Польши А. Завадский сообщил участникам Пленума ЦК: «Советские товарищи назвали в качестве причины своего неожиданного прибытия глубокое беспокойство Президиума ЦК КПСС в связи с ходом развития событий в Польше..., прежде всего различными формами антисоветской пропаганды, нашей бездеятельностью или неудовлетворительной реакцией на эту пропаганду...».

Одновременно советские войска, дислоцированные в Силезии, под предлогом осенних маневров двинулись по направлению к Варшаве. К столице были перемещены по приказу министра обороны Польши К. Рокоссовского и части Войска Польского.

Сообщение о прибытии высшего партийно-государственного руководства СССР и движении советских войск к Варшаве вызвало большое волнение в стране, особенно в Варшаве. Партийная организация Варшавы, поддерживавшая Гомулку, провела мобилизацию рабочих на предприятиях. Командующий войсками государственной безопасности Польши генерал В. Комор занял стратегически важные объекты в Варшаве.

Рабочие и студенты прошли по улицам города с демонстрациями, призывающими к оружию.

Советская делегация угрожала на переговорах с польским Политбюро применением военной силы в случае, если Польша порвёт союзнические отношения с СССР и Варшавским пактом. В качестве гарантии сохранения прежних отношений между обоими государствами члены Президиума ЦК КПСС потребовали предоставления доверенным лицам Москвы влиятельных постов в партийном и государственном аппарате Польши, и прежде всего — маршалу Рокоссовскому, назначенному Сталиным главнокомандующим польской армии.

Однако разрыв с СССР или с Варшавским пактом не входил в намерения ни ЦК Польской объединенной рабочей партии, ни Гомулки. Пакт рассматривался как польскими националистами, так и коммунистами как незаменимый инструмент обеспечения безопасности Польши против германского реванша. Вопрос стоял о фактическом признании принципов равноправия и независимости в отношениях между обоими государствами. Польское руководство дало свое согласие направить в Москву делегацию для урегулирования этого вопроса. В то же время оно не оставило сомнений у делегации КПСС в своей решимости проводить новый курс во внутренней политике. Политбюро отказалось даже под угрозой вмешательства советских войск предоставить требуемые «личные гарантии». Настроение в партии, как его описал Охаб, в особенности военная мобилизация Варшавы, было признаком того, что Польша не капитулирует без борьбы.

21 октября 1956 г., на следующий день после отбытия делегации советского руководства в Москву, Гомулка подавляющим большинством голосов был избран Первым секретарем, напротив, Рокоссовский выведен из состава Политбюро и ЦК партии, а спустя три недели освобожден с поста министра обороны страны.

В выступлении на Пленуме Гомулка развел программу нового курса в области внутренней политики. Он отверг советскую версию причин восстания в Познани, как инспирированного на средства правительства США, о чем писала «Правда» 2 июля 1956 г. «Рабочие Познани,— заявил он,— выйдя на улицы, протестовали не против социализма, а против извращения его, которое так широко распространилось в нашей социальной системе..., против искажения основных принципов социализма... Неуклюжая попытка представить болезненную трагедию Познани как дело империалистических агентов и провокаторов была политически наивной... Причины трагедии в Познани и глубокого недовольства всего рабочего класса нужно искать в нас самих, в руководстве партией и правительством...».

Резолюция ЦК провозгласила «возрождение ленинских принципов в рабочем движении и свободу критики внутри партии. Органы партии не могут применять административных мер, чтобы принуждать членов партии отказываться от их отклоняющихся взглядов»,— указывалось в резолюции.

В течение короткого периода в Польше был осуществлен целый ряд реформ: ограничены полномочия службы государственной безопасности, положен конец полицейскому террору, освобождены политические заключенные и многие из них реабилитированы, смягчена цензура печати. Но самое главное, Сейм был признан высшим органом государственной власти и к его законодательным функциям стали питать уважение. На первый взгляд создавалось впечатление, что в октябре 1956 г. в Польше начался процесс трансформации коммунистической диктатуры в социалистическую демократию.

Однако этот процесс продолжался недолго. Борьба между «ревизионистами» и сталинистами за власть в партии и государстве вскоре вспыхнула с новой силой. Гомулка, хотя и упрочил в последующие годы свое положение в партии, но затем сам испугался последствий «ревизионистской» политики. Гомулка, в конечном счете, стремился только к пересмотру крайностей экономической политики. Он децентрализовал госаппарат, положил конец принудительной коллективизации сельского хозяйства,

распустил большинство колхозов и передал их земельные фонды в частное пользование крестьянам, упрочил равноправное положение Польши по отношению к Советскому Союзу.

Но при всем этом Гомулка решительно противодействовал всем внутриполитическим реформам, которые могли бы поколебать позиции ПОРП. Он был убежден в том, что социализм в Польше — преимущественно аграрной страны, сельское население которой находилось под сильным влиянием католической церкви — может быть осуществлен не иначе как с помощью власти коммунистической партии. Об этом он заявил на XI Пленуме ЦК ПОРП в декабре 1958 г., провозгласив борьбу против «ядра ревизионизма» важнейшей задачей партии.

На этом пути Польша соскальзывала все глубже в систему неосталинизма. «Ревизионистское» течение в партии было постепенно элиминировано, усилен контроль партии над рабочим классом, приостановлен процесс демократизации, вновь скована духовная жизнь страны, и даже антисемитизм был использован в борьбе против «ревизионизма».

Трагедия революции в Венгрии

XX съезд КПСС, так потрясший рабочий класс и интеллигенцию Польши, почти не вызвал отклика в Венгрии. «Новый курс» в стране начал осуществляться уже спустя несколько месяцев после смерти Сталина. Он не был связан с решениями венгерского партийного руководства, а определен ЦК КПСС, который пришел к выводу, что Венгрия находится «на грани катастрофы». Эта катастрофа могла иметь пагубные последствия для Компартии Венгрии. Руководство Венгрии было приглашено в июне 1953 г. в Москву, где ему предложили «незамедлительно осуществить изменение курса» внутренней политики и произвести некоторые перестановки в руководстве.

4 июля 1953 г. в Будапеште собрался ЦК Коммунистической партии и назначил, исходя из полученных в Москве инструкций, И. Надя председателем Совета Министров, освободив с этого поста М. Ракоши, продолжавшего оставаться Генеральным секретарем партии. И. Надь подверг резкой критике внутреннюю политику Ракоши и возглавил осуществление мероприятий по ликвидации крайностей этой политики: была прекращена практика заключений в концлагеря, выпущены политзаключенные, разрешен выход крестьян из колхозов, увеличено производство товаров широкого потребления за счет тяжелой промышленности.

Ракоши не мог допустить дальнейшего развития этого «нового курса». Опираясь на доверие руководства КПСС и свое ключевое положение в партии, он предпринял ряд мер: запретил публикацию в прессе решения ЦК о назначении Надя председателем Совета Министров и программы его реформ, чтобы молчанием приуменьшить значение как личности, так и программы нового председателя Совета Министров; реорганизовав Политбюро, он изолировал Надя в руководстве партии, а в правительстве окружил своими сторонниками — министром внутренних дел и министром сельского хозяйства, тем самым обрекая на саботаж внутриполитические и аграрные реформы Надя. Но особенно Ракоши опасался начала процесса реабилитации невинно осужденных по его приказам видных партийно-государственных деятелей.

Однако, будучи назначен на свой пост по указанию руководства КПСС, Надь мог быть смещен лишь тем же путем. Поэтому Ракоши осенью 1954 г. пытался убедить советских руководителей, что реформы Надя нанесли вред основам коммунистического режима. Приглашенному в январе 1955 г. в Москву Надю было сообщено, что он не оправдал возложенного на него доверия. В феврале 1955 г. Ракоши оповестил страну, что Надь не в состоянии в дальнейшем исполнять свои функции председателя Совета Министров из-за болезни сердца. В середине апреля 1955 г. Надь был освобожден со своего поста, а в ноябре 1955 г. исключен из партии. В резолюции ЦК, принятой в марте 1955 г., указывалось: «Товарищ Имре Надь в качестве члена Политбюро и председателя Совета Министров

отстаивал политические концепции, которые находятся в резком противоречии с генеральной линией партии и враждебны интересам рабочего класса, трудового крестьянства и народной демократии...»

Так завершился «новый курс» в Венгрии. Ракоши вновь стал обладателем всей полноты власти в партии и государстве, сделав своего ставленника Хегедюша председателем Совета Министров. Эти события не вывели из состояния апатии ни рабочий класс, ни партию. Только спустя три месяца после XX съезда КПСС появились первые признаки оппозиции режиму, сформировавшейся в среде интеллигенции — в союзе писателей и журналистов и, прежде всего, в основанном в марте 1956 г. кружке им. Петефи. Философ-марксист Д. Лукач открыл в этом кружке дискуссию по вопросу о «банкротстве марксизма в Венгрии». В дискуссии приняли участие сначала сотни, а затем и тысячи слушателей. Многие ораторы требовали свободы печати и отставки Ракоши. После недвусмысленного предупреждения ЦК кружок им. Петефи прекратил свою деятельность. Несмотря на непродолжительное существование кружок вызвал определенное брожение в кругах интеллигенции и студенческой молодежи.

После возвращения с XX съезда КПСС Ракоши, выступая на пленуме Венгерской Компартии, лишь вскользь остановился на критике Хрущевым системы Сталина, тем самым обойдя и назревшую проблему реабилитации невинно осужденных венгерских коммунистов и социал-демократов.

Но именно эта проблема стала «гнойной раной» на теле Компартии, превратившись в оружие антисталинистов в их борьбе против Ракоши. Особенно сильным было требование реабилитировать бывшего министра иностранных дел Венгрии Ласло Райка, казненного в 1949 г. Считая возможным обезоружить оппозицию добровольным признанием своей совиновности в убийстве Райка, Ракоши сделал это на собрании представителей будапештской партийной организации. Однако лишь упомянув о деле Райка, он перешел в атаку на антисталинистов, стремившихся к либерализации режима, возвестив о новой волне преследований под высокой обострения классовой борьбы.

Ситуация накалялась с каждым днем. Конфликт между сталинистами и антисталинистами угрожал самому существованию партийного руководства. В этой атмосфере напряженности произошла перемена декораций в классическом московском стиле. 18 июля 1956 г. на заседании ЦК Венгерской Коммунистической партии неожиданно появился член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян и сообщил Ракоши, что он больше не является Генеральным секретарем партии. Позднее Хрущев подтвердил Ракоши решение советского руководства. Против этого Ракоши был уже бессилен что-либо предпринять. Он подал в отставку с поста Генсека и признал себя «ответственным за ошибки, которые нанесли серьезный ущерб нашему социалистическому развитию». Так Ракоши исчез с политической арены Венгрии.

Однако произошла только смена декораций, ибо по предложению ЦК КПСС вместо Ракоши Генсеком был избран Э. Герэ — сталинист и политический двойник Ракоши; Хегедюш также оставался председателем Совета Министров. В качестве уступок оппозиции лишь был разжалован и позднее арестован командующий службой безопасности генерал Фаркаш. На пленуме 3 октября 1956 г. были реабилитированы четверо видных партийно-государственных деятеля, казненных в 1949 г.— Л. Райк, Г. Палфи, Т. Шомёй, А. Шаллаи. Было принято решение о перезахоронении этих жертв политических процессов. Церемония была назначена на 6 октября, ставшее прелюдией революции в Венгрии. Впервые после установления коммунистической диктатуры сотни тысяч трудящихся вышли на улицы, демонстрируя протест против режима террора и беззакония.

Страна вышла из оцепенения. 17 октября союз писателей потребовал созыва съезда партии и выборов нового руководства, которое сможет преодолеть ошибки прошлого. Несколько дней спустя венгры узнали о событиях в Польше, которые произвели дурманящее воздействие на

студентов. Повсюду происходили митинги и собрания. На целом ряде собраний 22 октября студенты решили организовать 23 октября манифестацию солидарности с польским народом. В принятых на собраниях резолюциях выражались требования незамедлительного созыва ЦК партии для осуществления мероприятий, «обеспечивающих развитие социалистической демократии»; возвращения к руководству партией И. Надя и других товарищей, боровшихся за социалистическую демократию и ленинские принципы руководства; исключения Ракоши из состава ЦК; требования положить конец попыткам сталинистско-ракошистской реставрации в Венгрии.

Это не были революционные требования — о ниспровержении институтов диктатуры не было и речи. Центральный орган партии, опубликовавший 23 октября 1956 г. эти требования, полностью солидаризировался с ними, в частности заявив: «Мы поддерживаем мнение, что в руководстве партии нет места для тех, кто не желает последовательно идти по пути, предначертанному XX съездом...».

На следующий день состоялся многотысячный митинг у памятника Петефи и демонстрации в других частях Будапешта. Группы студентов потребовали передачи их резолюции по радио, но получили отказ. В ответ на повторные, все более угрожающие требования подразделения службы безопасности открыли огонь по студентам. Этот акт насилия был искрой, которая разожгла революцию.

В течение ночи по всему городу происходили стычки между демонстрантами и войсками. На рассвете студенты и рабочие захватили радиостанцию, редакцию и типографию Компартии и блокировали правительственные учреждения. Правительство обратилось за помощью к советским войскам, расположенным недалеко от Будапешта, и 24 октября советские танковые части вошли в город. Заседавший в течение ночи с 23 на 24 октября ЦК партии принял решение об объявлении осадного положения, реорганизации Политбюро и назначении И. Надя вновь на пост председателя Совета Министров.

24 октября тысячи демонстрантов собирались перед зданием парламента, где стояли советские танки, ничего не предпринимавшие против собиравшихся демонстрантов. Однако войска службы безопасности открыли огонь по демонстрантам с крыш близлежащих домов, от которого пострадали и экипажи советских танков. В начавшейся перестрелке число убитых и раненых превысило несколько сот человек. Эти события вызвали взрыв гнева по всей стране и привели к массовому вооружению народа и переходу части полиции и войск венгерской армии на сторону восставших.

Прибывшие в Будапешт А. И. Микоян и М. А. Суслов пришли к выводу, что возвращение И. Надя на пост председателя Совета Министров недостаточно для умиротворения восставших. Необходим был новый лидер партии, в качестве которого советские руководители выбрали Я. Кадара, одного из видных деятелей партии, реабилитированного в 1955 г.

Отыные руководство революцией находилось в руках И. Надя и Я. Кадара. Однако Надя не обладал ни темпераментом революционера, ни мудростью лидера. Тем временем революция распространялась по всей стране. Рабочие и студенты повсеместно создавали «национальные советы» и брали на себя функции государственных органов.

26 октября ЦК партии, непрерывно заседавший с 23 октября, издал прокламацию, извещавшую о предстоящем создании нового правительства на «более широкой национальной основе», о начале переговоров с Советским Союзом об отношениях между обоими государствами, о возвращении советских войск в места их расположения после восстановления порядка. Была объявлена амнистия для всех принимавших участие в вооруженной борьбе при условии своевременной сдачи оружия. Однако только два дня спустя закончились столкновения в Будапеште после того, как было реорганизовано правительство, в которое вошли философ Д. Лукач, бывший лидер Крестьянской партии З. Тилди, и когда Надь

в выступлении по радио объявил о роспуске «всем ненавистной службы безопасности». Его речь, казалось, была сигналом, возвещающим о победе революции.

Поворотным пунктом в развитии революции было 30 октября 1956 г., когда Надь объявил по радио о ликвидации однопартийной системы и образовании правительства на основе демократического сотрудничества коалиционных партий 1945 г. Он заявил также о решении правительства вести переговоры с СССР о полном выводе советских войск из Венгрии и призвал советское командование незамедлительно вывести войска из Будапешта.

После Надя с не менее сенсационным сообщением выступил Кадар. Он заявил, что Компартия Венгрии, насчитывающая 900 тыс. членов, «превратилась в пыль от первого же натиска революции, выродившись в результате слепой и преступной политики сталинистской банды Ракоши в инструмент деспотизма и национального порабощения». Кадар призвал к созданию новой партии, которая «раз и навсегда очистится от преступлений прошлого и будет развивать социализм не в рабском подражании зарубежным образцам, а в духе марксизма-ленинизма, свободном от сталинизма, на путях демократии, которые соответствуют экономическому и историческому характеру нашей страны». Сформированное Надем 1 ноября коалиционное правительство объединяло Коммунистическую партию, возрожденную Социал-демократическую партию, Партию мелких сельских хозяев и Национальную крестьянскую партию.

Главной проблемой, еще до сформирования нового правительства, стал вопрос о выводе советских войск из Венгрии и урегулирование межгосударственных отношений между обеими странами. Повстанческое движение, имевшее внутриполитическую окраску, вскоре после своего начала подстегнутое боевыми действиями советских танкистов, вылилось в страстную национальную революцию. Подлинная независимость Венгрии, разрыв отношений с Варшавским договором и провозглашение нейтралитета страны стали ее лозунгами.

Первое время создавалось впечатление, что Советское правительство признало силу национальных течений в революции и стремилось к компромиссному разрешению конфликта. Микоян и Суслов 30 октября вновь прибыли в Венгрию и одновременно было дано указание о выводе советских войск из Будапешта. Советское правительство выразило готовность начать переговоры с Венгрией и другими членами Варшавского пакта о пребывании войск на территории Венгрии. 30 октября советские войска были выведены из Будапешта, но на следующий день новые танковые дивизии, передислоцированные из Румынии, заняли все стратегически важные пункты в Венгрии за исключением Будапешта. Вызвав к себе 1 ноября советского посла Ю. В. Андропова, Надь заявил протест против передвижений советских войск и потребовал подтверждения прежних заявлений Советского правительства, которые были вскоре получены.

И. Надь собрал девять руководящих деятелей компартии, в том числе Кадара, Лукача, Шанто, информировал их о сложившейся ситуации и поставил перед ними вопрос о будущих отношениях Венгрии с Советским Союзом. Семь из них, в том числе Кадар, высказались за выход Венгрии из Варшавского пакта и объявление ее нейтралитета. Правительство полностью поддержало рекомендации руководства Компартии. Спустя несколько часов И. Надь информировал советского посла о принятом решении и незамедлительно известил о нем Генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда. Надь потребовал у Хаммаршельда тотчас же внести на рассмотрение Генеральной Ассамблеи вопрос о нейтралитете Венгрии и его защите четырьмя великими державами.

В ночь с 1 на 2 ноября Андропов передал Надю предложение Советского правительства забрать назад обращение Венгрии в ООН; тогда СССР, в свою очередь, выведет войска из страны. Надь принял предложение. На следующий день советский посол подтвердил, что его правительство приняло к сведению выход Венгрии из Варшавского договора и стремится к скорейшему урегулированию будущих политических отношений меж-

ду государствами и военно-технических вопросов. Советско-венгерская комиссия по обсуждению военно-технических вопросов начала свою работу 3 ноября в расположении штаб-квартиры советских войск. Спустя несколько часов после начала заседаний четыре венгерских делегата, в том числе министр обороны П. Малетер, были арестованы руководителем КГБ генералом армии Серовым. Тем временем советские танки окружили Будапешт. На рассвете 4 ноября началось сражение за Будапешт. В пять часов утра И. Надь выступил по радио, объявив о действиях советских войск, имеющих целью свержение законного демократического правительства Венгрии.

Однако спустя час по другой радиостанции, находившейся вне Будапешта, было оглашено заявление четырех коммунистов — членов правительства И. Надя — о своем разрыве 1 ноября с правительством Надя, оказавшегося под влиянием реакции, и о формировании контрправительства во главе с Я. Кадаром, хотя именно 1 ноября Кадар решительно поддержал Надя в его решении порвать с Варшавским пактом и даже заявил советскому послу, что если нужно, он будет бороться с оружием в руках на улицах против русских. Правда, поздно вечером 1 ноября Кадар исчез из Будапешта, в который вернулся в качестве главы контрправительства в сопровождении советских танков.

Революция сопротивлялась в течение четырех дней. Число убитых и раненых исчислялось тысячами. Свыше ста тысяч эмигрировали в Австрию и Югославию. И. Надь был арестован и спустя два года расстрелян. Будапешт был сильно разрушен.

Мир был потрясен происшедшими. Генеральная Ассамблея ООН, собравшаяся 4 ноября на чрезвычайное заседание, потребовала от СССР незамедлительного прекращения вооруженного нападения на народ Венгрии. Генеральный совет Социалистического Интернационала в своем протесте в связи с войной России против венгерского народа охарактеризовал ее как зверское попранье гуманных и демократических принципов социализма.

Тот факт, что революция была настоящим народным движением против тиранического режима Ракоши, может столь же мало подвергаться сомнению, как и то, что пролетарские массы отстаивали свободы, завоеванные в ходе революции.

Возникает закономерный вопрос: почему Советский Союз предпринял акцию, которая дискредитировала его в глазах всего мира и должна была поколебать веру многочисленных коммунистов в него как в социалистическую, антиимпериалистическую державу? Ответ на этот вопрос необходимо искать в решении Надя устранить однопартийную систему и восстановить демократию в стране. Этот переворот, по мнению руководства КПСС, создавал угрозу единству советского блока, гарантией которого было господство в государствах — членах блока коммунистических партий, лояльных Советскому Союзу.

Действия Советского Союза в отношении Венгрии были классическим случаем великодержавной политики — покорением маленькой беззащитной страны военной силой и сохранением господства над ней с помощью навязанного ей правительства. Это был также классический случай контрреволюции — свержения поставленного революцией у власти правительства и уничтожения завоеванной революцией свободы.

Эти действия Советского Союза, как в свое время пакт Сталина с Гитлером, явились поворотным пунктом в истории коммунистического движения. Многие коммунисты в различных странах отошли от движения, которое предало свои идеи и идеалы в угоду великодержавным интересам Советского Союза.

Пражская весна

«Пражская весна» — чехословацкая революция весной 1968 г. была одним из значительнейших событий в истории коммунистического движения. Обладая всей полнотой государственной власти в рамках системы коммунистического господства, КПЧ приняла решение трансформировать

государственные институты, основывающиеся на диктатуре партии, и создать новую модель социалистической демократии. Историческое значение этого шага состоит в том, что это была первая сознательная попытка правящей коммунистической партии путем перестройки политической структуры государства воплотить в жизнь идею свободы и автономии народа в концепции социализма.

Господство КПЧ, установленное К. Готвальдом в 1948 г., выродилось со временем в бюрократическую тиранию. Толчок к идейному сопротивлению против системы исходил от коммунистической интеллигенции, которая пробудила в партии осознание противоречия между идеалами социализма и действительностью режима диктатуры. Они возглавили борьбу за «социализм с человеческим лицом».

Однако при режиме, возглавляемом А. Новотным, вряд ли можно было ожидать коренных реформ. Правда, после XX съезда КПСС режим диктатуры постепенно смягчался. В частности, в 1960 г. в ходе амнистии были выпущены на свободу многие политзаключенные. Но при этом государственные институты остались не десталинизированы. Новотный пришел к власти в условиях сталинистской системы и с помощью сталинистских методов продолжал укреплять партийный аппарат своими людьми. Он боялся реформ не только потому, что они противоречили его представлениям о движении к социализму, но и потому, что они создавали угрозу его личному положению: Таким образом, путь к реформам возможен был только через замену руководства партии от самого верха до местных организаций.

Реформисты начали борьбу против партийного руководства с требованияния реабилитации невинных жертв террора времен правления Готвальда и Новотного. В общей сложности на длительное тюремное заключение были осуждены 70 тыс. неугодных режиму коммунистов и некоммунистов. Причем это были не только чешские коммунисты, обвиненные в в «титоизме», но и словацкие коммунисты за их «буржуазно-националистические отклонения». Среди последних находились и руководители Словацкой Компартии Г. Гусак и Л. Новомеский, осужденные в 1954 г. к пожизненному тюремному заключению, освобожденные в ходе амнистии 1960 г., но реабилитированные только в 1963 г., и В. Клементис, казненный в 1952 г.

Под давлением этого движения по инициативе словацких коммунистов, поддержанной чешскими реформистами, на XII съезде КПЧ в декабре 1962 г. была создана комиссия по расследованию политических процессов 50-х годов. В качестве «козлов отпущения» Новотный пожертвовал тремя наиболее ненавистными фигурами, запятнавшими себя активной деятельностью во время этих процессов: министром внутренних дел К. Бацилем, председателем Верховного суда Ю. Урвалеком и председателем Совета Министров В. Широким, которые были освобождены с занимаемых ими постов. К. Бацилек был также освобожден с поста Первого секретаря Компартии Словакии. На его место в апреле 1963 г. на съезде Словацкой Компартии был избран А. Дубчек.

Объектом критики реформистов стала стагнация экономики и была начата борьба за принципиальную реформу экономической системы. Экономический кризис 1963 г. выявил пороки системы централизованной плановой экономики, созданной по образцу СССР. Эта система, как показал в одной из своих работ директор Института экономики Чехословацкой Академии наук О. Шик, стала тормозом роста экономической науки страны. Шик развел программу преобразования производственного процесса путем децентрализации на основе повышения ответственности директоров предприятий и привлечения рабочих к управлению.

Эта программа, обсуждавшаяся внутри КПЧ в течение года, была опубликована в октябре 1964 и в январе 1965 г. одобрена ЦК КПЧ. Ее утверждение предполагалось осуществить на XIII съезде КПЧ в июне 1966 г. Программа экономических реформ должна была иметь и важные политические последствия. Как заявил на XIII съезде КПЧ О. Шик, осуществление этой программы было бы «большим шагом на пути к де-

мократизации нашего общества». Однако сталинистское крыло партии, контролировавшее ЦК, стремилось «исправить» программу, а когда она все-таки была принята съездом, всячески оттягивало ее осуществление.

Новотный был полон решимости воспрепятствовать ослаблению авторитета партии в ходе демократических реформ. Новый закон о печати, вступивший в силу 1 января 1967 г., отменял послабления в цензуре, действовавшие с 1963 г. Пресса была поставлена под контроль министерства культуры.

Новый закон о печати вызвал возмущение писателей и журналистов, выразившееся на съезде союза писателей в конце июня 1967 г. Съезд превратился в трибунал по обвинению политического режима, который искалечил духовную жизнь нации и низвел писателей и журналистов до уровня прислужников партии. В принятой съездом резолюции выражался протест против введения цензуры и влияния партии на прессу и печать. Председатель союза писателей, кандидат в члены ЦК КПЧ Я. Прохазка в заключительном слове полностью солидаризировался со всеми, кто борется против угнетения, преследований и яда антисемитизма.

Новотный ответил на критику писателей репрессиями. Целый ряд литераторов были осуждены, другие исключены из партии. Прохазка выведен из состава ЦК. Выступая в начале сентября 1967 г., Новотный предупредил бунтующих интеллигентов о том, что демократия и свобода имеют свои границы. Коммунистическая партия является руководящей силой в стране и полна решимости утверждать эту свою роль всеми необходимыми средствами.

Кризис руководства партии произошел на конференции членов и кандидатов в члены ЦК КПЧ, посвященной обсуждению места и роли партии на современном этапе развития социалистического общества, созванной 30 октября 1967 г. Атаку на режим Новотного на конференции начал Дубчек. Он потребовал перестройки структуры партии, перехода к новым методам руководства и, прежде всего, изменения отношений между партией и государством — отделения партии от государства, разделения постов Первого секретаря и Президента республики. Сторонникам пораженного таким поворотом событий Новотного удалось добиться перенесения заседания конференции на 19 ноября, чтобы выиграть время для осуществления контрмер.

Однако и следующая конференция не пришла к какому-либо решению из-за разногласий в Президиуме ЦК. Выступавший с резкой критикой деятельности Президиума, О. Шик заявил, что экономическое положение страны катастрофическое и необходимы жесткие меры для предотвращения кризиса. Он потребовал не только выборов нового Президиума ЦК, но также отмены запрета на создание оппозиционных группировок и их легализации. Новотный искусно защищался, признав некоторые свои ошибки и пообещав удовлетворить некоторые пожелания словаков. Ему удалось даже добиться нового перенесения заседаний конференции, хотя ход дискуссии продемонстрировал, что вопрос о его отставке уже решен. Новое заседание конференции было назначено на начало января 1968 г. Сторонники Новотного, используя полученную передышку, пытались прежде всего убедить советского посла в Праге С. В. Червоненко, что процесс либерализации, вследствие отстранения Новотного, будет невыгоден СССР. Были осуществлены также некоторые мероприятия, направленные на получение поддержки со стороны вооруженных сил ЧССР в осуществлении военного путча для укрепления позиций Новотного. Сведения об этих мероприятиях были раскрыты Дубчеком на заседании Президиума ЦК КПЧ и Новотному, заверившему в своей непричастности к путчистам, пришлось отдать приказ об их изоляции.

Это был последний эпизод в борьбе за власть между консервативными и революционными силами в КПЧ. 5 января 1968 г. было объявлено об отставке Новотного с поста Первого секретаря и избрании Дубчека его преемником.

Реформы партии и общества, к которым стремился Дубчек, были в коинечном счете совместимы с идеями марксизма, даже принимая во внима-

ние пересмотр ленинской теории о руководящей роли компартии в государстве и обществе. К этому выводу пришла «Программа действий» КПЧ, одобренная 5 апреля Пленумом ЦК. В основу ее был положен план реформ, разработанный Шиком, Ауэрспергом и Рихтой при содействии Дубчека и обсуждавшийся в печати и на партийных собраниях.

Программа отвергла доктрину о руководящей роли коммунистической партии в государстве и обществе в том виде, как она звучала ранее, и интерпретировала ее по-новому. При этом указывалось, что партия должна стремиться утвердить ведущую роль в государстве и обществе, которой она располагает, но не путем диктаторского насилия, а с помощью добровольной поддержки. «Она осуществляет свою руководящую роль,— говорилось в программе,— не тем, что господствует над обществом, а тем, что наиболее преданно способствует свободному, прогрессивному и социалистическому развитию. Она не может силой добиваться своего авторитета, а должна каждый раз вновь завоевывать его своими делами. Ее линия не может претворяться в жизнь с помощью директив, а только благодаря труду ее членов и правдивости ее идеалов».

Программа заявляла о реальности партии перейти к построению новой, глубоко демократичной, соответствующей условиям Чехословакии модели социалистического общества. Отказываясь от ранее применявшимся и дискредитировавших себя методов, программа выражала стремление опираться на творческую марксистскую мысль и опыт Интернационала.

Программа отвергала глубоко укоренившуюся советскую традицию, когда, сосредоточив абсолютную власть в стране, Политбюро ЦК решает, что можно и чего нельзя знать народу, какие взгляды могут быть публично высказаны и какие нет и т. д. Программа выступила только за публично мотивированное ограничение свободы мнений. Государственная служба безопасности ни в коем случае не могла быть использована в качестве инструмента подавления свободы мнений, ее деятельность должна быть сосредоточена на защите государства от внешних врагов. Каждый гражданин республики, указывалось далее в программе, чья деятельность не имеет ничего общего со шпионажем в пользу иностранных держав, должен иметь гарантию того, что его политические убеждения, взгляды и занятия не могут быть предметом внимания со стороны органов службы безопасности.

Программа постулировала возможность свободы мнений у членов Коммунистической партии. Последняя никогда не ставилась под сомнение и Лениным, который, хотя и пошел в неизвестно сложных условиях 1921 г. на запрещение создания оппозиционных фракций, но свободу мнений членов партии ничем не ограничивал.

Программа не только гарантировала право неограниченной свободы мнений членам КПЧ, но и рассматривала это право в качестве их долга. Спустя несколько месяцев это положение было развито в опубликованном в «Rudé právo» проекте нового Устава КПЧ. В проекте Устава указывалось, что гарантией свободы выражения мнений членами КПЧ является возможность «только идеологического воздействия» на представителей несогласного меньшинства. В проекте Устава содержались и другие положения по демократизации партии: тайные выборы партийных руководящих работников и ограничение срока пребывания их в выборной должности с целью воспрепятствовать формированию партийной бюрократии; отделение государственных функций от партийных и запрещение руководству партии занимать одновременно высшие государственные должности.

В Советском Союзе, традиции которого были скопированы Чехословакией, компартия была единственным источником силы в государстве. Но подобная монополия несовместима с демократией, которая основывается на принципе активного самоуправления народа. В связи с этим программа заявляла: «Власть социалистического государства не может быть монополизирована единственной партией или коалицией политических партий; она должна быть доступна всем политическим организа-

циям». Тем не менее программа обошла вопрос о возвращении к много-партийной системе, хотя логика развития по пути дальнейшей демократизации неизбежно привела бы к этому.

В частности, второй партией могла стать в Чехословакии только социал-демократическая. В мае 1968 г. пять старых членов бывшей социал-демократической партии обратились с воззванием, призывая к возрождению партии. Их призыв нашел широкий отклик: в течение нескольких недель по всей стране возникли 54 местные социал-демократические организации и около 500 рабочих и студенческих организаций этой партии.

Усиление социал-демократов по оживлению деятельности их партии создали определенные трудности для руководства КПЧ, которое в связи с этим было обвинено в письме пяти государств — членов Варшавского пакта в поощрении «антисоциалистических сил».

Программа действий КПЧ не была утопией, а представляла собой план построения социалистического общественного строя в высокоразвитом индустриальном государстве. Если бы эксперимент не был прерван советским вмешательством, он имел бы неоценимое значение как образец методов и техники бескризисного перехода от диктатуры к социалистической демократии.

Одним из удивительных феноменов чехословацкой революции был процесс ее развития, начавшийся с «дворцового переворота» в Центральном Комитете Коммунистической партии. Масса рядовых членов партии осталась незатронутой изменением соотношения сил между реформистами и консерваторами в руководстве партии. Они активизировались только после отставки Новотного с поста Первого секретаря 5 января 1968 г. Причем последний, не желая мириться с отставкой, сам привел в движение широкие массы рядовых членов КПЧ. Борьба между консерваторами и реформистами теперь была перенесена в низовые партийные организации.

Скандал, вызвавший волну всеобщего недовольства, разразился 1 марта 1968 г., когда стало известно, что креатура Новотного — секретарь партбюро министерства обороны генерал-майор Я. Шейна, находившийся под следствием, бежал с дипломатическим паспортом в США. За этим последовало сообщение о том, что Шейна в сотрудничестве с заместителем министра обороны генерал-полковником В. Янко направил танковую дивизию в Прагу для поддержки путча, который должен был восстановить позиции Новотного. Прежде чем комиссия по расследованию успела допросить Янко, он застрелился.

Повсюду проходили собрания с требованием расследовать «дело Шейны» и очистить политическую жизнь страны от авантюристов. Многотысячный митинг студентов 20 марта в Праге в послании, направленном Национальному собранию, потребовал отставки Новотного с поста президента Чехословакии. 22 марта Новотный подал в отставку, а 30 мая был выведен из состава ЦК КПЧ и исключен из партии. С падением Новотного рухнул и аппарат внутри партии, на который он опирался. КПЧ из инструмента режима Новотного стала носителем революции.

Сплотило же всю чехословацкую нацию под знаменем революции вмешательство СССР во внутренние дела страны, которое началось вскоре после избрания Дубчека Первым секретарем ЦК КПЧ. В Москве хотя и не опасались, что Чехословакия выйдет из Варшавского пакта, но принципиальная демократизация Коммунистической партии и государственного устройства, провозглашенная «Программой действий» КПЧ, представлялась руководству КПСС угрозой системе неосталинизма в форме господства коммунистической партии в Советском Союзе, Польше и Восточной Германии. Если бы в Чехословакии возникла качественно новая, демократическая модель социалистического общества, как это планировалось в «Программе действий» КПЧ и тем самым было продемонстрировано, что социализм может быть построен без подавления свободы, то в перечисленных выше странах система диктатуры лишилась какого-либо морального оправдания.

Советское руководство решило положить конец этому эксперименту с помощью дипломатического давления или, если необходимо, путем воо-

руженного вмешательства. 4 мая Дубчек прибыл в Москву для очередных переговоров. От него потребовали согласия на проведение на территории Чехословакии маневров армий Варшавского пакта и на постоянное размещение советских войск в стране. Дубчек вынужден был согласиться с первым требованием и решительно отверг второе.

Маневры начались 20 июня и преследовали цель «застрашать „ревизионистов“». Однако спустя неделю на страницах пражских газет была опубликована статья под названием «2000 слов», в которой описывалось возрождение старого коммунистического режима и содержался призыв к партии и нации продолжить процесс возрождения партии и общества, начатый «Программой действий», и завершить «очеловечивание режима». Статья была написана писателем Л. Вацуликом и подписана почти семидесятю писателями, учеными, художниками, в подавляющем своем большинстве членами КПЧ. Статья вызвала негодование в Москве и была расценена в «Правде» как открытый призыв к борьбе против Коммунистической партии Чехословакии и конституционной власти.

Острый кризис разразился 15 июля, после того как было опубликовано письмо конференции пяти социалистических стран в Варшаве к руководству КПЧ, в котором последнее призывалось к решительному наступлению на правое крыло в КПЧ и «антисоциалистические силы»; к подавлению всех политических организаций, направленных «против социализма», и к восстановлению цензуры в печати, на радио и телевидении.

Президиум ЦК КПЧ опубликовал «письмо пяти» и ответ на него, в котором решительно отказался от проведения требуемых мер. В письме указывалось: «Коммунистическая партия Чехословакиипытается продемонстрировать, что она способна к иному политическому руководству и управлению, чем дискредитированные бюрократическо-полицейские методы...» В заключение письма Президиум ЦК КПЧ решительно отвергал попытки вмешательства во внутренние дела Чехословакии.

18 июля Дубчек выступил по радио и заявил о решимости КПЧ полностью осуществить «Программу действий».

На следующий день стало известно, что советское руководство предлагало встречу с Президиумом ЦК КПЧ в Москве, Киеве или Львове. Однако Президиум по тем же соображениям, что в свое время и Тито, отклонил приглашение на встречу на территории СССР и настоял на проведении конференции на территории Чехословакии в небольшом пограничном городке Чиерна-над-Тисой. Переговоры открылись 29 июля. За три дня до их начала в специальном номере газеты «Literární listy» был помещен призыв к Президиуму ЦК КПЧ «оставаться твердым на переговорах в Чиерне и не капитулировать». Это обращение в форме петиции в течение нескольких дней было подписано миллионом чехов и словаков.

Переговоры в Чиерне несколько раз были на грани провала. Чехословацкая сторона требовала вывода войск, находившихся в стране почти месяц после окончания маневров, а советские руководители настаивали на «нормализации» политической атмосферы в Чехословакии в духе сталинских традиций. В качестве гарантии «нормализации» они требовали предоставления права на оккупацию Чехословакии. В конечном счете все же создалось впечатление, что конфликт удалось сгладить. Чехословацкая делегация подтвердила лояльность ЧССР Советскому Союзу и Варшавскому пакту и обязалась противодействовать антисоветским настроениям. Советские руководители обязались вывести войска из страны и прекратить нападки на Чехословакию в прессе. Итоговый документ был подписан в Братиславе 3 августа, когда последние советские воинские соединения покидали Чехословакию.

Однако спустя 17 дней, в 23 часа 20 августа войска пяти стран Варшавского договора во главе с СССР вторглись на территорию Чехословакии. Акция Советского правительства, как и в Венгрии в ноябре 1956 г., была спланирована как комбинация вторжения с государственным переворотом, т. е. к моменту вторжения советских войск должно было быть создано «дружественное» СССР правительство, в задачу которого входило

незамедлительно запросить помощь Советского правительства для борьбы с «контрреволюцией». Причем уверенность в успехе этого замысла была столь велика, что советский представитель в ООН имел полномочия заявить в ночь на 21 августа в Совете Безопасности следующее: «Как известно, воинские части социалистических стран вступили в пределы Чехословацкой Социалистической Республики на основании просьбы правительства этой страны, обратившегося за военной помощью к союзным правительствам».

Но этот план потерпел неудачу, хотя действительно за два часа до начала вторжения один из секретарей ЦК КПЧ, А. Индра, совместно с В. Биляком и Д. Кольдером, предпринял неудавшуюся попытку устранить Дубчека. В час ночи Президиум ЦК КПЧ выступил с обращением к народу Чехословакии, в котором извещал его о том, что два часа тому назад войска пяти социалистических стран без ведома президента республики, Президиума Национального собрания и Первого секретаря Коммунистической партии перешли границы. Эта акция, указывалось в обращении, находится в противоречии с основными принципами отношений между социалистическими государствами и представляет собой «отрижение основополагающих норм международного права».

В течение первых же часов после вторжения советскими войсками были арестованы, а затем отправлены самолетом в Москву Дубчек, председатель Совета Министров Черник и председатель Национального собрания Смрковский. Однако продолжавший исполнять функции президента ЧССР Л. Свобода решительно отказался выполнить требование прибывшего к нему утром 21 августа в сопровождении Индры и Ленарта командующего оккупационными войсками генерала Павловского о назначении нового правительства.

В изданном в 7 часов утра 21 августа обращении правительства к чехословацкому народу требовался незамедлительный вывод войск из страны и выражалась уверенность, что граждане не потерпят назначения правительства, не избранного в результате свободных и демократических выборов.

Созванное на чрезвычайное заседание Национальное собрание приняло обращение, в котором указывалось, что «ни один конституционный орган Чехословацкой Социалистической Республики не был уполномочен ни обсуждать вопрос о вводе иностранных войск, ни одобрять подобные дискуссии или приглашать оккупационные войска пяти государств Варшавского пакта». Таким образом, заявление ТАСС об обращении руководителей КПЧ к Советскому правительству было полностью дезавуировано.

Назначенный на 9 сентября очередной XIV съезд партии состоялся нелегально 22 августа в фабричном помещении в пригороде столицы в Высочанах. Из 1543 избранных делегатов на съезд прибыли 1192. Съезд избрал новый ЦК во главе с Дубчеком, Черником, Смрковским, находившимися под арестом, генералом Свободой, Гусаком, Гольдштюкером и Шиком. В заявлении съезда, в частности, указывалось: «В Чехословакии не было никакой контрреволюции и социалистическому развитию ничто не угрожало; безграничное доверие к новому руководству партии во главе с товарищем Дубчеком продемонстрировало, что народ и партия несомненно способны сами решить возникающие проблемы». Заявление требовало незамедлительного вывода войск и начала в течение 24 часов переговоров между представителями СССР и Чехословакией. Если последнее требование не будет удовлетворено, то трудящиеся всей страны будут призваны 23 августа к проведению всеобщей одночасовой забастовки протеста. Обращение XIV съезда КПЧ было поддержано президентом ЦК профсоюзов.

Этот неслыханный акт насилия над государством, управляемым коммунистами, со стороны другого коммунистического государства советское руководство пыталось оправдать как «акцию по спасению социализма». По версии, изложенной в «Правде», контрреволюция в Чехословакии была трудно «доказуема», представляя «новый феномен в истории»,

так называемую «ползучую контрреволюцию», но определенно существовала. И это служило оправданием для оккупации страны, несмотря на то что в статье 8-й Варшавского договора, заключенного 14 мая 1956 г. ясно указывалось, что договаривающиеся стороны не будут вмешиваться во внутренние дела друг друга.

Однако право на вмешательство было теоретически обосновано в вышеупомянутой статье в «Правде» от 26 сентября 1968 г. Автор статьи признал, что действия пяти социалистических стран противоречат марксистско-ленинским принципам суверенитета и права наций на самоопределение, но только «абстрактному суверенитету» и «абстрактному праву наций на самоопределение». Однако марксистская диалектика, утверждал автор, отвергает одностороннее толкование исторических феноменов. Суверенитет и право на самоопределение социалистических стран не являются абсолютными, неограниченными правами, ибо они не могут противопоставляться интересам мирового социализма. Эта теория спустя несколько недель была официально провозглашена в качестве советской доктрины в выступлении Л. И. Брежнева на съезде ПОРП в Варшаве.

Действия СССР в отношении Чехословакии вызвали взрыв возмущения всего демократического мира и глубокий кризис в международном коммунистическом движении. Генеральный совет Социалистического Интернационала, собравшийся 21 августа в Копенгагене, в принятой резолюции осудил вторжение как «чисто агрессивный акт, разоблачающий империалистический характер отношений, в которые Советский Союз стремится втиснуть своих союзников по Варшавскому пакту».

Член Политбюро ЦК Компартии Австрии Э. Фишер требовал разрыва отношений между австрийскими коммунистами и КПСС; член Политбюро ЦК Компартии Франции Р. Гароди требовал отставки советского руководства; лидер Компартии Швеции С.-Х. Хермансон настаивал на разрыве дипломатических отношений между Швецией и СССР. Почти все коммунистические партии Европы официально отмежевались от действий Советского Союза.

Однако в международном коммунистическом движении и даже среди европейских компартий реакция на события в Чехословакии не была однозначной. Но при этом факт оставался фактом: война Москвы против Чехословакии была войной не между социализмом и капитализмом, а войной между Советским Союзом и «ревизионизмом», войной против «новой модели социализма».

Действия СССР против Чехословакии поставили перед международным коммунистическим движением две принципиальные проблемы: проблему автономии коммунистических партий и проблему сущности «ревизионизма». «Доктрина Брежнева» оспаривала право отдельных коммунистических партий, стоящих у власти, на неограниченную автономию. Со временем распуска Коминтерна советское руководство взяло на себя функции международного коммунистического трибунала, который, так сказать, от имени «социализма» выносит приговор о политике компартий социалистических стран. Для В. И. Ленина было очевидным, что каждая страна пойдет своим, соответствующим особенностям страны путем к социализму. Об этом он писал еще в 1916 г. в статье «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“». Сталин же отбросил эту концепцию и отправлял на виселицу руководителей тех компартий социалистических стран, которые пытались искать «особый путь» к социализму. Преемники Сталина, подвергнув критике «культ личности», не перестали быть сталинистами. Они шарахались от любой реформы, которая могла бы изменить структуру советской системы, ибо любая ее перестройка может поколебать аппарат власти, на котором базируется их собственное господство, власть и привилегии «нового класса», возникшего в процессе развития Советского государства.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Год 1989

Ниже публикуются материалы «круглого стола», проведенного 10 января 1990 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ). Обсуждавшиеся события имеют первостепенное значение не только для стран региона, но и для Европы и мира в целом. Виднейшие политологи единны в их оценке как важнейших политических изменений, произошедших в Европе после второй мировой войны. Высказанные участниками семинара мнения, естественно, не претендуют на глубину обобщений. Скорее их следует рассматривать как первую попытку осмыслить события по «горячим следам», наметить возможные перспективы их развития и поставить задачи изучения.

В. К. ВОЛКОВ, д-р ист. наук, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР

В конце 1989 г. над странами ЦЮВЕ пронеслась лавина революционных преобразований. Рухнули сложившиеся здесь за послевоенные десятилетия командно-административные системы. Изменения происходили не только с громадной быстротой, но и отличались глубиной и радикальностью. Сегодня мы делаем первую научную попытку дать им оценку. В этом и состоит цель нашего «круглого стола».

На нашем пути — много трудностей. Первая из них состоит в том, что источники нашей информированности недостаточны, слабы. Пресса из самих стран приходит нерегулярно, с большими купюраторами. К тому же появляются новые газеты и журналы. Мы на них не подписаны, в библиотеках их тоже не получают, и они, следовательно, остаются вне нашего поля зрения. Второе: наш ТАСС работает плохо. Видно, что если в кризисном состоянии находится вся система, то и отдельные ее звенья не могут работать лучше остальных.

Далее, вопрос о масштабах произошедших изменений и событий. Современники событий редко бывают в состоянии оценить по достоинству размах явлений, очевидцами которых они становятся. По-видимому, и сейчас мы наблюдаем тот же процесс. Но тем не менее мы уже можем констатировать, что в конце 1989 г. в странах ЦЮВЕ произошла серия революций, которые фактически направлены на демонтаж командно-административной системы или ее остатков, доставшихся нам в наследство от прошлых эпох — периода сталинизма, периода застоя (т. е. разных этапов развития одного и того же типа власти).

Видимо, можно согласиться с оценкой, прозвучавшей в новогоднем выступлении президента Франции Фр. Миттерана (а он является государственным деятелем, склонным к историческим обобщениям), что события в ЦЮВЕ в конце 1989 г. явились самым крупным событием в Европе, а может быть, и во всем мире, после второй мировой войны. Вот масштабы, которыми, видимо, надо оценивать эти события. Такая констатация представляется близкой к действительности.

Как можно охарактеризовать те изменения, которые произошли в конце 1989 г. в странах ЦЮВЕ и положили начало новым процессам, происходящим там сейчас? Прежде всего, наблюдалось невиданное явление — цепная реакция воздействия событий в одной стране на положение в других странах. Фактически такого явления в Европе не наблюдалось с середины XIX в., с революции 1848 г., когда революционный пожар перекидывался с одной страны на другую по всему континенту. Теперь же революционными переменами была охвачена вся Восточная Европа.

Правомерно поставить вопрос, какое воздействие оказала перестройка в нашей стране на события в ЦЮВЕ. Ответ на него недвусмысленный: это было прямое влияние. И в том плане, что перестройка у нас идейно и политически подготовила революционные перемены в странах ЦЮВЕ в конце 1989 г. Накапливаемые в нашей стране количественные и качественные изменения в области гласности, теоретического мышления, идеологических проблем в конце концов были восприняты в других странах. Восприятие, конечно, было не одноразовым и шло по этапам, которые различались в отдельных странах. Но все новые, накапливающиеся элементы наталкивались на проблему внутренней сопротивляемости и негибкости административно-командных систем, сложившихся в странах региона. И здесь нам и как наблюдателям событий, и как историкам, занимавшимся предшествовавшим периодом, придется поставить вопрос: почему практически все командно-административные системы (несмотря на существенные различия между собой) оказались имманентно неспособными к глубоким внутренним реформам? Ведь фактически ни один из этих режимов не реформировался, а были просто сломаны (либо надломлены, а затем их стали демонтировать другие общественные силы). Это явление нуждается в осмыслении и оценке. Здесь встает вопрос о качестве руководства стоявших у власти политических сил, которые складывались в руководящие группы на протяжении четырех с половиной десятилетий.

Монопольное положение у власти привело к политической и моральной деградации руководящего слоя в коммунистических и рабочих партиях. Такой вывод не представляется чрезмерным или крайним. Достаточно посмотреть, что ни один из лидеров прежней правящей элиты не сохранился у власти после революционной бури конца 1989 г. Более того, многие из них оказались исключенными из возглавлявшихся ими до того партий, обвинены в злоупотреблениях властью и служебным положением, в коррупции, некоторые арестованы и предстанут перед судом за совершенные преступления.

Встает вопрос и о причинах столь быстрого краха командно-административных систем во всем регионе ЦЮВЕ. Темп событий в этих странах оказался несравнимым с нашей динамикой развития. Почему? Размышления над этими проблемами приводят к выводу, что к тому имелся ряд причин.

Первая состоит в том, что в большинстве стран этого региона сохранились более или менее значительные остатки гражданского общества. В Польше, Венгрии ГДР, ЧССР и Болгарии —rudimentарные партии в рамках отечественных и национальных фронтов, долго действовавшие как послушные союзники руководящих коммунистических и рабочих партий; творческие союзы интеллигенции, имевшие значительно более либеральный статус, чем у нас; достаточно развитая сеть неформальных объединений и т. д., которые стали естественным рычагом, ускорителем развития. Эта общая констатация нуждается в конкретизации по каждой отдельной стране.

Вторая особенность состоит в широко распространенных в различных слоях общества убеждениях в необходимости глубоких реформ, которые отвергались руководящими группировками в этих странах, что способствовало размежеванию сил и формированию на этой базе общенационального консенсуса относительно потребности изменений (тем более что там, за редким исключением, не было тех национальных проблем, которые так осложняют нашу перестройку).

Наконец, экономические трудности, которые переживали все без ис-

лючения страны ЦЮВЕ. В принципе они однотипны с трудностями, которые переживает СССР, хотя там не было (за исключением Румынии) столь острого дефицита потребительских товаров, как у нас. Однако общее отставание их уровня развития от соседних стран, с которыми они были в прошлом столь тесно связаны, нарастающий технологический разрыв, увеличивающаяся дистанция в сфере образования, медицинского обслуживания, социальной защищенности по сравнению с западноевропейскими государствами,— все это способствовало накапливанию глубокого недовольства и являлось мощным стимулом реформаторских настроений.

При анализе всех причин, приведших к быстрому краху командно-административных систем в странах ЦЮВЕ, целесообразно учитывать также их условное разделение на 3 группы, а именно: страны, находившиеся ранее на уровне высокого развития (ГДР, ЧССР), среднего развития (Венгрия, Польша, частично — Югославия) и относительно низкого развития (Болгария, Румыния, частично Югославия). По принятым при таком делении критериям к этой группе в целом относится и СССР). Характерно, что все они по-разному реагировали на становление в них командно-административных систем в послевоенный период. Так, только в странах первых двух групп наблюдались общественно-политические кризисы (ГДР — 1953 г., Венгрия — 1956, Польша — 1956, 1980—1981, Чехословакия — 1968 г.), тогда как страны третьей группы ими охвачены не были, (развитие Югославии имеет свою специфику). Это деление не следует абсолютизировать, равно как не надо и совсем отказываться от него. И революционная волна конца 1989 г. показала, что развитие событий в странах, относящихся к той или иной группе, имеет некоторые совпадающие черты, которые позволяют говорить об известной типологии развития событий. Однако по большому счету на первом, переживаемом и сейчас, этапе, наблюдается гораздо больше общих черт, присущих всем этим странам вместе взятым.

Во-первых, это отказ во всех этих странах правящих коммунистических и рабочих партий от монопольного положения, от конституционных гарантов своей ведущей роли, а также бурный процесс складывания многопартийной системы. При этом там, где элементы гражданского общества были менее развиты либо хуже сохранились, а командно-административная система была более «бетонной» и решительнее отвергала назревшие реформы, развитие событий приняло наиболее взрывной и непредсказуемый характер (например, в Румынии).

Во-вторых, выведение из-под контроля коммунистических и рабочих партий вооруженных сил и служб государственной безопасности, что рассматривается многими новыми общественными силами как важнейший элемент демонтажа командно-административной системы. Связанные с этой задачей практические действия предпринимаются во всех странах, хотя реальные их последствия далеко не одинаковы.

В-третьих, идет непрекращающаяся борьба за средства массовой информации, за основание новых органов печати, за издательские мощности, за время в эфире и на экранах телевизоров.

В-четвертых, программа экономических реформ в большинстве стран только вызревает. Дальше других продвинулись по этому пути Польша и Венгрия. Здесь однозначно воспреобладала ориентация на рыночную экономику и многоукладность, включая признание права на существование и за частной собственностью. Разрабатываются мероприятия по борьбе с инфляцией. Обсуждаются проблемы внешнеэкономических связей, включения народных хозяйств отдельных стран в мировую экономику (особенно в связи с процессами интеграции западноевропейских стран), ведется поиск путей преодоления технологической отсталости. По общему признанию, процесс оздоровления экономики будет представлять самую трудную проблему на ближайшее десятилетие.

Все указанные выше черты и тенденции политического развития набирают силу и обещают раскрыться в полной мере в ходе предстоящей предвыборной борьбы (выборы предстоят: в ГДР и Венгрии — в марте,

в Румынии и частичные в Болгарии — в мае, в воеводские и местные органы самоуправления в Польше — в апреле, а ЧССР — в июне 1990 г.). Одновременно обостряется идеологическая борьба, которая уже обнаружила ряд особенностей. Так, ее составной частью является изменение государственной символики с целью устраниния из нее партийно-коммунистических черт и придания ей традиционно национального облика, а также изменения в наименовании государств (из названий Венгерской Республики и Польской Республики изъято например, слово «народная», из Чехословацкой Республики слово «социалистическая»). Вероятно, последуют и другие изменения. Все это является лишь внешними проявлениями, очерчивающими основную линию борьбы. Если раньше основным водоразделом являлся тот или иной облик, модель социализма («социализм с человеческим лицом»), то теперь многие оппозиционные силы демонстративно отвергают идеи социализма как ложные, отрицают за коммунистическими и рабочими партиями способность вывести свои страны из кризисного состояния, в которое они завели их своей предшествующей политикой, и ставят целью их полное отстранение от власти.

В таких условиях сами коммунистические и рабочие партии стран ЦЮВЕ вступили на путь критического переосмысления своей политики за весь послевоенный период, а также радикальной внутренней реорганизации. В ряде из них появились фракции со своими платформами.

Все сказанное выше дает основание поставить вопрос о характере тех революционных преобразований, которые потрясли социалистический мир в конце 1989 г. По своим движущим силам это были народные революции, под напором которых рухнули повсеместно командно-административные системы тоталитарного типа. Какое же воздействие окажут эти события, охватившие 7 европейских стран с населением более 130 млн человек, на судьбы мирового социализма? Немало участников событий, а также многие западные наблюдатели, привыкшие идентифицировать социализм со сталинистской командно-административной системой, расценили это как «摧毀 мирового социализма». Можно сказать, что в таком выводе проявился эффект бумеранга наших собственных стереотипно-догматических представлений о социализме, которые долгие десятилетия выдавались за марксистскую истину в последней инстанции. На деле же, как убеждаемся сейчас не только мы, становление командно-бюрократических систем в СССР, а после второй мировой войны и в странах ЦЮВЕ, явилось сворачиванием в сторону от магистральной дороги мировой цивилизации, дорогой в сталинский тупик. Крушение таких систем будет означать возвращение этих стран в общее русло развития мировой цивилизации, поворот в сторону общечеловеческих и гуманитарных ценностей.

Новое мышление означает и новое видение социализма. Ничто так не дискредитировало идеалы социализма, как существование командно-административных систем в СССР и других странах, которые выдавали эти тоталитарные режимы с их террористическими полицейско-бюрократическими методами правления за осуществление таких идеалов. Нет, это была не деформация социализма, а полное извращение социалистических идеалов. На деле существовал полный разрыв между марксистской теорией и политической практикой: деформированная и изуродованная теория использовалась как идеологическое прикрытие командно-бюрократическими слоями для легитимации своей власти. Крушение таких режимов в странах ЦЮВЕ не ударило, а приблизило их к идеалам социализма, хотя последние и потускнели от злоупотребления ими в предшествующие десятилетия.

В таких условиях встает вопрос о дальнейших альтернативах развития. И хотя в целом по региону положение в отдельных странах существенно разнится, можно условно выделить три основных идеиных течения, пытающихся осмыслить происшедшее с определенных позиций и наметить, исходя из сделанных оценок, определенные варианты.

Первый и самый крайний вариант гласит, что коммунизм как идеология обанкротился, а как политическая практика потерпел полный крах, что коммунистические и рабочие партии ни на что больше не способны.

Отсюда делается вывод, что надо возвратиться к капитализму и идти по пути, уже проторенному западными странами. Словом, вперед к капитализму. Такие мысли были достаточно четко высказаны рядом политиков в Польше (в частности, Л. Валенсой). Не чужда она и некоторым течениям в других странах.

Сторонники второго варианта развития, исходя из констатации, что командно-административная система потерпела фиаско, тем не менее считают, что социалистические идеалы все же сохраняют свою привлекательность, но могут существовать лишь в социал-демократическом варианте. Поэтому надо брать социал-демократические рецепты и по ним врачевать больное общество.

Третий вариант выдвигают лица и течения, которые, соглашаясь с выводом о банкротстве командно-административной системы, видят в таком банкротстве предпосылку для истинного возрождения коммунистических идеалов, убеждены в том, что социалистические ценности отвечают подлинным интересам человечества, и на основе уже сделанного социалистического выбора следует искать адекватные модели общественного развития.

Характерно, что в странах ЦЮВЕ, в отличие от Советского Союза, пока не наблюдается открытых апологетов командно-административной системы. Хотя опыт подсказывает, что многие функционеры прежних режимов не откажутся от своих прежних взглядов и привычек, общественная атмосфера в этих странах такова, что они не могут отважиться на выступление под своим собственным знаменем. Что касается упомянутых выше трех основных вариантов развития, то вполне естественно, что в реальной действительности они редко встречаются в чистом виде, часто комбинируются в головах отдельных деятелей и программах политических течений, и, конечно, не исчерпывают многообразия всех разворачивающихся процессов.

События привели к громадной потере авторитета бывшими правящими партиями. По данным социологических опросов в Польше, например, всего 9 % населения выступает в поддержку ПОРП, и трудно сказать, как повлияет на общественное мнение прошедший в конце января 1990 г. съезд этой партии, которая намерена реорганизоваться в новую, социал-демократическую партию Польши. По данным социологических исследований КПЧ может рассчитывать на поддержку менее 10 % населения. Трудно сказать, насколько такие прогнозы точно отражают действительное состояние дел: его определят только предстоящие выборы. Нелегким представляется положение и в других компартиях. По-видимому, ни одна из них не может рассчитывать на получение большинства голосов на будущих парламентских выборах. Наиболее реальная перспектива для них — это оказаться в положении парламентской оппозиции или в лучшем случае в составе блока левых сил.

Можно ли охарактеризовать происходящие ныне перемены в странах ЦЮВЕ как демонтаж командно-административных систем? По-видимому, только условно, и вот почему. Сам термин «демонтаж» как бы подразумевает наличие некоего плана (или планомерности действий) и какой-то определенной силы, которая его осуществляет. В ходе же событий конца 1989 г. произошел слом старых механизмов власти, чему предшествовал короткий, но интенсивный период резкого ослабления их авторитета и быстрой утраты ими эффективности контроля за политическими процессами. Нельзя, однако, сказать, что такие процессы протекали совершенно бесконтрольно: во многих странах быстро оформились политические течения, которые направили события в желательное для них русло. Но это не был демонтаж, поскольку новые силы не собирались использовать никакие узлы из старых механизмов. Напротив, они стремились и продолжают прилагать усилия к их полному устраниению, оставляя лишь внешнюю оболочку старых форм. И хотя сейчас появляются новые структуры, которые определяют уже основные тенденции развития, сохраняется много стихийности, и единственным гарантом мирного течения событий может являться только политическая культура общества, стоящего на уровне требований конца XX в. и готовящегося вступить в третье тысячелетие.

Сейчас для нас чрезвычайно важно осознать, что же реально происходит в этих странах, каковы появившиеся там альтернативные группы интересов, какие новые партии их представляют, что может представить собой в каждой отдельной стране весь спектр политических течений. Возникает новое качество, складывается новое политическое лицо каждой из этих стран. В них восстанавливаются исторические партии, традиционные силы, появляются новые течения типа «зеленых», которые везде играют достаточно любопытную роль, выступая в составе левых сил. Встает вопрос, что получит преобладание: союз левых сил, за который сейчас выступают перестроочные силы коммунистических и рабочих партий, или же другие политические комбинации, включая центристские и правые, в том числе и право-радикальные. Ответ на этот вопрос очень важен для точного анализа происходящих перемен. Пока что вызывает настороженность такое явление, как появление в отдельных странах взамен старого консервативно-аппаратного диктата нового диктата экстремистских сил. Это новое и неожиданное явление, которое выступает как отрицание политического плюрализма и способно принести серьезные осложнения.

Происшедшие изменения в ЦЮВЕ ставят нас перед необходимостью проанализировать также их последствия на международной арене, а частности проследить, во что вылились такие явления, которые мы раньше определяли как «мировая социалистическая система» и «содружество социалистических стран», которое было представлено в Европе такими организациями как СЭВ и ОВД. Надо полагать, что они также претерпят изменения, адекватные по масштабам изменениям во внутриполитической жизни входящих в них стран. Чрезвычайно важным представляется новое звучание германского вопроса, поскольку перемены в ГДР поставили вновь проблему объединения Германии, форм дальнейшего развития отношений ФРГ и ГДР, что затрагивает уже интересы всей Европы, в частности возбуждает тревогу и в западноевропейских государствах.

Несомненно, что мы будем свидетелями реанимации многих старых идеологических постулатов, в частности в области внешней политики. Опыт уже показал, что новые политические силы, возникающие сейчас в этих странах, возрождают многие старые внешнеполитические концепции, основанные на том или ином понимании национально-государственных интересов своих стран и народов. И здесь придется уделить внимание не только межвоенному периоду, но и эпохе национально-освободительного движения народов региона в XIX в., когда зарождались многие такие концепции (концепции исторического права, государственного права и т. д.). Получат новую актуальность и вопросы, связанные с территориальными проблемами, языковыми проблемами, с культурным наследием.

Нам предстоит встретиться со многими явлениями, которые окажутся для нас либо неожиданными, либо очередными «белыми пятнами», старательно обходимыми в свое время (например, история церквей и религий в ЦЮВЕ, в частности история взаимоотношения католицизма и православия в связи с приближающейся 400-летней годовщиной Брестской унии).

Б. Й. ЖЕЛИЦКИ, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр. ИСБ

В Венгрии первая попытка реорганизации сталинско-ракошистской модели социализма была предпринята еще в 1953 г. И. Надем и его сторонниками, однако административно-командная система оказалась слишком сильной и быстро свела на нет их начинания.

Вторая попытка, вылившаяся в народное восстание 23 октября — 4 ноября 1956 г., закончилась трагически не только для Венгрии, но и для международного коммунистического движения, ибо подавление народного восстания советскими войсками вызвало широкий негативный международный отклик. В последующие годы в Венгрии был восстановлен неосталинистский режим в его либерализированном варианте. Как ни странно, именно в период его господства были реализованы практически все требования, выдвигавшиеся восставшими в 1956 г.

Третья попытка модернизации системы, на этот раз только в экономи-

ческой сфере, была предпринята в 1968 г. Однако события «пражской весны» вызвали подозрения у неосталинистов и по отношению к венгерской экономической реформе, хотя она проводилась осторожно и весьма непоследовательно. В результате в 1973—1974 гг. под давлением догматиков внутри страны и брежневского руководства в СССР реформы в Венгрии были фактически свернуты.

Половинчатость и незавершенность реформ конца 60-х — начала 70-х годов лишь усугубили кризис административно-бюрократической системы в Венгрии. Новый тур реформ начался во второй половине 80-х годов, с началом перестройки в СССР. В мае 1988 г. на смену Я. Кадару приходит новое поколение лидеров — К. Грос, Генеральный секретарь ВСРП; И. Пожгаи, руководитель ОНФ; инициатор и разработчик реформы 1968 г. Р. Ньерш. По инициативе И. Пожгаи и Р. Ньерша в Венгрии открываются все шлюзы гласности, возникают многочисленные так называемые «альтернативные» политические течения, группы, партии (к концу 1988 г. их насчитывалось около 40, сейчас — более 70), что говорит об атомизации политических настроений в обществе, недостаточной зрелости политических групп. К концу 1988 г. в новом руководстве наметилось размежевание: К. Грос выступил за умеренные реформы, И. Пожгаи, исходя из царящих в стране настроений,— за далеко идущую политическую реформу на путях многопартийности. Он же стал инициатором переоценки событий 1956 г., квалифицируя их как народное восстание.

На февральском 1989 г. Пленуме ЦК ВСРП многопартийная система в Венгрии была признана не только как реальность, но и как необходимость. ВСРП отказывалась от своего привилегированного, монопольного положения. К этому времени в партии уже четко сформировались три направления: консерваторы (так называемые фундаменталисты), радикальные реформаторы и безразличный центр. Налицо было падение престижа ВСРП, с 1987 г. по март 1989 г. ее ряды покинули 100 тыс. членов. Факт падения влияния ВСРП и политическая активизация «альтернативных» партий и групп вызвали необходимость переговоров между ними о путях демократического переустройства страны.

Однако консервативная часть руководства ВСРП все еще не хотела смириться с мыслью о потере ведущего положения, что проявилось на созванном по ее инициативе «круглом столе» 8 апреля 1989 г., куда были приглашены только традиционные общественные организации. Это вызвало контрреакцию новых политических сил, созвавших свой «круглый стол», участники которого заявили, что не намерены нести ответственность за 40 лет ошибок коммунистов. Руководство ВСРП вынуждено было отступить и согласиться на созыв «круглого стола» с участием всех политических партий и групп, что и было осуществлено в апреле—мае 1989 г. Общенациональный «круглый стол» завершился подписанием соглашения о создании в Венгрии системы парламентской демократии. ВСРП должна была быть преобразована из «бюрократической государственной партии» в реформаторскую партию левого направления. Но этот шаг не остановил падения влияния партии, а, возможно, его ускорил. С целью стабилизации положения ВСРП на пленуме в июне 1989 г. вновь были произведены перестановки в руководстве и образован новый орган — Президиум ЦК, председателем которого стал Р. Ньерш, как глава партии. Новому руководству было поручено подготовить съезд партии, который состоялся 6 октября 1989 г. Съезд провозгласил полную реформу партии, изменил ее название (ВСП), председателем стал Р. Ньерш. Новая партия отказалась от принципа демократического централизма, государственного характера партии, высказалась за многопартийную систему, заявила о готовности вступить в союз с левыми силами. Идеологической основой ВСП являются идеи социал-демократического движения Венгрии. В сфере экономики признается равноправие всех видов и форм собственности и необходимость перехода к рыночной экономике. К концу 1989 г. в ВСП перерегистрировались около 82 тыс. членов.

Консерваторы и бывший партапарат в декабре 1989 г. провели свой «полусъезд» и заявили о восстановлении ВСРП. Инициатором стала груп-

Р. Рибанского, бывшего секретаря Я. Кадара, стоящая на позициях восстановления «диктатуры пролетариата», партийной милиции, введения жесткой однопартийной системы. К группе Рибанского присоединились К. Грос и Я. Берец со своими сторонниками.

Таким образом, раскол левых сил в Венгрии стал фактом. В общем, руководители ВСП в душе приветствовали воссоздание ВСРП, так как антипатии избирателей на будущих свободных выборах будут сконцентрированы на ней.

В. И. БЕЛЯЕВА, канд. ист. наук, научн. сотр. ИСБ

Рассматривая последние события в Чехословакии, необходимо ответить на вопрос: что же там произошло, революция это или нет? Для ответа нужно вспомнить события февраля 1948 г. Советская историческая наука начинает постепенно осознавать, что в странах нашего региона во второй половине 40-х годов происходили не революции в чистом виде, а, скорее, насаждение советской модели социализма в ее наиболее жесткой форме — сталинской. В таком случае то, что произошло в ноябре — декабре 1989 г., это не революция, а политический переворот, отстранение от неограниченной власти коммунистической партии. Так называемые социалистические страны на протяжении сорока с лишним лет постоянно потрясали политические и экономические кризисы. Тот факт, что в обществе все время были силы (причем в Чехословакии в 1968 г. это были коммунисты), которые хотели изменить сложившуюся систему, говорит о ее достаточно искусственном характере.

Пытаясь оценивать события в Чехословакии, нельзя забывать, что менталитет человека из Центральной Европы существенно отличается от советского, несмотря на десятилетия замкнутости и видимой приближенности к стереотипам нашего мышления. Поэтому опасения крайне левого или правого развития, по-моему, безосновательны. Скорее всего, развитие пойдет по среднему, центристскому пути. Сообщения об отдельных мерах репрессивного характера по отношению к коммунистам не должны пугать, так как, с одной стороны, это вполне естественная реакция на многие годы репрессивной политики КПЧ, а с другой — каждый такой случай зависит от конкретной личности и конкретных обстоятельств.

Ключевые события в истории Чехословакии после 1948 г. происходят с периодичностью в двадцать лет. По новейшим исследованиям политологов и психологов, именно за этот период происходит смена поколений, которые выдвигаются на авансцену политической жизни. То, что в Чехословакии события приняли мирный оборот и даже заслужили название «нежной революции», объясняется сохранением структур гражданского общества. При всей жесткости идеологического давления в стране физического уничтожения интеллигенции не было.

Полная неспособность политического руководства контролировать демократическое развитие в стране, непонимание стремлений народа ставят вопрос о качестве этого руководства. Качество это, как наглядно проявилось, было крайне низким. В то же время оппоненты режима проявили высокий уровень соответствия нынешним задачам политического руководства. Те из них, кто оказались на Западе, полностью вписались в западноевропейскую интеллектуальную жизнь и даже, как например, И. Пеликан (в 1968 г. он возглавлял чехословацкое телевидение) в политическую. Пеликан приехал сейчас в Чехословакию не только как итальянский гражданин и член итальянской Социалистической партии, но и как депутат Европарламента. Оппоненты, оставшиеся в стране, также ныне демонстрируют высокую степень включенности в современные политические процессы — нынешний министр иностранных дел И. Динстбир во время переговоров в ГДР и ФРГ не выглядел «истопником», в качестве которого он был вынужден работать до «нежной революции».

Хотелось бы высказать еще вот какое соображение: слом тоталитарной системы, который происходит сейчас в странах региона, не напоминает ли по своим основным задачам процессы денацификации, через которые

прошла Западная Германия после краха гитлеровского режима? Если так, то надо серьезно подумать, как определять существовавшую в этих странах систему, отказавшись от устаревшей терминологии и стереотипов.

И. И. ПОП, д-р ист. наук, ведущий научн. сотр. ИСБ

Быстрота изменений в Чехословакии и их революционный характер определялись, на мой взгляд, двумя факторами: с одной стороны, готовностью к ним общества, осознавшего ту никовость административно-командной, а проще говоря авторитарной, системы еще в 1968 г., а с другой — полной потерей КПЧ авторитета, израсходованного на оправдание «доктрины Брежнева» и ее практического осуществления 21 августа 1968 г. Естественно, что политическая партия, отрицавшая национально-государственные интересы страны, действовавшая вопреки им, у власти могла держаться только с помощью репрессивного аппарата и при поддержке инициаторов акции 21 августа 1968 г. Руководство КПЧ на протяжении последних 20 лет проводило в стране политику гонений в отношении всех инакомыслящих и в первую очередь коммунистов, запицавших курс партии, принятый ею на январском пленуме 1968 г., выступивших против оккупации страны в августе того же года. Как известно, из партии были исключены около 500 тыс. членов, притом это была лучшая, мыслящая ее часть, искавшая выход из идеального, политического и экономического кризиса, в который система вступила уже в 60-е годы.

Жесткая номенклатурная система, подбиравшая кадры по принципу безынициативности и послушания, превратила КПЧ в нечто застывшее, оцепеневшее на уровне «больших чисток» 1970—1971 гг. Даже в последние четыре года, когда в СССР набирал темп процесс демократизации, авторитарная система в ЧССР продолжала искусственно поддерживать политическую атмосферу, исключавшую даже намек на реформирование общества и возможность диалога. В итоге в ноябрьские дни 1989 г. КПЧ оказалась в полной изоляции, ее аппарат, привыкший к «руководящей и направляющей» роли, оказался неспособным к общению с массами и тем более к диалогу с оппозицией. Руководители КПЧ по инерции продолжали с экранов телевизоров угрожать «антисоветским силам», вновь вытащили на свет жупел «подрыва республики». С помощью полицейских можно было разогнать 10—20 тыс. студентов, однако массовые выступления, когда на площади Праги и других городов в иные дни выходили до 500 тыс. демонстрантов, свидетельствовали о том, что народные массы настроены на окончательный слом авторитарной системы, ликвидацию монопольной власти КПЧ.

Мне кажется, что утверждение В. И. Беляевой о том, что быстрота и мирный характер «нежной революции» в Чехословакии объясняются сохранением структур гражданского общества, не совсем верно. Тоталитарный режим 50-х годов и его преемница, авторитарная система 70—80-х годов уничтожили все структуры гражданского общества в Чехословакии. Сохранились даже не традиции его, а скорее воспоминания о нем. Единый порыв и мирный исход событий ноября 1989 г. объясняются (наряду с тем, что я уже сказал) тем, что структуры авторитарной системы для Чехословакии были чужеродными одеждами, хоть и «напяленными» на нее руками собственных коммунистов, истово копировавших при этом сталинский и брежневский образцы. Это же, хотя и в разной степени, относится и к другим странам региона, за исключением Югославии, выносившей, как и СССР, свою систему в себе. Этим можно в какой-то степени объяснить тот факт, что страны, стоявшие во главе реформационного процесса, Югославия и СССР, в конце 1989 г. оказались далеко позади, если не застыли на перепутье.

В отличие от КПЧ чехословацкая оппозиция быстро сорганизовалась и возглавила массовое движение. Ее лозунги — ликвидация монополии КПЧ в государственной системе, создание системы демократической саморегуляции на путях многопартийности, деполитизация экономических отношений, демонополизация в народном хозяйстве, равноправие всех

форм собственности, кардинальная реформа государственного управления, армии, полиции, судопроизводства, полный и быстрый переход к рыночным отношениям и самое полное включение в международное разделение труда — стали лозунгами масс.

Ощущив слабость КПЧ, ее изоляцию, оппозиция резко перешла в наступление, с успехом использовав методы, применявшиеся коммунистами в феврале 1948 г.— массовые демонстрации, символическая генеральная забастовка, в ответ на неуклюжие маневры руководства КПЧ — угроза «большой» генеральной забастовки. Руководство КПЧ маневрировало в ноябрьские дни недолго, уже 5 декабря оно поняло свое бессилие и капитулировало. Плата за ультралевый радикализм и крайнюю нетерпимость, унаследованные КПЧ от большевизма, оказалась тяжелой — практически уход партии на второстепенные позиции на политической арене ЧССР. Только в течение 10 дней конца ноября — начала декабря из партии вышли 66 290 человек, демонстративно сдавших свои партбилеты, самоликвидировались 3478 парторганизаций. В партии обособился клуб «Демократический форум коммунистов», выступающий за ее радикальное обновление. Состоявшийся 20 декабря Чрезвычайный съезд КПЧ не ответил на ключевые вопросы идеологического и политического характера. Он оказался не в состоянии решительно избавиться от наносов догматизма и сектантства. Аппарат на районном и областном уровнях распался, в его опустевшие пышные аппаратаменты представители Гражданского форума водят экскурсии.

На политической арене Чехословакии появились ряд новых и «старых» партий (Социал-демократическая, Либерально-демократическая, Земледельческая, Республианская юния, Чехословацкая демократическая инициатива, словацкая Демократическая партия), различные «форумы» клубы, ассоциации. Уже сейчас можно констатировать образование в Чехословакии плюралистической политической системы, где КПЧ будет только одной из многих партий, притом шансы коммунистов на выборах летом 1990 г. невелики. Партии социалистической ориентации — Социалистическая, Социал-демократическая, клуб за социалистическую перестройку — «Возрождение» — уже заявили, что в коалицию с КПЧ вступать не будут. Избранный на пост президента лидер оппозиции В. Гавел на вопрос о перспективах социализма в Чехословакии заявил: «В языковом контексте это слово в Чехословакии потеряло всякий смысл. Мы просто не знаем, что оно значит». В то же время опрос общественного мнения в первые дни 1990 г. показал, что за капиталистический путь развития высказались всего 3%, 51% — за что-то среднее между капитализмом и социализмом, остальные — за реформированный социализм.

В сфере внешней политики в настоящее время, при верности прежним союзам и обязательствам, провозглашен курс на расширение связей с Западом, радикальную реформу СЭВ и Варшавского Договора.

Л. Я. ГИБИАНСКИЙ, ст. науч. сотр. ИСБ

С одной стороны, очень важно понять, как эти события проходят в каждой стране отдельно, но, с другой стороны, мне кажется, гораздо важнее осознать не просто цепь событий, а как-то попытаться ответить на коренные вопросы о сущности происходящего: что это, восстание или революция? На мой взгляд, прежде всего надо разобраться с терминологией, которую мы употребляем и которую употребляет пресса стран региона, и тогда становится ясно, что все говорят на абсолютно разных понятийных языках. Так каким же должен быть эталон? Он должен быть тем, к которому мы привыкли как к так называемому марксистскому, которого, кстати, у Маркса найти невозможно и он присутствует только в постмарксизме или в том, что претендует на постмарксизм?

Ставится также вопрос, как рассматривать происходящие события: как обновление социализма или как его крах? Мне кажется, сначала надо договориться о том, что такое социализм и что такое революция. С моей

точки зрения, а она совсем не оригинальна, здесь я опираюсь на Маркса, это, конечно, не переворот, а по крайней мере начало революции. Ибо произошла не замена одного правителя другим, одной организации другой, произошел крах определенной политической системы, а может быть и шире — крах определенной общественной системы. И если это так, мы являемся свидетелями начала революции. Могут быть и другие мнения. Хотелось бы над этим подумать.

Мы привыкли к понятиям «социальный» или «классовый характер». Исходя из этого нужно решить, что же это за строй, который господствовал и пока еще господствует в СССР, который господствовал в странах Восточной Европы с 1944, а в некоторых с 1947—1949 гг.? Если считать этот строй социализмом, тогда я стою на позициях противника социализма и могу вполне понять людей, которые говорят, что социализм есть нечто абсолютно несовместимое не только с прогрессом человечества, но вообще с более или менее нормальным развитием цивилизации. Оппонирующие таким взглядам говорят, что это был административный, казарменный социализм, а есть некий истинный социализм. Поставим другой вопрос: в работе «Социализм как явление мировой истории» небезызвестный И. Р. Шафаревич говорит о множественности явлений социализма на протяжении человеческой истории. Он выводит даже закономерность двух кругов государственного социализма, одну — в форме восточных деспотий древности, другую — в форме государственного социализма XX в., куда зачисляет и то общество, в котором мы все жили и еще живем, но также и то, которое было в гитлеровской Германии. Если идти по такому пути, то всякое социальное определение, с моей точки зрения, будет безразмерно. Да, в истории существуют определенные циклические аналогии, это открытие не сегодняшнего дня, из него делали разные выводы. Существует даже теория циклического развития человечества. Но тогда по аналогии можно подогнать под ту или иную рубрику любое общество. Однако его характер определяет не только система власти и какие-то идеологические ориентиры и ценности, а вся совокупность его социального существа. А разные факторы и стороны могут проявляться и в других социальных организмах. Если считать, что есть какой-то «худой социализм», то должен быть и «социализм идеальный», и они должны объединяться в нечто единое. Когда я слышу такие рассуждения, то меня берет оторопь.

Следующий момент. Говорится, этот социализм есть реальный, но он плох, а есть и некий хороший, идеальный. Но ведь идеального-то в истории и не существует. В природе есть только тот, который мы с вами знаем. Если это социализм, то рассмотрим простую вещь. Только что он в своем государственно-политическом качестве с грохотом рухнул в Восточной Европе. А что же он собой представлял? Власть трудящихся, власть народа, рабочего класса или кого-то там еще? Он был воплощением власти слоя, который эту власть узурпировал. А. П. Бутенко уже два года толкует об этом. Он первый у нас публично заявил, что это — власть нового класса. Если мы будем оперировать привычными понятиями, то это и есть то самое, что М. Джилас описал в работе «Новый класс». Так что же, это и есть социалистическое общество с господством некоего слоя, некоего класса над народом? Я думаю, что к такому обществу можно приклеивать любые термины: казарменный, административный, какой угодно. Но что в нем социалистического, если исходить из некоей изначальной идеи? Разве он ликвидировал эксплуатацию? Отнюдь! Если следовать классическому марксизму, разве он ликвидировал изъятие прибавочной стоимости в интересах господствующего класса? Ничего подобного! И когда говорят, что это крах административного социализма, а не социализма вообще, в это очень хочется верить, но давайте подумаем: а другой социализм где? Значит, нужно выработать какие-то другие понятия. И снова к вопросу о терминах. Когда-то один человек, который сейчас также подвергается серьезной критике, а именно В. И. Ленин, сказал, выбирая новое название партии, что нужно сменить грязное белье. Так может быть и в отношении нашего строя настал такой момент? Ведь что из себя сейчас представляют термины социализм, коммунизм? Что за ними стоит?

Когда В. К. Волков поставил вопрос о том, что монополия политической власти в течение четырех с половиной десятилетий в странах региона привела к деградации партии как главного звена правящей структуры, в этом надо серьезно разобраться. То, что монополия власти привела к ужасающей деградации, бесспорно, а вот насчет того, что деградация явилась результатом только этих четырех десятилетий, я думаю объяснение не совсем точное, во временном отношении. Это же относится и к соотношению сталинизма и большевизма. Выходит так, что можно отделить модель, выношенную определенным политическим течением как цель, как «божественную идею», которая его вела; отделить его представление о том, что должно быть, от того, что данное политическое течение стало создавать и что получилось на деле? Но разве конкретная организация и самой партии, и общества в целом, которое строилось по подобию этой партии, не была заложена в тех организационных и идеино-политических принципах, которые исповедывались и на практике осуществлялись этими партиями до прихода к власти (это же относится и к большевизму)? Разве мы исследовали вопрос о том, каковы были коммунистические партии до того, как они пришли к власти в странах региона?

И. И. Поп здесь уже говорил о финале, к которому пришли режимы стран региона. Мне хотелось бы поддержать и развить его мысль. Говоря о финале, нужно вернуться к истокам. Он образно и правильно сказал, что страны региона сбросили «напяленое на них платье», потому что «гардеробщик» уже не тот. «Гардеробщик» середины 40-х годов перестал играть прежнюю роль сегодня. Слава Богу, для всех нас, и я думаю, слава Богу, для всего мира. В разных странах это произошло по-разному. В Восточной Европе есть большая группа стран, «платье» на которых действительно было «напялено», но есть страны, одевшие его сами, и эти две страны, Югославия и Албания, остаются, по определению В. К. Волкова, либо «заповедниками», либо чем-то близким этому. Мне все-таки кажется, что нужно внимательно исследовать вопрос, что происходило тогда в каждой стране в отдельности.

У нас возникло уже одно искушение, оно даже прорвалось на страницы прессы, я имею в виду проблему другой концепции, оставшейся будто бы нереализованной, а именно, народной демократии как строя неадминистративного социализма. Трудно согласиться с этой точкой зрения. О народной демократии говорится как о попытке создания общества, где политический плюрализм основывается на некоем плюрализме в экономической сфере. Но если всерьез: компартии, которые пришли к власти в странах региона, они-то к какому обществу стремились? Разве в этих странах политические процессы были только после 1948—1949 гг.? В этом случае мы ведь говорили только о процессах над коммунистическими лидерами. Но ведь в Болгарии известного политического деятеля Димитрова («Гемето») вынудили якобы бежать в иностранное посольство в 1945 г., а два года спустя то же самое было проделано в Польше с Миколайчиком. А процессы над Петковым в Болгарии, лидерами «исторических партий» в Румынии, «заговоры» в Венгрии, Словакии 1947 г.? В истоках этой модели, насаждаемой ли извне, или вырастающей изнутри, существовала заданная тенденция развития. Откуда она взялась, вот в этом надо разобраться. В этой связи нужно выяснить, что такое коммунистическое движение, откуда оно возникло и почему пошло именно по этому пути.

И последнее замечание. Когда мы говорим о «левых — правых» и В. К. Волков выразил опасение, не приходит ли в ряде стран на смену диктатуре и диктату консервативных и реакционных сил диктат «левых». У меня в отношении стран региона нет таких сведений. Если же речь идет о том, что члены партии, а точнее функционеры ее и люди, так или иначе связанные со скомпрометировавшей себя структурой, могут подвергаться преследованиям, то мне остается только согласиться с В. И. Беляевой. А разве нормальное общество, даже сверхцивилизованное, такое как в Западной Европе, на которое сегодня готовы чуть ли не молиться, разве оно совершенно вегетарианско? Если на протяжении десятилетий человека бить, то как от него ожидать, что он за это будет целовать своих

истязателей. Определенная реакция естественна, хотя в отношении конкретного человека она может быть заслуженной и незаслуженной. Увы, в период общественной ломки тот или иной индивид может попадать под ее жернов, будучи лично невиноватым, но ответственна та структура, та идеология, тот слой, с которым он оказался связанным. Из этого, на мой взгляд, не следует делать без основательного анализа скоропалительные выводы о смене одной диктатуры другой. Такой вывод не следует делать еще и потому, что крик об этом поднимают представители системы, на протяжении десятилетий сопротивлявшейся всяkim переменам и выработавшей стереотип идеологической войны. А она заключается в следующем: пока эта система господствует, она требует абсолютного послушания, единомыслия, преследует всякую попытку инакомыслия и это считается совершенно нормальным. Но как только кто-либо другой добивается свободы действий и на представителей старой системы обрушивается все, что они заслуживают, немедленно возникает крик о «терроре», в том числе и об «информационном терроре», о том, что это противоречит принципам плюрализма, забывая, что принципам плюрализма противоречит запрет на высказывание своих идеологических и политических позиций. Пожалуйста, отстаивайте свои взгляды! Но в том и дело, и здесь уже об этом говорили, что носители модели всеобщей монополии на власть, на собственность и на идеологию оказываются неспособными на дискуссию. Их усилий хватает только на идеологическую акробатику. И не удивительно, ведь, как сказал В. И. Ленин, всякая монополия ведет к загниванию. Не является исключением и монополия на власть. Думаю, что идеологическая акробатика в странах региона особого успеха иметь не будет. У нас же она представляет очень серьезную опасность.

В. В. МИРОШНИКОВ, канд. ист. наук, научн. сотр. ИСБ

Важнейшим событием затянувшегося польского кризиса 80-х годов стал X пленум ЦК ПОРП (декабрь 1988 — январь 1989 г.), завершивший период, характеризовавшийся господством доктрины об исторической миссии марксистско-ленинской партии и праве управлять народом независимо от его воли. Подобная инициатива исходила от партийного руководства, понявшего тупиковость ситуации, усугубленную введением военного положения в 1981 г. Однако партийные массы оказались не готовы к такому повороту событий. Нередки были обвинения партийного руководства в измене идеалам социализма. В результате пленум дал толчок возникновению довольно многочисленных групп левого толка, организационно входящих и не входящих в ПОРП.

Дальнейшее развитие событий обнаружило со всей очевидностью слабость политических позиций ПОРП, ее непопулярность. «Круглый стол», состоявшийся в феврале — марте 1989 г. при участии ПОРП, «Солидарности» и Общепольского соглашения профсоюзов, принял исторические решения о создании двухпалатного парламента, в высшую палату которого, сенат, выборы назначались свободно, без заранее определенных квот. Состоявшиеся в июне 1989 г. выборы продемонстрировали сокрушительное поражение коалиции, возглавляемой ПОРП. Последовавшие затем персональные перемены в высших органах власти, утрата ключевых постов в правительстве представителями ПОРП ознаменовали, по выражению ряда политических наблюдателей, начало новой, четвертой Речи. Посполитой.

Эти события открыли бурный процесс политической дифференциации польского общества, выражавшийся в возникновении большого количества партий и групп самой разнообразной ориентации. Официально заявила о предстоящем прекращении своей деятельности ПОРП.

В настоящее время можно констатировать окончательный крах административно-приказного социализма в Польше. Симптомы и признаки подобного финала проявились здесь раньше, чем в других странах. Неожиданными были лишь результаты июньских выборов, после которых разворот событий можно было бы ожидать более стремительным, чем он ока-

зался на самом деле. Лидеры «Солидарности», взяв бразды управления экономикой в свои руки и целенаправленно осуществляя ее реструктуризацию и приватизацию, не провоцируют политических антагонизмов, не подыгрывают толпе. Именно руководство «Солидарности» играет в настоящее время ведущую политическую роль в обществе, хотя «Солидарность» политической партией формально не является.

Идейно-политическая обстановка в стране в настоящее время характеризуется резкой поляризацией позиций различных партий и групп по таким проблемам, как приватизация, популистские стремления к защите интересов работающих на государственных предприятиях, по вопросу об участии в польских предприятиях иностранного капитала. Активизировались различные националистические группы, выступающие под лозунгом борьбы против «распродажи Польши». В последнее время, как это ни парадоксально, они смыкаются с группировками, выступающими под леводогматическими лозунгами. Активны, главным образом среди членов ПОРП, такие элементы, которые можно назвать традиционалистскими. Они предостерегают об опасности утраты «социалистических идеалов», выступают против «очернения прошлого» и т. д.

Идейно-теоретическая мысль ПОРП неоднозначна. В ней имеются полярные различия, которые проявляются, с одной стороны, в стремлении к социал-демократизации будущей партии, а с другой — в приверженности к догматически-популистским лозунгам. Но так или иначелевые лозунги в современной Польше сильны и носители их весьма многочисленны.

Е. Л. ВАЛЕВА, канд. ист. наук, ст. научн. сотр. ИСБ

События в Болгарии, несомненно,— проявление охватившего все страны Восточной Европы общего процесса кризиса административно-командного социализма. Но имеется и специфика. В отличие от других стран, ныне идущих по пути реформ, Болгария не имеет исторических традиций массовой оппозиции существующему режиму. Диссидентское движение здесь всегда было очень слабым. Движение протеста против административно-командной системы, начавшееся в последние годы, носило скорее экологическую окраску (комитет «Экогласность»). В Болгарии не были выработаны глубокие демократические традиции, всегда политически слабым был парламент. Учитывая все это, можно сделать вывод, что демократические перемены в Болгарии во многом обусловлены стремительными темпами перемен в других странах и свидетельствуют об исключительной мощи общего процесса кризиса административно-командного социализма. Еще одно отличие событий в Болгарии от процессов, проходящих в Чехословакии, ГДР, Польше и других странах заключается в том, что в Болгарии, как и в Советском Союзе, перестройка началась «сверху», по инициативе БКП. Компартия пока не выпускает руководство из своих рук, несмотря на резкое падение своего престижа и отмену статьи Конституции о руководящей роли БКП.

Положение в БКП можно охарактеризовать как кризисное. В конце декабря 1989 г. в партии возникли различные внутрипартийные платформы: «Альтернативное социалистическое объединение», «Болгарский путь к Европе», «БКП — Демократический форум». Их объединяют идеи полной десталинизации партии, расширения внутрипартийной демократии, но имеются и существенные различия. Фракцией в БКП себя объявило только «Альтернативное социалистическое объединение», отвергающее принцип демократического централизма и объединяющее членов партии, не запятнанных репрессиями, привилегиями и не согласных с сегодняшним обликом БКП, ибо «в нем сохранены основные черты сталинизма».

Перемены коснулись и второй партии Болгарии — Болгарского земледельческого народного союза, избран новый секретарь — Ангел Димитров. БЗНС ставит перед собой задачу превращения в подлинно независимую, авторитетную партию со своей программой (после 1948 г. БЗНС принял программу БКП). БЗНС должен стать равноправным политиче-

ским партнером и оппонентом БКП. Новая программа БЗНС будет направлена главным образом на развитие болгарского села и сельскохозяйственного производства, на защиту прав трудового крестьянства.

Социал-демократическая партия и БЗНС (Никола Петков) вступили в стадию созиания сил, объявила о своем создании Демократическая партия. Пока все они малочисленны, не имеют сильных лидеров. Образована партия «зеленых», которая, в отличие от «Экогласности», является политической организацией и не скрывает намерения бороться за власть.

Наконец, в декабре 1989 г. был создан Союз демократических сил — основная сила, стоящая в оппозиции властям. Союз объединяет многочисленные неформальные организации, группы и движения, в том числе Клуб в поддержку гласности и перестройки, Независимую федерацию труда «Подкрепа», движение «Гражданская инициатива», Независимое общество защиты прав человека, Клуб репрессированных после 1945 г., «Экогласность». Председатель координационного комитета Союза — философ Ж. Желев. Именно по инициативе Союза в январе 1990 г. состоялся «круглый стол», посвященный обсуждению актуальных вопросов перестройки в НРБ.

Примечателен тот факт, что такой компонент политической системы страны, как Отечественный фронт, практически в эти переломные месяцы показал себя как совершенно мертвая структура.

На сегодняшний день вырисовываются три варианта развития политической системы Болгарии при сохранении социалистической ориентации: перестройка БКП при параллельном развитии подлинно парламентской системы и механизмов взаимодействия с остальными общественными силами; формирование многопартийной системы; вариант, отражающий болгарскую специфику — превращение формально существующей двухпартийной системы в реально функционирующую (БЗНС — не только как равноправный партнер, но и оппонент БКП, обеспечивающий лояльную и сильную оппозицию).

Характеризуя отношение различных слоев населения к переменам, следует отметить очень быструю политизацию болгарского общества, раскрепощение мышления. Однако на фоне массовой поддержки и выражения доверия новому руководству многие высказывают сомнения и опасения, основанные на накопившемся недоверии к обещаниям прежнего руководства. Что касается личной готовности людей участвовать в процессах обновления, то здесь преобладает выжидательная позиция.

Т. В. ВОЛОКИТИНА, канд. ист. наук, ст. научн. сотр. ИСБ

Политическое руководство Болгарии признает, что выход из «состояния паралича», в котором находятся партия и общество, возможен на путях радикальной экономической и политической реформы. Ее итогами должны стать полный и окончательный демонтаж административно-командной системы, создание развитой рыночной экономики, плуралитической модели форм собственности на основе их равенства перед законом и т. д. Однако радикальная экономическая реформа предстает все же как своего рода долгосрочная перспектива, в то время как на передний план выдвигается задача реализации комплекса краткосрочных мер, призванных остановить углубление негативных тенденций в народном хозяйстве и создать необходимые предпосылки для выхода из экономического кризиса. Предполагается, что реализация плана финансовой стабилизации и социального развития создаст основы для перехода к радикальной экономической реформе, станет прологом последней.

Необходимые для осуществления плана стабилизации средства, видимо, будут изыскиваться не только внутри страны (в частности, за счет замораживания капитального строительства), но и за ее пределами. Важное место, несомненно, займет идея налаживания активных экономических связей с промышленно развитыми государствами. Однако, внешний «источник» вряд ли можно рассматривать как неиссякаемый. Сомнителен

также и расчет на эффективность поисков внутренних резервов в нынешней тяжелой экономической ситуации. Ведь на сегодня Болгария имеет огромный внешний долг, равный 10 млрд долларов, который также надо погашать.

Но даже если план стабилизации удастся реализовать, что сможет привести к некоторому повышению жизненного уровня населения и, как следствие, дать определенный политический эффект, то окончательный результат осуществления этого плана отнюдь не приблизит к главной цели — разрушению административно-командной системы в экономике. Наоборот, фактически произойдет отсрочка такого разрушения, «консервация» органических пороков существующей экономической системы, а именно в ней радикальная экономическая и политическая мысль справедливо усматривает главную причину общего для социалистических стран кризисного положения. Ясно, что эта система не в состоянии создать основанную на хозяйственных механизмах эффективную организацию труда, «вести» так называемые несоциалистические формы хозяйствования (частную инициативу, акционерные общества, фирмы и пр.), задержать лавину инфляции, обеспечить выход на мировой рынок, генетически несовместимый с административными структурами, наконец, обеспечить переход общества в постиндустриальную стадию (народное хозяйство Болгарии, например, давно уже перешло все разумные границы индустриализации: доля промышленного производства в стране превышает этот показатель в сравнении с развитыми капиталистическими странами на 10—12%). Выдвинутый план финансовой стабилизации и социального развития никак не затрагивает основы существующей экономической системы, не приближает радикальную экономическую реформу, а, наоборот, отдает ее, ведет, по существу, в тупик с точки зрения исторической перспективы.

Выход, хотя и имеющий, безусловно, тяжелые последствия для населения, видимо, все же в том, чтобы решиться на проведение радикальной экономической реформы. Болезненные последствия ее (снижение жизненного уровня населения, ослабление социальных гарантий, безработица, частая переквалификация, рост инфляции и т. д.) преходящи и кроме того — и это главное — реформа означает «свет в конце тоннеля», т. е. отвечает интересам нации и обеспечивает ее будущее.

Активно развивается процесс формирования плюралистической модели политической системы. Полагаю, что нынешняя двухпартийная система (БКП и БЗНС), которая не ассоциируется с подлинной многопартийностью, не будет сохранена. Кризисные явления в БКП углубятся и престиж партии будет продолжать падать по мере обнародования новых фактов коррупции в ее высших эшелонах. Не раз звучавшие заявления ответственных лиц о том, что наиболее одиозные лица «команды Живкова» уже выведены из состава партийного и государственного руководства, а также и тот факт, что пока в числе наиболее «пронивищихся» в прямую названы лишь Живков и бывший министр внутренних дел Танев, похоже, обрисовывают знакомую ситуацию: стремление назвать узкий круг виноватых и этим ограничиться.

Идет подготовка к XIV внеочередному съезду БКП, работает специальная комиссия по подготовке съезда во главе с П. Младеновым, публикуются материалы дискуссии о будущем БКП. Значительную остроту, видимо, приобретает вопрос о принципах построения партии, в частности, о демократическом централизме. Высказаны пока полярные суждения на этот счет: мнению о необходимости отказа от этого принципа, блокирующего любую инициативу, противостоит иная позиция — партии нужен централизм, но действительно демократический. Небезынтересно, что в связи с этим принципом высказано утверждение: над большинством ответственных работников партийного аппарата и коммунистов, «сохранивших честность», довел в недавнем прошлом «синдром Бухарина» (!), заставлявший их молчать и смиряться с действительностью «во имя единства партии». Заметим, что этот «синдром» может оказаться удобным средством оправдания для многих членов руководства БКП.

Полагаю, что произойдет некоторое усиление пока политически весьма слабого парламента, а правительство будет сформировано на широкой коалиционной основе.

Вопрос об этнических турках является на сегодняшний день наиболее острой проблемой в Болгарии и фактически определяет уровень социальной напряженности в стране. Поводом для массовых волнений, манифестаций, забастовок и т. д. стало решение Пленума ЦК БКП от 29 декабря 1989 г., а затем Госсовета и Совета Министров о преодолении допущенных деформаций в отношении тюркоязычного и мусульманского населения страны. Это решение преследовало цель положить копец массовой кампании по ассимиляции этнических турок, их «болгаризации», ведшейся с конца 1984 г. и сопровождавшейся репрессиями. Репрессии особенно усилились в мае 1989 г., когда турецкое население предприняло демонстрации протesta, что, вероятно, отразило надежды на изменение политики в национальном вопросе в период декларировавшейся «командой Живкова» перестройки.

Пленум ЦК БКП оценил проводившуюся политику в национальном вопросе как грубую политическую ошибку с тяжелыми непосредственными и долгосрочными внутренними и международными последствиями для НРБ. Была подчеркнута необходимость разработки целостной политики по отношению к мусульманскому населению с целью достижения национальной консолидации и подлинно народного единства. Не менее важна и такая сторона проблемы, как обеспечение стабильных гарантий территориальной и государственной целостности страны, ее национальных интересов и безопасности.

Болгарское руководство весьма озабочено и международной изоляцией страны по данному вопросу, отсутствием нормальных отношений с Турцией на принципиальной и взаимовыгодной основе. Есть основания полагать, что одним из побудительных мотивов принятия пленумом соответствующего решения явилась выраженная П. Младенову во время его пребывания на посту министра иностранных дел позиция США по вопросу об этнических турках. В конце сентября 1989 г., во время визита Младенова в США, он встретился с госсекретарем Дж. Бейкером. Встреча была строго секретной, и информация о ней появилась в «Washington Post» лишь 16 ноября 1989 г., после перемен в Болгарии. Бейкер заявил, что диалог между Болгарией и США об улучшении отношений между двумя странами (к чему очень стремится Болгария) зависит от изменений к лучшему положения в стране в области прав человека. Газета подчеркнула, что Младенов не высказал возражений против доводов Бейкера, предварительно специальную консультировавшегося с правительством Турции.

Н. Ю. КАЛАШНИКОВА, канд. ист. наук, научн. сотр. ИСБ

Драматические революционные события в Румынии носили в значительной степени стихийный характер и явились неожиданностью как для советских, так и для западных экспертов.

На XIV съезде РКП, менее чем за месяц до свержения диктаторского режима, Н. Чаушеску в шестой раз единогласно был переизбран генеральным секретарем. В условиях отсутствия оппозиции внутри централизованных органов партии и правительства те или иные формы парламентской борьбы, равно как и бескровная замена руководителя страны были нереальны. Возможности перемен в Румынии западные политологи связывали в основном с состоянием здоровья самого Чаушеску и естественной сменой главы государства. И если события в Восточной Европе в какой-то мере явились неожиданными, то существовавшая «стабильность» в Румынии указывала на то, что Чаушеску готовился к таким катаклизмам более 20 лет. Суть такой подготовки состояла не только в создании мощного террористического полицейского аппарата, не только в насаждении принципов семейственности и последовательной ротации кадров высших эшелонов власти, но и в умелом развитии традиций унаследованной Чаушеску административно-бюрократической системы.

С приходом Чаушеску к власти было заявлено об «особом курсе» Румынии в международных делах и «особом статусе» РКП в международном коммунистическом и рабочем движении. Умело используя сильные в Румынии националистические настроения, опираясь на значительные успехи страны, обусловленные форсированной эксплуатацией экстенсивных факторов развития, Чаушеску снискал практически полное доверие народа. Несомненный успех принесло ему резкое изменение политики по отношению к интеллигенции: на IX съезде РКП (1965) было заявлено о свободе творчества, необходимости для художников опираться на весь багаж мировой культуры, достижения которой характеризовались прежде как орудие подрывной деятельности империализма. Открывались двери на Запад как для румынских, так и в Румынию для европейских деятелей культуры. Подобная политика принесла Чаушеску дивиденты и вне страны: Запад охотно предоставлял Румынии займы, создал для нее режим наибольшего благоприятствования в торговле. Роль Румынии в социалистическом содружестве расценивалась западными экспертами как роль «диссидента среди союзников Кремля».

Тенденция к перестройке в духовной сфере сопровождалась ликвидацией Венгерской автономной области (1967) и культтивированием прежних приоритетов в управлении общественной жизнью, связанных с жесткой централизацией, контролем и монопольным правом на выработку стратегии и тактики социально-экономического развития.

Период румынской «весны» продлился недолго. Ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г. заставил Чаушеску задуматься над потенциальной возможностью для Румынии оказаться «второй Чехословакией». Уже в 1969 г. на X съезде РКП Чаушеску начал новое наступление на интеллигенцию: свобода творчества была отменена, в директивном порядке заявлялось о возвращении к «социалистическому реализму», опустились плотные шторы на «окна в Европу». Культура полностью ставилась на службу все более превращавшемуся в тоталитарное государство, ужесточался контроль за общественными науками, проявлениями инакомыслия. Усугубляющим фоном для указанных событий стала нараставшая перспектива иссякания экстенсивных факторов развития, необходимость выплаты растущих долгов, грядущее падение уровня жизни. Политика идеологического маневрирования оставалась решающим механизмом в руках Чаушеску. В качестве новой «перспективной идеи» в 1971 г. был выдвинут тезис о переходе к строительству «всесторонне развитого социалистического общества своими силами на основе принципов независимости и суверенитета».

Второй и последний этап правления Чаушеску связан с осуществлением жесткой линии на укрепление личной власти. В условиях стремительного падения уровня жизни, с одной стороны, и все нараставшего потока победных реляций — с другой, ужесточался контроль за всеми звенями управления, многочисленный клан вождя занял практически все ключевые посты в государстве. Поэтические восхваления президента и его супруги («папа и мама всей страны, всего народа») стали повседневной практикой «культпросветработы», начиная с детского сада и кончая многотысячными хорами на площадях, стадионах, организованными в русле фестиваля «народного творчества» «Песнь Румынии».

Политика румынского руководства становилась все более непопулярной: вводились жесткие меры по экономии электроэнергии, газа, надвигался голод, остановить который уже не могла никакая «талонная система». Последней каплей, послужившей поводом для декабрьских событий 1989 г., явилось декретированное уничтожение «неперспективных» деревень в горных, в основном трансильванских областях.

Именно с организации «живой цепочки» из нескольких сот лиц венгерской национальности вокруг дома протестантского священника Ласло Текеша, призывающего к сопротивлению подобным действиям, и начались многотысячные выступления в Тимишоаре. В первые два-три дня трудно было предположить, что неорганизованные, лишенные четкой политической программы, движимые ненавистью к режиму, голодом и отчаянием

массы смогут смести столь продуманно организованную систему тоталитарного подавления. Стихийное движение возглавил уже в ходе событий Фронт национального спасения, организованный представителями разобщенного прежде диссидентского движения.

23 декабря 1989 г. была обнародована программа ФНС в традиционной для довоенной Румынии форме декрета. В качестве программы развития Румынии выдвигались: отказ от руководящей роли одной партии и установление политического плурализма; организация свободных выборов в апреле 1990 г.; разделение законодательной, исполнительной и судебной власти в государстве; устранение административно-бюрократических методов централизованного управления хозяйством, поощрение свободной инициативы и компетентности в управлении всеми секторами экономики; свобода слова, печати, радио, телевидения, переход их в руки народа; уважение международных обязательств, в первую очередь вытекающих из Варшавского договора и Хельсинских соглашений. 29 декабря было официально принято новое название страны — Румыния, с трехцветного флага удален прежний герб.

Руководители ФНС говорят о невозможности определить идеологическую ориентацию Румынии до свободных выборов. Член исполкома бюро Совета ФНС, видный политолог С. Брукан отметил в одном из интервью, что такие понятия, как коммунизм, социализм сегодня не имеют в Румынии никакой основы. «При сверхнадстроичной структуре феодального типа, близкой к абсолютной монархии, при экономике, в которой национальный доход в два-три раза меньше, чем в ряде европейских капиталистических стран, словесная атрибутика социалистического государства не имеет более никакого смысла».

В конце декабря 1989 г. инициативная группа членов РКП обратилась с предложением о созыве чрезвычайного съезда, целью которого явится роспуск партии и передача ее имущества ФНС. Почти четырехмиллионная компартия Румынии в лице своего вождя скомпрометировала себя, хотя трудно предположить, что в условиях тоталитарного государства в ее рядах могло появиться и открыто действовать какое-либо оппозиционное движение. Отученное от демократии румынское общество, обретя власть, вошло в состояние кризиса, мучительного поиска путей, навыков использования демократических принципов управления. Поэтому вполне закономерны метания от одной крайности в другую, например, объявление компартии вне закона, возобновление применения смертной казни с последующей отменой этих решений.

В начале 1990 г. в Румынии начался процесс оформления партий и движений. Трудности в поисках новых путей развития проявляются в предпочтении возврата к довоенным «историческим» партиям. Среди них Демократическая партия; Национал-либеральная партия, уже обратившаяся к прежнему монарху Румынии королю Михаю с просьбой вернуться на престол; Христианская национал-крестьянская партия (царенисты), целью которой является «моральное восстановление нации на христианской и крестьянской основах, защита христианской морали, введение в школах религии как предмета воспитания, роспуск сельскохозяйственных производственных кооперативов и передача земли самим крестьянам»; Социал-демократическая партия; Венгерский демократический союз; ряд молодежных организаций — всего более 50 образований, заявивших о намерениях участвовать в выборах.

Учитывая мощный взрыв национальной гордости румынского народа, ценой многочисленных жертв и потерь самостоятельно сбросившего режим тирании, можно предположить, что вопросы национального самосознания не потеряют своей актуальности, в том числе и в общественных науках. Это подтверждается всей общественно-политической ситуацией в стране — от возрождения «исторических» партий и прежних названий печатных органов до декретированного обращения друг к другу «домнул» (господин). Можно предположить, что пересмотр отдельных этапов истории, в особенности новейшей, будет основываться на принципах гласности, общегуманитарных ценностях, а не на классовом подходе, национальных

традициях континуитета, независимости, территориальной целостности и суверенитета Румынии.

С. З. СЛУЧ, ст. научн. сотр. ИСБ

Хотя кардинальные изменения в каждой из стран Восточной Европы оказывают и будут оказывать влияние на международную обстановку, думаю, что не слишком преувеличу, если процессы, происходящие в ГДР, по своим последствиям для развития событий в мире в целом выделяются особо, как беспрецедентные. На это есть ряд веских причин.

Создание двух германских государств на территории поверженного «третьего рейха» было результатом не столько второй мировой войны, сколько выросшей из нее «холодной войны». На протяжении 40 лет ГДР рассматривалась как «аванпост социалистического лагеря», далеко продвинутый на Запад, как политическая, социальная и экономическая альтернатива ФРГ, как государство, создавшее более справедливое и гуманное общество. Разделение немецкого народа — единственного в Европе, составляющего абсолютное большинство населения в двух суверенных государствах, входящих в противостоящие военно-политические группировки, не могло не носить изначально искусственного характера. Не случайно безуспешными остались все попытки доказать «объективность» существования двух немецких наций. Несмотря на все объективные и субъективные причины, дополняемые периодическими всплесками политико-идеологической конфронтации, заинтересованность ГДР в расширении германо-германских отношений, в контактах с самой мощной в экономическом отношении державой Западной Европы непрерывно возрастала.

Спустя 40 лет после создания двух германских государств в отношениях между ними можно констатировать наличие значительных межличностных (за этот период в ФРГ из ГДР переселились около 3,5 млн человек), национально-культурных, конфессиональных, экономических контактов и связей. Развитие международной обстановки во второй половине 80-х годов во многом смягчило те внешние конфронтационные факторы, которые развели оба германских государства в противоположные блоки. Таким образом, дальнейшее развитие германо-германских отношений, оказывающих существенное влияние на политический климат на Европейском континенте, в решающей степени зависело от преодоления в ГДР эпохи политической стагнации, официально именовавшейся «строительством социализма в цветах ГДР», а по существу закрепившей в условиях формально функционировавшей многопартийной системы монополию на власть за руководством СЕПГ, что неизбежно повлекло за собой кризисные явления в обществе и экономике.

Утратив доверие, прежде всего в партийных массах, руководство СЕПГ после юбилейных торжеств в связи с 40-летием образования ГДР уже не контролировало положение в стране. Именно это обстоятельство явилось решающим как в устраниении Э. Хонеккера, так и в превращении Э. Кренца в переходную фигуру. Кризис СЕПГ явился вполне закономерным результатом ее многолетней бесконтрольной монополии на власть и злоупотреблений последней со стороны партийной олигархии, опиравшейся на разветвленный партийный и репрессивный аппараты, подпираемые присутствием в стране советских войск.

Полное игнорирование недовольства широких народных масс имело катастрофические последствия. Наглядной демонстрацией неприятия режима стало массовое бегство граждан ГДР в ФРГ. Летом 1989 г. западногерманские эксперты констатировали, что растущая готовность граждан ГДР идти на любой риск, чтобы покинуть страну, — это симптом процесса распада. С января по ноябрь 1989 г. ГДР покинули 317 тыс. человек, притом большинство из них — в возрасте до 40 лет. Распад начался и в самой СЕПГ: в течение 1989 г. из нее вышли 500 тыс. человек.

Перемены, произошедшие в ГДР за два с половиной месяца после отстранения Э. Хонеккера от власти, наглядно свидетельствуют, что эта страна по пути демократизации общественной жизни «пробежала» боль-

ший, хотя и неоднозначный путь, чем СССР за неполные пять лет перестройки. Скорость осуществляемых изменений объясняется прежде всего тем, что они были результатом движения широких масс, представляющих собой различные слои населения с различными политическими взглядами, а не дарованы в результате перетасовки колоды или «перетягивания каната» в верхнем эшелоне власти.

В последние месяцы центр в принятии решений сместился в сторону исполнительной власти — Совета Министров, во главе которого стоит самая популярная на сегодняшний день в ГДР фигура — Х. Модров. Однако, как это бывает при крушении жестких структур, определенные процессы вообще выходят из-под контроля властей. Поэтому политическая жизнь ГДР будет в ближайшее время отличаться отсутствием стабильности. Кроме того, страна стоит в настоящее время перед новым расколом — на тех, кто требует немедленного воссоединения Германии, и тех, кто хочет сохранить ГДР. По данным опроса, проведенного в декабре 1989 г., 52% жителей ГДР выступает за воссоединение с ФРГ, 37% против. Из числа опрошенных лишь 20% высказались за демократический социализм; за систему, господствующую в ФРГ, — 26%. Большинство же считает, что будущее государство должно представлять собой смешанную форму двух существующих систем.

В этой связи небезынтересно сопоставить программные документы и установки как «старых» партий ГДР, так и новых.

Национально-демократическая партия, как партия центра на политической арене ГДР, первой выдвинула идею конфедерации между ГДР и ФРГ, что шире начавшего уже строиться договорного сообщества. НДПГ выступает за формирование совместных политических инстанций и считает развитие в направлении создания единого германского государства возможным, но не отвечающим сегодняшним требованиям; выступает за возвращение к традиционным земельным структурам; в экономике является сторонницей «третьего пути», поскольку «административно-плановое хозяйствование» не оправдало себя, а представления о рыночном хозяйстве капиталистического образца внушают многим в ГДР опасения.

Либерально-демократическая партия выдвинула «четыре цели либералов ГДР»: свободное развитие человеческой личности; никаких «новых моделей социализма», рыночное хозяйство, обеспечивающее социальную и экономическую безопасность; государственное единство Германии в границах 1989 г. в рамках единой Европы; Европа, свободная к 2000 г. как от ядерного оружия, так и от войск вообще.

В отличие от традиционных «блоковых» партий программа нового движения «Демократия — сейчас» более детализирована и представляет собой некий симбиоз достаточно реалистичного, поэтапного плана движения в направлении к единой Германии и учета настроений «улицы». Следует подчеркнуть, что движение «Демократия — сейчас» вошло в предвыборный союз с такими организациями и движениями как «Новый форум» «Инициатива за мир и права человека», «Демократический прорыв» и «Объединенные левые», которые достаточно близки друг другу по своим платформам.

Резко контрастирует с планом поэтапного объединения двух германских государств позиция Генерального секретаря СЕПГ — ПДС Г. Гизи, высказанная им на Чрезвычайном съезде партии в середине декабря 1989 г. Он считает, что будущее ГДР — в существовании независимого государства. Два германских государства, по его мнению, могут составить только договорную общность; объединение поставило бы ГДР в положение недоразвитой западногерманской земли, которая стала бы пристанищем бедняков.

Трудно сказать, как будет развиваться ситуация в ГДР в ближайшие до выборов месяцы, но очевидно, что многое зависит от исхода диалога между демократическими силами и правительством за «круглым столом», а также от возможности правительства проводить намеченный курс, не находясь под постоянным давлением «улицы».

Все средства массовой информации СФРЮ, и партийная печать в особенности, интенсивно обсуждают революции в странах Восточной Европы в ноябре — декабре 1989 г. Реакция Югославии на эти события нередко опережала таковую в других странах. Так, в то время как Москва, Прага и другие столицы ожидали информации из своих посольств в Бухаресте о кровавых событиях в Румынии, Президиум ЦК СКЮ, первым из руководств компартий стран Восточной Европы, еще 21 декабря в специальном заявлении объявил о «прекращении конкретных форм сотрудничества с Румынской КП» «вследствие того, что руководство РКП несет ответственность за трагическое развитие событий и все их последствия» (*«Коммунист», 1989, 22 XII*). Лишь после этого заявления примеру югославских коммунистов последовали руководства ВСП и КПЧ. КПСС в поддержке румынской революции оказалась последней по времени.

СКЮ полностью поддержал «нежную революцию» в Чехословакии (там же, 1989, 15 XII, с. 17), революцию в ГДР (там же), перемены в Болгарии (там же, 1989, 24 XI, с. 6). С явной симпатией к ВСП освещались в партийной печати Югославии события в Венгрии (там же, 1989, 22 XII, с. 16).

Однако, несмотря на весь драматизм этих событий, воздействие их на идеино-политическую обстановку в СФРЮ остается мало заметным вследствие погруженности югославов в свои собственные политические процессы.

Прежде всего это объясняется тем, что Югославия была вовлечена в социально-политический и межнациональный кризис гораздо раньше других социалистических стран Европы. Можно, с большей или меньшей определенностью, назвать время, когда этот кризис стал обнаруживать явные признаки. Как и в других странах Восточной Европы, это было связано с уходом с политической сцены общегосударственного лидера, олицетворявшего основные характеристики общественно-политического устройства, исчерпавшего заключенный в нем потенциал развития. В Югославии такой точкой отсчета стал 1980 г.— год ухода из жизни И. Тито.

Фактически все последовавшее за этим десятилетие демонстрировало, с различной степенью интенсивности, развитие кризиса прежней системы вширь (межнациональные отношения) и вглубь (распад системы власти). Как недавно отметил на пленуме ЦК СКЮ председатель ЦК СКБиГ Н. Дуракович, в этот период все чаще стал звучать «тезис о том, что проект социалистического самоуправления представлял собой не более, чем утопию, на самом деле оказался непродуктивным, и что от него без каких-либо эмоций и идеологических объяснений следовало бы отказаться» (*«Коммунист», 1989, 27 X, с. 6*).

Осуществляются довольно настойчивые попытки пересмотра исторической роли И. Тито. Как показывает практика, все попытки руководства СКЮ спасти политическое реноме и авторитет Тито не дают желаемого результата. Не дал эффекта даже такой шаг, как специальное рассмотрение этого вопроса на заседаниях Президиума ЦК СКЮ 13 октября 1988 г. и 3 октября 1989 г. и принятие на пленуме ЦК СКЮ 27 октября 1989 г. специального документа: «Тезисы ЦК СКЮ об идеино-политической сущности нападок на личность, историческую роль и деятельность Иосипа Броз Тито и задачах коммунистов в разоблачении этих нападок и воспрепятствовании их распространению» (*«Коммунист», 1989, 3 XI, с. 12—13*).

Однако, в отличие от других восточноевропейских стран, несмотря на длительность кризиса (а, может быть, и благодаря этому), за все это время сложившаяся в Югославии общественно-политическая система ни разу не оказалась на грани своего существования (по крайней мере в формальном, организационном плане). С другой стороны, не разрушившись сразу после смерти И. Тито, политический режим СФРЮ все же постепенно терял свои жизненные силы в своем прежнем качестве, хотя формально СКЮ и сегодня все еще остается фактором власти в югославском обществе.

Не в последнюю очередь это объясняется тем, что руководящие политические силы страны имеют возможность указать на то, что в странах Восточной Европы «ходят системы сталинистского типа», подчеркивая тем самым, что все эти страны встали на путь развития, которым сама Югославия пошла еще в 1949 г. и который указала всем другим.

Идеологическая и общественно-политическая обстановка в СФРЮ в настоящее время характеризуется двумя мощными по своему воздействию на жизнь страны тесно связанными факторами: острым кризисом Югославской федерации и критическим положением СКЮ как единой политической силы, обладающей мощными функциями власти.

Развитие второго фактора сопряжено с отказом от прежней модели социализма, четыре десятилетия культивировавшейся в стране всей мощью официальной идеологии. В Декларации XIV Чрезвычайного съезда СКЮ, которая должна быть рассмотрена форумом югославских коммунистов как основа новой Программы СКЮ, уже в самом начале говорится о том, что социализм в его прежней модели полностью исчерпал себя в Югославии и что должен быть создан «общественный строй с характеристиками демократического социализма» («Коммунист», 1989, 22 XII, с. 8). Ряд ведущих ученых и политических деятелей СФРЮ поясняют, что под «исчерпанностью прежней модели социализма» следует понимать «кризис большевистского кода, который исторически исчерпал себя», отторжение «большевистского отрицания демократии как ... абсолютирование кол-лективности (классов, партий и, в конечном итоге, наций)», «умирание социализма», «защищаемого полицейскими мерами», в котором сегодня уже никто не хочет жить («Коммунист», 1989, 24 XI, с. 27; 15 XII, с. 10; 22 XII, с. 20).

Большинство населения не выступает против социализма в Югославии. Похоже, однако, что если социализм и сохранится в СФРЮ, то, по всей видимости, без ведущей роли СКЮ. Дело даже не в том, что Компартия вытесняется с политической арены альтернативными политическими силами (а это имеет место), а в том, что она разваливается изнутри и теряет авторитет в глазах даже тех институций, которые сама создала. Уже сейчас каждый третий член СКЮ размышляет о том, чтобы покинуть ряды партии («Коммунист», 1989, 22 XII, с. 21). А совсем недавно Скупщина СФРЮ, впервые за всю историю новой Югославии, приняла решение не выделять запрошенные руководством Компартии 4,5 млрд динаров из государственного бюджета на проведение в январе 1990 г. XIV Чрезвычайного съезда СКЮ («Правда», 1990, 6 I, с. 5). По всей видимости, по этой причине руководство СКЮ приняло решение аннулировать все приглашения на съезд, разосланные ранее зарубежным политическим партиям и движениям (хотя формально было объявлено, что это делается для того, чтобы создать на съезде сугубо рабочую, деловую обстановку).

Реальным политическим процессом становится федерализация СКЮ. Союзы коммунистов Словении и Хорватии открыто выступают за свободные многопартийные выборы уже весной 1990 г., в то время как СК Сербии настаивает на сохранении единого СКЮ при его ведущей роли в общественно-политической системе.

На состоявшемся в декабре 1989 г. XI съезде СК Хорватии широкое хождение получили тезисы о необходимости «обеспечить равновесие между единым союзным государством и самостоятельностью федеральных единиц» и о «политическом плурализме многопартийного типа» («Коммунист», 1989, 15 XII, с. 6). Столь же широкое хождение эти тезисы имеют и в Словении, с той лишь разницей, что словенцы, не высказываясь, как и хорваты, против самой идеи федерации, более откровенно чем последние выступают за радикальное изменение принципов, на которых сегодня строятся федеральные отношения. Предупреждают они, в частности, и о том, что если Белград не поймет того, что права меньшинства, будь то в компартии или федерации, нужно научиться уважать в такой же степени, как и права большинства, то дело может дойти «и до создания организованных фракций в СКЮ и внутри ее республиканских и краевых организаций, а может быть даже и до распада СКЮ на различные партии»

(«Коммунист», 1989, 27 X, с. 10—11). Однако руководства СК Сербии и СК Воеводины отвечают на это, что «многопартийная система не имеет поддержки» в их рядах («Коммунист», 1989, 24 XI, с. 11).

В условиях фактического распада существующей общественно-политической системы нынешнее руководство СФРЮ проявляет все большую растерянность и выдвигает самые различные лозунги по спасению политического и государственного единства страны. Диапазон этих лозунгов говорит сам за себя: «Армия — стабилизирующий фактор Югославии»; не армия, а рабочий класс является «единственным фактором стабильности» в Югославии; «Основным фактором стабильности является единство СКЮ» и т. д. («Коммунист», 1989, 6 X, с. 1, 7; 9; 24 XI, с. 8).

Чего пока не наблюдается в руководстве СКЮ и СФРЮ, так это понимания, что меры по консолидации общества должны идти по линии самых радикальных решений в деле обеспечения прав федеральных единиц, прав меньшинства, по линии опережения событий, а не отставания от них. Боязнь принятия таких решений пока сильнее боязни их непринятия.

Ю. С. НОВОЛАШИН, д-р филос. наук, зам. директора ИСБ

В связи с событиями конца 1989 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы встает много вопросов, но главным из них будет, очевидно, следующий: почему для стоявших у власти в течение четырех с лишним десятилетий коммунистических и рабочих партий этих стран все закончилось таким сокрушительным крахом? Можно поставить вопрос и по-иному: был ли избранный этими партиями путь строительства социализма с самого начала тупиковым, т. е. не могущим привести ни к чему другому, кроме краха? Я думаю, что путь был действительно тупиковым, а удручающий для коммунистов этих стран результат 40-летнего движения по нему предопределен причинами двойского свойства, а именно: доктринальными и практико-политическими.

Если обратиться сначала к доктринальным причинам, то ниточку следует тянуть от марксова учения о диктатуре пролетариата, которая, как правильно заметил чл.-корр. АН СССР А. Искандеров, «себя не оправдала, потому что именно она была связана с насилием» (Современное видение социализма. Круглый стол.— «Правда», 1990, 21 I, с. 2).

В. И. Ленин, воспринявший марксовы идеи о единственно последовательном революционном классе — пролетариате — и его диктатуре после победоносной социалистической революции, поставил учение об этой диктатуре в центр своей концепции строительства нового общества и, думается, явно абсолютизировал упомянутое учение.

На мой взгляд, это выражалось, во-первых, в акцентах того типа, что «безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6). Во-вторых, это просматривается в своеобразном понимании «механизма пролетарской государственности» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 32) во главе с компартией, управляющей всем этим механизмом. «Диктатуру, — подчеркивал Ленин, — осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 30). В-третьих, об абсолютизации Лениным марксова учения о диктатуре пролетариата как новой форме государственности свидетельствует его негативизм в отношении опыта буржуазного парламентаризма, становления и развития в западных странах правового государства. На буржуазный парламент большевистский вождь смотрел отнюдь не с точки зрения заимствования демократических принципов его функционирования, а исключительно как на «насквозь прогнившее капиталистическое учреждение, в котором обманывают рабочих и трудящихся» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 271).

Кстати, недооценка принципов политической демократии, совершенно очевидные проявления нигилизма в отношении богатого опыта парламентаризма Западной Европы и Америки были характерны и для

других большевистских лидеров: Н. И. Бухарин, например, характеризовал буржуазно-парламентарный строй «паршивенским» и подчеркивал, что большевики провозглашают «смертельную войну буржуазно-парламентарной республике» (Бухарин Н. И. На подступах к Октябрю. Статьи и речи, май—декабрь 1917 г. М., 1926, с. 184). Л. Д. Троцкий заявлял, что «нам не нужны более обветшалые декорации парламентаризма, его светотени, его оптический обман» и что «пролетарская диктатура сметет навозную кучу буржуазной демократии и очистит путь для коммунистического строя» (Троцкий Л. Д. Соч., т. XIII. М.—Л., 1926, с. 138, 144).

Таким образом, еще при жизни Ленина были обозначены контуры большевистской концепции строительства нового общества с помощью основного орудия этого строительства — диктатуры пролетариата, которая, согласно чеканной формулировке партдокументов тех лет, «не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. Компартии» (XII съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1968, с. 672). Но, конечно, о законченной (и закостеневшей) большевистской концепции построения социализма, названной с легкой руки Г. Е. Зиновьева марксистско-ленинской, можно говорить лишь применительно к сталинскому периоду существования нашей партии, имея в виду разработку и популяризацию этой концепции также в коминтерновских рамках и включая такой организационно-политический и идеологический процесс, как большевизация всех входивших в III Интернационал компартий, т. е. причесывание всех их под одну советскую гребенку.

Вот именно эту, превращенную в каноническую, большевистскую концепцию построения социализма следует считать главной доктринальной причиной направления послевоенных процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы по тупиковому пути развития, особенно после сектантско-догматического поворота 1947—1948 гг., означавшего во всех этих странах стратегическую установку на культивирование «советской модели» во внутренней политике и безусловное признание руководящей роли ВКП(б) и СССР — во внешней.

Иными словами, суть поворота 1947—1948 гг. заключалась в форсировании в странах Центральной и Юго-Восточной Европы двух взаимосвязанных процессов, которые наши западные оппоненты весьма метко назвали процессами «советизации» и «сателлизации». Этот поворот — одна из важнейших причин практико-политического свойства, приведших к краху в регионе социалистического эксперимента. Можно лишь присоединиться к словам Генерального секретаря Швейцарской партии труда Ж. Шпильмана, когда он пишет, что «была сделана попытка насаждить социализм в готовом виде, т. е. как бы натянуть костюм, пошитый по определенной мерке, на людей, которым он совершенно не годится. Такой подход, мягко говоря, не способствовал продвижению вперед социалистического дела. Нигде еще ничего хорошего не было достигнуто путем навязывания чужой воли. И экспорт революции, и попытки силой внедрить тот или иной политический уклад вопреки воле народов непродуктивны и недопустимы» (Шпильман Ж. Смелее отвечать на требования жизни.— «Проблемы мира и социализма», 1989, № 12, с. 4).

Однако, если вернуться к причинам доктринального свойства, то в чем же была непродуктивность, бесперспективность в конечном счете большевистской, коминтерновской, коминформовской концепции построения социализма? Прежде всего в недооценке, игнорировании огромного значения для социалистического дела требований и принципов политической демократии, в абсолютизации варианта социализма, построенного на управлении через насилие. Это не могло не привести во всех странах к утверждению тоталитарных командно-репрессивных коммунистических режимов, интересы которых антагонистически противоположны по своей сути коренным интересам трудящихся масс. Непримиримое столкновение этих интересов и раньше порождало то в одной стране региона, то в другой тяжелые общественно-политические кризисы и конфликты, а в конце 80-х годов в силу полнейшей неспособности указанных режимов дать удовлетворительный ответ на многообразные вызовы времени привело

к повсеместному краху не только безраздельной власти коммунистов, но и, как правило, самой социалистической ориентации данных стран, идеи социализма.

Итак, на рубеже 80—90-х годов в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы потерпел полную и сокрушительную неудачу тот социализм, который там строился, тот именно, который мы только и знаем как реальный социализм и который, заметим, терпит трагическое бедствие и в Советском Союзе. Я не разделяю расхожих взглядов о деформациях нового строя, в которых повинны отдельные руководители (Сталин, Ракоши, Готвальд, Берут, Чаушеску и др.) и выправление которых позволит, дескать, придать социализму «второе дыхание», «обновить» его и т. д. Выше я пытался показать, что та доктрина социализма, которой руководствовались в своих практических делах правящие коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, с самого начала несла на себе печать жесткой централизации экономики и всей общественной жизни, всевластия партократии и подавления инакомыслия, т. е. печать антидемократизма и тотального контроля со стороны управляющих структур за всеми сферами жизнедеятельности управляемых.

Поистине, что строили, то и построили, и никакие тут деформации не при чем. Так и было задумано. Другое дело, что задумка эта оказалась в корне несостоятельной, а попытки воплотить ее в жизнь породили тоталитарного государственного монстра, окаменевшего в своей неподвижности и ставшего главной преградой общественному прогрессу. И надо, представляется, не ссыльаться на «отдельные деформации» в нашем социалистическом эксперименте, а иметь мужество признать его неудавшимся по причине многих ложных исходных характеристик. Это не значит, конечно, что нужно отбросить и саму социалистическую идею, но формы воплощения ее в жизнь должны быть принципиально иными. Во многом левым силам, если они будут у власти, придется строить новое общество опять с самого начала.

Еще раз подчеркну: коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, как, впрочем, и КПСС — это не некие политические недоумки, которые вроде бы не ведали подчас, что творили; их руководство вполне сознательно взяло на вооружение большевистский вариант марксизма-ленинизма, вполне сознательно осуществляло этот антидемократический вариант социалистического общества, создавало и бдительно оберегало его тоталитарные «устои».

В чем же заключаются «устои» сталинского, как у нас теперь говорят, командно-административного социализма, т. е. именно того «реального социализма», который пока что только и осуществлен на практике под мудрым руководством, как тоже недавно говорили, коммунистических и рабочих партий? В политической сфере они заключаются во всевластии партийного и государственного аппарата, т. е. того номенклатурного социального слоя (класса), который буквально спаян с охранно-репрессивной системой КГБ—МВД, обеспечивающей упомянутое всевластие этого, по словам Троцкого, «нового коммунистического ордена самураев» (*Троцкий Л. Соч., т. XVII, ч. 2. М.—Л., 1926, с. 325*) или, по не менее знаменательным словам Сталина, «своего рода ордена меченощцев внутри государства Советского» (*Стalin И. Соч., т. 5. М., 1954, с. 71*).

В экономической сфере эти «устои» состоят в господствующих позициях государственной собственности, настойчиво выдаваемой партократией за общенародную, но являющейся на самом деле собственностью не управляемых народных масс, а лишь их управляющих, организованных во все возможные бюрократические конторы и ведомства.

В идеологической сфере эти пресловутые устои нового общества всегда усматривались в господстве (или перманентной борьбе за таковое) над умами и душами рядовых партийных «мирян» и беспартийных марксистско-ленинской идеологии, причем в единственно дозволенной сектантско-догматической большевистской форме.

Так вот эти «флезыблемые устои» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы рушатся или уже рухнули. В политической сфере налицо

слом старой (партиократической) государственной машины «реального социализма», выразившийся прежде всего в том, что общество, пришедшее в самостоятельное политическое движение, отказалось в доверии коммунистам, которые завели названные страны в трясину глубокого и всестороннего кризиса. Компартии оказались или полностью отстраненными от власти, или их решительно потеснили у государственного кормила. Некоторые из них вообще прекратили свое существование. Влияние компартий на структуры управления перекрыто декоммунизацией (деполитизацией) армии, полиции, других государственных учреждений, перекрыто за счет ликвидации вездесущей охранно-репрессивной системы госбезопасности, ненавистной народным массам и выступавшей главным гарантом всея власти так называемых директивных инстанций, всех этих райкомов, горкомов, обкомов, ЦК и их политисполкомов, Президиумов и Политбюро (которое, к слову сказать, даже не упомянуто в Конституции СССР, но которое было и остается влиятельнее любого из советских конституционных органов управления или всех их вместе взятых).

Происходит постепенный (не такой взрывной, как в политической сфере) слом старой экономической системы, для которой были характерны абсолютно преобладающие, если не всеохватывающие, позиции государственной собственности. Утверждаются в народно-хозяйственной жизни другие социально-экономические уклады, в том числе за счет денационализации, ограничиваются роль плана и влияние государственной бюрократии на производство, растет значение рыночных регуляторов распределения и т. д.

Налицо также слом старой тотально-коммунистической идеологической системы. Марксистско-ленинское учение, обосновывавшее всея власть коммунистов, их бессрочное руководящее положение во всех структурах управления, решительно потеснено в общественном сознании, сильно дискредитировано, в том числе «богатейшим» репрессивно-административным опытом российских большевиков и не менее «достойным» опытом их наследника — партиократии КПСС (травля диссидентов, судебные и внесудебные расправы над ними, психушки, выбрасывание за кордон, лишение гражданства и т. п.). Происходит настоящая антибольшевистская «революция в умах», принимающая нередко антисоветский и тотально-антикоммунистический характер. Все большее место в сознании восточноевропейского населения начинают занимать социал-демократические и либерально-буржуазные взгляды, которые противопоставляются ленинизму, отброшенному-де с магистрального исторического пути общественного прогресса.

К вопросу о судьбах ленинизма я еще вернусь, а теперь, прежде чем в какой-то итоговой формулировке сказать о характере событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, хотел бы привести раздраженные слова об этих самых событиях ветерана войны и труда, члена КПСС М. П. Долгих. «Ратуем за общеевропейский дом,— пишет он,— а на то, что часть этого дома, т. е. европейские социалистические страны, распадается, закрываем глаза. Польша уже пошла по капиталистическому пути, Венгрия и Чехословакия уже сворачивают с социалистического пути, а в ГДР вообще непонятно, что творится, а вместо того, чтобы дать принципиальную марксистско-ленинскую оценку, говорим, что у них происходят демократические процессы, что они суверенные государства» («Правда», 1990, 21 I, с. 5).

Да, дорогой т. Долгих, и Албания, и Болгария, и Венгрия, и ГДР, и Румыния, и Польша, и Чехословакия, и Югославия — действительно суверенные государства, а не сфера контроля и господства СССР, даже если Советская армия понесла немалые жертвы в борьбе с нацистскими войсками на территории многих из них. Краеугольный камень нашего нового политического мышления — придание первостепенного значения в международных делах принципу уважения Советским Союзом безусловного права на свободу выбора путей общественного развития за всеми народами, всеми странами, в том числе социалистическими и, быть может, прежде всего социалистическими, поскольку именно в отношении послед-

них этот принцип КПСС и правительством СССР соблюдался отнюдь не всегда.

А теперь насчет призыва «дать принципиальную марксистско-ленинскую оценку». Кажется, только с принципиальных позиций я и веду об этих событиях речь, употребляя, в частности, такую неотъемлемую категорию соответствующей марксистско-ленинской литературы, как основополагающие устои нашего «реального социализма» во всех основных сферах жизнедеятельности государства и общества. Отнюдь не выходя за рамки принципиального марксистско-ленинского подхода, можно сделать вывод, что, если рушатся эти самые «устои», значит рушится покоящееся на них, как на трех китах, партийно-государственное устройство тоталитарного «реального социализма».

Другими словами, все мы с вами являемся современниками, а многие граждане нашей страны даже очевидцами народных, демократических революций против государственного тоталитаризма, который был установлен, поддерживался и идеально освящался правящими коммунистическими и рабочими партиями, прежде всего их руководством, с помощью всех мыслимых и немыслимых средств, среди которых лжи и насилию принадлежит, несомненно, ведущее место. Таким образом, это антикоммунистические народные революции, ибо они направлены против коммунистического тоталитаризма.

Нередко еще в нашей стране приходится сталкиваться со сталинским, имперским по сути мнением: дескать, куда смотрит руководство партии и государства; разваливается социалистическое содружество, а мы что, отделяемся фигурой умолчания? Как бы ни относиться к такого рода мнению, оно высвечивает огромную проблему, а именно: роль КПСС и советского правительства в становлении и развитии социалистического содружества и их доля ответственности за тот сокрушительный крах партийно-государственной системы «реального социализма» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, который произошел в ноябре — декабре 1989 г.

Сказать о том, что роль КПСС и советского правительства в становлении социалистического содружества была огромной, значит не сказать ничего. А чтобы аргументировать этот бесспорный тезис надо знать подробности, которые советским руководством до сих пор тщательно скрываются. Когда же лучи гласности пробуются и в эту деликатную сферу, то станет ясной наша настолько высокая вовлеченность во внутренние дела этих стран, когда не то что секретарь ЦК, премьер-министр или глава госбезопасности не мог быть назначен без «согласования», но даже и простые министры, всякие там председатели государственных комитетов, а подчас и более мелкие чиновники входили в кремлевскую международную «номенклатуру».

Скажем, в 1953 г., когда решался вопрос о новом Первом секретаре ЦК БКП и когда болгарским товарищам казалась предпочтительнее всего кандидатура А. Югова, именно вмешательство со стороны некоторых влиятельных советских деятелей привело на партийный трон совсем другого человека, кое в чем более удобного для наших партийных бонз,— Т. Живкова. То же самое можно сказать про «воцарение» на властном Олимпе Э. Хонеккера, Я. Кадара, правительство которого вообще было сформировано вне венгерских пределов, в Закарпатье и обязано своим назначением сделке между Н. С. Хрущевым и И. Б. Тито в бессонную ночь 1—2 ноября на острове Бриони. А Г. Гусак и вся его «команда», разве это не наша прямая креатура? Одним словом, труднее привести исторические примеры противоположного свойства, ибо непослушание сурово каралось, сектантско-догматический советский бич мог достать почти любую правящую братскую партию.

Например, над головами членов компартии Чехословакии, ее руководства он свистел по меньшей мере раза четыре. Первый раз тогда, когда по решению (1924) Исполкома Коммунистического Интернационала проводилась большевизация всех входящих в него партий, в том числе и КПЧ. Ее превращение в партию «нового типа» по образцу ВКП(б) приве-

ло к упрочению антидемократических порядков, жесткого централизма, нерассуждающей дисциплины, идеологического догматизма, к изгнанию или добровольному уходу из КПЧ инакомыслящих, прежде всего из числа интеллигентов.

Второй раз этот бич погулял по головам и спинам «неразумных» в 1948—1953 гг. во время упоминавшегося выше коминформовского поворота к единобразию, когда Чехословакию, как и другие «братские» страны, сотрясили фальсифицированные политические процессы над «титовскими агентами» и «националистами», т. е. над сторонниками «чехословацкого пути» к социализму. Результатом всей этой «очистительной грозы» было дальнейшее усиление в партии сталинистских, сектантско-догматических элементов в ущерб, конечно, творческим, инициативным ее элементам.

Третий раз сектантско-догматический советский бич вволю порезвился в 1968 и последующих годах. То, что гусаковское политическое руководство Чехословакии было прессовско-квислинговским, ни для кого и никогда, я думаю, не было секретом. Полмиллиона исключенных из КПЧ и подвергнутых административному остракизму — репрессивная акция, проводившаяся не без благословления «великого человека нашего времени» Л. И. Брежнева и ретивых партапаратчиков-чинодралов и лизоблюдов.

И, наконец, четвертый раз наш непреодоленный догматизм и узколобость сыграли злую шутку с КПЧ, с ее постгусаковским руководством уже в годы перестройки. Если бы новые советские партийные власти, скажем, в 1986—1987 гг. решились выступить с осуждением вторжения в Чехословакию, было бы хоть какое-то время для внутрипартийных изменений и замирения обновленного руководства с населением, прежде всего с теми более чем 20%, которые оказались в той или иной степени затронуты репрессиями по политическим причинам. Но этого, к сожалению, не произошло. Наша партократия пороха здесь не изобрела, она побоялась порвать с правящей кликой Якеша-Штепана, хотя и понимала, быть может, ее обреченность.

Когда же, будучи в Милане, М. С. Горбачев «решился» на пресс-конференции 2 декабря 1989 г. взять «на себя ответственность сказать, что в той ситуации (1968 г.—Ю. П.) не были до конца использованы все политические методы, которыми располагало советское руководство, для того чтобы правильно отреагировать на чехословацкую ситуацию» («Правда», 1989, 3 XII, с. 2), было уже слишком поздно. События в Чехословакии пошли революционным, а не эволюционным путем. Сектантско-догматическое руководство КПЧ утратило народное доверие и власть, но, падая с крутого откоса революции в небытие и забвение, оно увлекло за собой и всю партию. То, что мы для сохранения авторитета этой партии могли сделать еще 2—3 года назад, мы не сделали, бросив ее по существу на произвол судьбы. Теперь устранять эти просчеты нашего «интернационалистического» курса гораздо труднее, если вообще их можно устраниТЬ.

И напоследок несколько слов о судьбах ленинизма, с которым коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы связывали все четыре десятилетия нахождения у власти свои интеллектуальные и идейные традиции. Представляется, надо признать, что ряд главных тезисов ленинизма в его доктринально-большевистском варианте сегодня уже неприменимы на практике.

Трудно, например, совместить с парламентской демократией при социализме, к опыту которой обращается сейчас и наша страна, и страны Центральной и Юго-Восточной Европы, ленинское учение о советской или пролетарской демократии, родившейся в России (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 307). Последняя, как записано в Программе РКП(б), «уничтожает, отрицает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей» (VIII съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959, с. 396).

Ближайшие ленинские соратники все как один стояли на этой позиции. Л. Б. Каменев заявлял, что «тот, кто говорит против партии, кто

требует разделения функций советского аппарата и партии, хочет на навязать такое же разделение властей, какое есть и в других государствах» (XII съезд РКП(б), с. 158). «Разделение труда внутри партии—да», — чеканил Г. Е. Зиновьев, «разделение власти — нет. Вот наша формулировка» (XII съезд РКП(б), с. 47).

Трудно совместить ленинизм с новым международным порядком, в котором общечеловеческие, а не классовые ценности находятся на первом плане. Ленин же не уставал повторять, что большевики всегда стояли и стоят на классовой точке зрения, т. е. отдают предпочтение революционной целесообразности, интересам освобождения труда.

Наша политическая литература и многие советские обществоведы, освещая проблематику нового мышления с присущим ему приматом общечеловеческих ценностей, пытаются найти концептуальные источники всего этого в ленинизме. С этой целью вытащили на свет божий ленинскую мысль, высказанную им еще в конце XIX в. в проекте программы РСДРП, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 220*). То есть в данном случае была высказана мысль о приоритете в конечном счете для рабочего движения не его классовых интересов, а общечеловеческих, интересов развития общества в целом. Ни тогда, ни позднее, уже в XX в., когда революционные катаклизмы, особенно жесточайшая гражданская война, властно выдвинули на первый план классовые интересы российского пролетариата и его политического авангарда — ВКП(б), эта мысль не была востребована ни самим Лениным, ни его соратниками и последователями. Не была востребована потому, что совершенно не согласовывалась с той идеально-теоретической традицией марксистско-ленинского ультраинтернационализма, которая в первые послереволюционные годы утвердилась в умах немалой части народных «низов» и большевистских «верхов», а позднее трансформировалась в догматический тезис о непререкаемом верховенстве классового начала над общечеловеческим для любой компартии, любой социалистической страны, о безусловном приоритете общих интересов коммунистического движения, мировой системы социализма над национально-государственными, обязательном подчинении последних высшему интернациональному долгу.

Этих примеров, думается, достаточно, чтобы понять простую истину. Ленинизм как любая серьезная теория, любое мировоззрение имеет в чем-то действительно всемирное значение, а в чем-то конкретно-историческое, т. е. важное только для своего времени. События же в странах Центральной и Юго-Восточной Европы явно кладут предел одной эпохе в развитии социалистической идеи в ее большевистско-ленинской интерпретации и попыткам претворения этой идеи в жизнь и начинают иную эпоху, осмысление концептуальных и практико-политических контуров которой только начинается.

СТАТЬИ

ТАРАСОВ О.Ю.

РУССКИЕ ИКОНЫ XVIII — начала XX в. НА БАЛКАНАХ

Культурные связи России с Балканами уходят в глубь первых веков утверждения на Руси христианства, и на протяжении столетий русское искусство не раз испытывало на себе воздействие балканской художественной традиции. Однако в XVI—XVII вв. начался, как известно, процесс обратного влияния. Россия сама стала оказывать воздействие на художественную жизнь Балкан [1] и вывозить произведения своего искусства во все более возрастающих масштабах [2].

Нхождение на территории современных балканских стран многочисленных и разнообразных памятников русской иконописи XVIII — начала XX в. может свидетельствовать о том, что в последующие века русско-балканские художественные связи возрастили не только количественно, но явно усложнились и структурировались, захватывая новые и ранее неизведанные сферы. На рубеже XVII—XVIII столетий одной из них становится русское народное ремесленное искусство, к которому относились, в частности, известные в свое время по всей России и вывозившиеся в другие православные страны, так называемые, «расхожие» (т. е. дешевые, «расходившиеся» в народной среде) иконы «сузdalских писем», получившие свое «бытовое», а затем перешедшее в русскую историографию название от главных центров их производства — владимирских сел Палеха, Мстера и Холуя¹. Входившие в прошлом в границы Суздальского княжества, когда-то они являлись вотчинами сузdalских и Троице-Сергиева монастырей [3, с. 6—7].

Обследованные нами отдельные памятники русской иконописи в музеях, частных коллекциях, церквях и монастырях Румынии и Болгарии, сопоставление ряда исторических данных об особенностях иконописания в Палехе, Мстере и Холуе, а также выявление в самих этих центрах определенных аналогий позволяет, на наш взгляд, заключить, что очень многие из них относятся именно к «суздальским письмам», хотя наряду с «расхожими» иконами встречаются как великолепные образцы московской, палехской и мстерской иконописи XVIII—XIX вв., так и целый ряд памятников, отнести которые при современной разработке темы к каким-либо определенным центральным довольно сложно.

Особое внимание современной науки к микроистории, а также возрастание в последние годы интереса в советской [4—7] и западной [8] историографии к поздней русской иконописи заставляет сегодня пересмотреть все те многочисленные в прошлом и в основном отрицательные упоминания о «сузdalских письмах» как о памятниках, не представляющих какой-либо художественной и историко-культурной ценности. Причем, эти упоминания оказались, надо заметить, обратно пропорциональны

Тарасов Олег Юрьевич — канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Отдельные типы этих икон известны также под названием «краснушки».

конкретным исследованиям. Не случайно поэтому, что сегодня во многом потеряны не только четкие и важные ориентиры, позволявшие некогда почти безошибочно атрибутировать произведения «сузdalских» мастеров, но и выпали из научного оборота целые конкретные понятия. В связи с этим явно остается еще недооцененной как роль икон данного типа в формировании народного эстетического вкуса и русского народного православия, так и их значение в процессе культурных связей в православном мире, их вполне определенное и важное в нем место.

На данной стадии исследования всех этих вопросов нами были привлечены материалы Государственного архива Владимирской области [9], архивов Владимиро-Сузdalского музея-заповедника [10], Государственного музея палехского искусства [11] и Музея холуйского искусства [12]. Из довольно разнообразного круга источников, относящихся в основном ко второй половине XIX — началу XX в., в первую очередь следует отметить прессу, публикации Владимирского губернского статистического комитета и, в частности, ценные для нас материалы владельца известной литографии в Мстере И. А. Голышева [13—14], работы К. Тихонравова [15], а также публикации организованного в 1901 г. Комитета попечительства о русской иконописи, один из основателей которого, Н. П. Кондаков, посетил в 1900 г. Палех, Мстера и Холуй и составил о своей поездке подробный отчет [16]. Особый интерес представляют собой различного рода путевые записки тех русских деятелей, которые приблизительно с серединой XIX в. стали специально ездить в Палех, Мстера и Холуй. Собранный ими исторический и этнографический материал — это литературные зарисовки, личные наблюдения, свидетельства самих «сузdalских» иконоискусцев, а также рассказы (правда, скучные) владимирских оленей — известных в прошлом по всей России странствующих торговцев-ходебщиков, через которых в основном (как будет показано ниже) и проникали «сузdalские» иконы на Балканы. Это публикации писателя и этнографа С. В. Максимова [17], экономиста В. П. Безобразова [18], искусствоведа В. Илларионова (В. Т. Георгиевского) [19], литератора А. С. Пругавина [20] и др.

Русские иконы в XVIII — начале XX столетия попадали в балканские страны различными путями. Дорогие иконы изысканной работы дарили приезжавшим в Россию представителям балканских стран иерархи русской церкви, члены русской императорской фамилии и дворянство; иконы менее «искусного письма» покупали и брали с собой многочисленные русские паломники; наконец, иконы для балканских храмов заказывались и специально. Однако основное количество русских икон шло на Балканы именно торговыми маршрутами, и начинались они в первую очередь в крупнейших центрах народного иконописания. В XVIII — начале XX в. в Центральной России такими центрами являлись Палех, Мстера и Холуй, а на юго-западе Руси — село Борисовка Курской губернии.

То, что иконы «сузdalских писем» возили продавать на Балканы, подтверждается многочисленными письменными источниками. Свидетельствуют об этом, в частности, архивные материалы, обнаруженные еще С. Г. Богоявленским. Согласно последним, в 1705 г. десять палехских крестьян с разрешения своего помещика Бутурлина обратились в Посольский приказ с просьбой выдать им проезжую грамоту в Волошскую и Сербскую земли «для промена» икон. Учитывая количество («несколько тысяч»), можно предположить, что в основном это были иконы массового производства, т. е. «расхожие». Через три года палешане вновь появились в турецких владениях и несмотря на то, что киевскому губернатору был послан приказ русского правительства о закрытии границы для русских оленей и запрещении им торговать иконами в землях, находившихся под властью Османской империи, своих поездок они отнюдь не прекратили [21]. В 1754 г. местный историк, протоиерей Сузdalского собора Анания Федоров писал, что «многия жители Холуя и Палеха отходят со святыми иконами в дальния страны, то есть в Польшу, в Цесарю, в Славонию, в Сербы, Болгары и прочия, и там они святая иконы променивали» (т. е. продавали.— Т. О.) [22, с. 42].

В следующем же, XIX столетии, об экспорте «сузdalских писем» на Балканы упоминали уже многие русские исследователи и в том числе Н. П. Кондаков, отмечавший главными пунктами сбыта этих икон — «южную и восточную Россию, Румынию и Балканский полуостров» [16, с. 32]². Наконец, в 1912 г. газета «Владимирские губернские ведомости» в очередной раз указывала, что «Палех с Холуем работают на всю Россию и даже на некоторые славянские страны» и что изделия «кустарей-палеховцев» можно встретить «в большом количестве также в Болгарии и Румынии» [23, 1912, № 40]. Причем, есть некоторые основания предполагать, что отдельные русские торговцы «сузdalскими» иконами добирались даже до Иерусалима. Обнаруженная нами в депозитарии Национальной художественной галерее в Софии русская икона-«краснушка» «Воскресение Христово, с двенадцатью праздниками» (инв. № 836) содержит на обратной стороне доски надпись: «*донесено от Гроба Господня Енью Христов (1824—1898)*».

Шла на Балканах миграция икон и из юго-западных губерний России. В XIX в. иконописные мастерские существовали в Курске, Белгороде, Киеве, Почаеве [16, с. 48], но главным иконописным центром второй половины XIX — начала XX в. являлось, безусловно, здесь село Борисовка. По статистическим данным конца XIX в. иконописью в нем занималось до 500 человек, выпускавших в год до 300 тысяч икон, которые сбывались «на месте или отправлялись скопщиками целыми партиями в южные губернии, на Кавказ и даже в Болгарию» [24].

Разветвленная, развивавшаяся на протяжении нескольких столетий сеть коммерческих контактов владимирских сел не могла не захватывать южнорусские иконописные центры на балканских торговых путях. В своем сообщении о паломничестве и иконной торговле в г. Киеве, сделанном для Комитета попечительства о русской иконописи, В. Т. Георгиевский отмечал: «Киево-Печерская Лавра имеет свою иконописную школу, но икон в этой школе пишется ничтожное количество... она (Лавра.— Т. О.) находится в сношении с иконописцами-сузальцами, которые (Шахов из Холуя, Блинников из Холуя, Горбунов, Каравайков из Палеха, Салаутин и др.) доставляют на продажу иконы из своих мастерских» [25, приложение № 11, с. 120]. Оживленная торговля велась владимирскими селами и с Тихвинской женской пустынью, расположенной в самой Борисовке. Судя по замечаниям В. Т. Георгиевского, пустынь скупала у мастерских оценей главным образом «подфолежные» иконы (т. е. на которых писалось только «личное» — лицо и открытые части тела, а все остальное закрывалось фольговым окладом [25, приложение № 12, с. 127—128] (рис. 1).

Чтобы полнее представить себе масштабы и особенности иконописания во владимирских селах, экспорта их продукции на Балканы, необходимо несколько подробнее остановиться на характере оценской торговли — явлении, на наш взгляд, в своем роде уникальном по сравнению с другими православными странами.

Надо признать, что до настоящего времени русское оценство остается пока мало исследованным. До конца неясна также и этимология слова «оценя». Выделяя несколько народных преданий его объяснения, К. Тихонравов наиболее вероятным, в частности, считал его происхождение от «афинян» — так называли в северо-восточной Руси страшествующих греческих торговцев, много которых появилось здесь особенно в XV в. С течением времени их прозвище могло перейти к местным торговцам-ходебщикам, которые имели с ними различного рода торговые связи. «Это тем более вероятно, — подчеркивал он, — что и доныне в искусственном оценском языке много слов, взятых прямо с греческого» [15, с. 23]. Известный же знаток великорусского языка В. И. Даляр предлагал иное происхождение имени оценей. На тайном оценском языке слово «оцениться» значит

² В XIX — начале XX в. интенсивно шла и «обратная» торговля. По всей России рассыпались в то время иконы, писавшиеся в русском монастыре св. Пантелеимона на Афоне [16, с. 47]. Значение же самого Афона, всегда игравшего важную роль в культурных взаимосвязях России и Балкан, в XVIII—XIX вв. явно увеличивается: иконы из России все более в то время проникали в афонские славянские монастыри.

Рис. 1. Св. Екатерина. Фрагмент «подфолежной» иконы. Вторая половина XIX в. Мстера. Национальная художественная галерея. Пловдив. НРБ.

молиться, креститься; «офеет» — крест. Отсюда «офеня», по догадке Даля, вероятнее всего означал «крещеный», «православный» [26]. Еще одна любопытная точка зрения была высказана С. В. Введенским, который полагал, что имя офеней являлось таким же заимствованием из греческого, как и слова «финифть», «шаволока» и другие и означало по-гречески «беслое полотно», т. е. основной товар греческих торговцев [27].

Владимирские офени-ходебщики представляли собой некий своеобразный и достаточно замкнутый торговый «орден», в котором существовали как строгие правила поведения и обычаи [28], так и особый тайный язык, что все вместе выделяло их среди остального местного населения и, начиная где-то с середины XIX в., привлекло к ним внимание отдельных представителей русской интеллигенции [20; 15, с. 22—27; 29]. В 1843 г. «Владимирские губернские ведомости» писали, что в Сузdalском округе «живут и отсюда расходятся по всем краям России деятельные и ловкие промышленники, известные везде под именем офеней. Эти мелочные торговцы составляют какую-то особенную промышленную касту, имеют даже свой разговорный язык, искусственно ли составленный, или сохранившийся у них от древних поколений» [23, 1843, № 21]. Чуть позже на основании своих личных наблюдений В. Безобразов отмечал в путевых записках, что «особый язык, которым славятся офени, придает им некоторый оттенок таинственности, загадочности и сектаторской замкнутости и весьма характеризует ту степень коммерческого развития, к которой принадлежит оfenство» [18, с. 291].

В оfenстве мы отчасти сталкиваемся и с особым типом социального поведения — странничеством, психологическая сторона которого была столь характерна для русского религиозного опыта. Именно она бросалась в глаза многим наблюдателям, отмечавшим, что несмотря на трудности

промышлена, офени были «„неисправимые“, закоренелые скитальцы, у которых бродяжничество вошло в плоть и кровь, обратилось в органическую потребность» [20, № 4, с. 96]. «Жизнь офеней,— писал Безобразов,— есть скитание по чужим домам и дорогам» [18, с. 287]. Эта же черта проскальзывает, кстати, и у П. И. Мельникова-Печерского в созданном им образе офени-«старинника» Герасима Чубалова: «Погоня за стариной по глухим захолустьям своего рода с трасти (разрядка моя.— Т. О.), а к нему Герасим Чубалов очень прибыл, и оно ему очень нравилось» [30]³.

С давних времен оценский промысел был тесно связан с народной иконописью и возник в данном регионе, надо полагать, именно из иконной торговли, которая интенсивно стала развиваться вероятнее всего уже со второй половины XVI в., когда в России появляется огромный спрос на дешевые народные иконы в связи с христианизацией необъятных пространств Урала и Сибири после падения Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств. Последний момент оказался, видимо, одним из главных импульсов появления вблизи такой важнейшей торговой артерии как Волга центров народного иконописания, с самого начала развивавшихся в тесной связи со складыванием благоприятных торговых механизмов.

В то время офени могли покупать иконы на местных ярмарках (или брать их большей частью в кредит) наряду с «мелочным товаром», но с развитием торгового оборота из их среды постепенно стали выделяться оfeni-«иконщики», т. е. торговцы, специализировавшиеся исключительно на продаже икон. К 80-м годам XVIII в. офени стали соединяться в артели с общим, паевым капиталом [33, с. 34—35]. Пользовались известностью крупные артели Юсова, Дунаева, Туманова, Синельникова и др. [34, с. 23]. Это были своего рода оценские фирмы во главе с хозяином, на которого работало определенное число торговцев-ходебщиков. О масштабах их торговли свидетельствовала статистика: в одном только Ковровском уезде насчитывалось в то время до 4 тыс. оfenей, владевших капиталом в 6 млн рублей [33, с. 35].

В XVIII—XIX вв. (а вероятнее всего и раньше) такие артели имели уже свои установившиеся торговые маршруты или своего рода «зоны влияния». Самые разные и часто дублирующие друг друга данные о направлениях оценской торговли указывают на то, что география распространения икон «суздальских писем» была для своего времени поистине огромной и вряд ли сопоставимой с распространением икон каких-либо других народных иконописных центров. Причем, как в России, так и в остальном православном мире (см. карту).

Офени, например, Грузьевской и Мугреевской волостей торговали в Восточной и Западной Сибири⁴, из Алексинской и Хотимльской волостей ходили в Польшу, Белоруссию и на Украину, из других волостей — в Остзейские губернии, в Финляндию, на Кавказ и т. д. [34, с. 23—24]. О прочности тех или иных торговых маршрутов могут отчасти говорить и те прозвища, которые давались владимирским оfenям в разных землях: в Малороссии их, например, называли «варягами», в Белоруссии — «маяками», на русском Севере — «торгованными», в Сибири — «суздальами» и т. д. [17, с. 220].

При этом в разных областях складывался и определенный спрос на те или иные сорта икон. Иконы «подстаринные», т. е. писавшиеся в традиционной манере различных древнерусских иконописных «пошибов», шли преимущественно в великорусские губернии, а также в центры расселения старообрядцев; образа с золотым «чеканным» (т. е. разгравирован-

³ Оfeni-«старинники» все более стали появляться в России в XIX в. в связи с развитием коллекционирования древнерусской живописи и рынка иконной торговли и представляли собой своеобразный, на наш взгляд, тип народного «антiquара». Продавая свои «суздальские письма», они меняли и покупали старинные иконы, богослужебные книги, предметы старинной утвари и т. п., которые затем частью сбывали столичным антикварам, частью — любителям археологии и старины, а также коллекционерам-старообрядцам [31, с. 483; 32].

⁴ Об оценской торговле и наличии «суздальских писем» в Западной Сибири см., в частности, отдельные указания в архивных материалах, опубликованных Н. Г. Великановой [5].

Рис. 2. Карта общих направлений офенских торговых потоков на Балканы в XVIII — начале XX в.

ным каким-либо орнаментом) фоном сбывались в основном в землю Войска Донского, а иконы «греческого пошиба» с темным вохрением ликов часто привозили в Одессу, где их покупали, по свидетельству одного исследователя, греки, болгары и молдаване; наконец, так называемые «фряжские» или «живописные» иконы (со светотеневой моделировкой «личного») везли главным образом в Малороссию и Сибирь [22, с. 42]⁵.

Развитию же оfenских торговых связей с Балканами благоприятствовали как тесные культурные контакты русской и балканской церквей, так и политика России на Балканах в целом. Особенно оживленными выглядели со второй половины XVIII в. отношения между Афоном, Дуцайскими княжествами и главным религиозным центром юго-западной Руси — Киево-Печерской Лаврой [35, р. 44—53], чему в немалой степени способствовала церковная дипломатия на Балканах Екатерины II. Многочисленные пожертвования и вклады русской императорской фамилии в балканские монастыри и, в частности, в молдавский монастырь Нямц [36] не могли наряду со всем прочим не укреплять в этом регионе авторитет русской православной церкви и ее культурного наследия.

⁵ Конечно, это разграничение посит приблизительный характер, поскольку оfenы могли брать заказы в одних и тех же областях от разных заказчиков на иконы самых разных типов. Однако особенности эстетического вкуса тех или иных регионов здесь подмечены интересно.

Так в Молдавском княжестве оказались иконы известных русских иконописцев конца XVII — начала XVIII в.— мастеров иконного цеха Оружейной палаты — братьев Кирилла и Василия Улановых (биографические данные о них см. [37]). Находящиеся в первом ряду иконостаса церкви св. Ильи в Сучаве, две из них — «Спас Вседержитель» и «Богоматерь с младенцем и дровом Иесеевым» — написаны Кириллом Улановым. На первой иконе слева внизу на золотом фоне стоит подпись: «1708 год писал Кирилль», а вторая подписана: «1708 г. писал сей стый обра. Съ цртвующим преименить градъ Москве. Писал Кірил Уланов». Третья икона — Троица Бетхозаветная — была выполнена в том же году Василием Улановым.

Стоящие в пронаосе той же церкви две другие русские иконы («Спас Вседержитель» и «Богоматерь с младенцем») лишний раз подтверждают распространенную в то время практику заказов икон в России. Согласно имеющейся надписи, эти иконы вместе с резными напольными киотами были специально заказаны в Москве и выполнены там в 1783 г. Среди русских икон, хранящихся в Бачковском монастыре (Южная Болгария), одну — «Спас Вседержитель» — также можно бесспорно отнести к XVII в. и с большой степенью вероятности — к иконному цеху Оружейной палаты.

Работали на Балканах в XVIII—XIX вв. и русские мастера. Еще в XVII в. для росписи церкви Трех Святителей в Яссах приглашались русские иконописцы Оружейной палаты [2, с. 63]. В дальнейшем список русских мастеров, выполнявших, например, заказы в Дунайских княжествах, увеличился. Некоторые из них указываются с датами произведенных работ в каталоге, составленном исследователем Ш. Метешем: Назарий (1629), Яков Гаврилов (1641), Никита (1642), Василий Юрьевич (1723, 1733, 1734, 1753), Василий Дмитриевич (1776—1778), Федор (1860) и др. [38].

Спрос на Балканах на русские иконы мог быть сопряжен в отдельные периоды с ростом авторитета русского подвижничества и русской религиозной мысли. В этом плане интересен посвященный исключительно русскому и неизвестному на Балканах религиозному празднику скит Покров монастыря Нямц. Скит был основан в 1706 г. монахом Пахомием, ставшим впоследствии Романским епископом. Считавший себя учеником Дмитрия Ростовского, часто ходивший в Киево-Печерскую Лавру и много путешествовавший по России, Пахомий не только последовал русскому религиозному опыту у себя на родине [39], но и проникся русской иконой. В 1714 г. он заказал известному в Дунайских княжествах мастеру Урсулу (работавшему, кстати, до этого в Валахии при дворе Брынковяну) [40] храмовую икону с типично русской иконографией Покрова для одноименной церкви скита [6, с. 53, илл. № 3].

Исихастские идеи Григория Паламы и Нила Сорского, традиции «западных старцев» воскрешал во второй половине XVIII в. в молдавских монастырях Драгомирна и Нямц и Паисий Величковский (1722—1794), «возвращение» которого как бы в XV в. [41, с. 125—126] так сильно в свое время притягивало к нему русских духовидцев и паломников и собирало вокруг него учеников⁶. До сих пор во многих молдавских монастырях (Нямц, Агания и др.) находятся русские иконы, которые последние могли нести с собой из России.

Особенно мощный поток русских икон на Балканы пошел, видимо, после прихода сюда в конце XVIII в. русских старообрядцев, главные поселения которых сосредотачивались в Буковине и дельте Дуная [42; 43]⁷. Очень многие из обследованных нами икон в русских старообрядческих церквях Успения и св. Петра и Павла в Яссах и св. Иоанна Нового в селе Липовени (близ монастыря Драгомирна) явно происходят из Палеха, Мстери и Холуя. Притом, надо отметить, к этому времени последние уже утвердились как самые крупные в России центры народного иконописания.

⁶ Последователи Паисия продолжали в XIX в. развивать его опыт в русских Оптийской и Саровской пустынях [41, с. 390—391; 35, р. 41—42].

⁷ Подробнее см. составленную П. И. Мельниковым карту расселения русских старообрядцев на территории Валахии и Молдавии [44].

В чем же заключалась специфика «суздальской» иконописи, каковы ее классификаторы и источники, как отличались, наконец, иконы каждого из этих трех известнейших в свое время народных иконописных промыслов? Если попытаться ответить на эти вопросы, учитывая ограниченные рамки данной статьи, то в первую очередь хотелось бы обратить внимание именно на необыкновенные масштабы производства этих центров, масштабы, которые вряд ли могут сравниться, на наш взгляд, с какими-либо другими иконописными очагами как России, так и других православных стран.

В балканских странах, попавших под турецкое иго, иконописание перестало в то время быть искусством государственным. Развиваясь в основном только в нижнем слое культуры — в русле народного творчества, оно было здесь измельчено и придавлено. В верхнем же слое господствовала культура завоевателей в своем провинциальном или колониальном варианте. Народные мастера, например, из городков и деревень Эпира или Македонии, где художественные навыки также передавались из поколения в поколение и являлись иногда промыслом всей деревни [45, р. 13—14, 18], работали, надо думать, или в одиночку, или в небольших семейных мастерских, рынок сбыта которых вряд ли даже мог быть сопоставим с объемом рынка владимирских центров. Ведь иконописание в России в эти столетия самым активнейшим образом поддерживалось и регламентировалось различными государственными актами⁸, и являлось одной из важнейших областей внутренней государственной политики.

По статистическим данным Оценочно-экономического отделения Владимирской губернской земской управы в середине XIX в. в одном только Холуе ежегодно изготавливалось от 1,5 до 2 млн икон. В то время в Холуе занималось иконописью 720 человек, в Палехе — 640 и Мстере — 280 [22, с. 28]. На иконоисцкий промысел работала большая часть населения не только этих центров, но и близлежащих областей, занятых побочными производствами. В Холуе, например, женщины исполняли для иконописцев кисти, которыми обеспечивалась вся округа [23, 1869, № 17]. Здесь же возник промысел так называемой «коптели», т. е. особым способом творенного серебра, которое использовалось иконописцами вместо золота для пробелов на более дешевых сортах икон (но которое, надо отметить, иногда бывает сложно отличить от настоящего золота) [23, 1869, № 17]. Известная дешевизна народных «суздальских» икон⁹ во многом зависела и от дешевизны досок, на которых они писались. Сто досок величиной 50 × 40 см стоили, например, всего от 4 до 5 рублей [23, 1866, № 4]. На изготовлении досок специализировались целые селения. Ольховые и осиновые доски доставляли крестьяне из Гороховецкого уезда (села Пестяки и Ландех), а липовые — из Вятской губернии. Доски и киоты для фольговых икон делали в с. Пурех Нижегородской губернии [22, с. 27]. Сосредотачивался же привоз досок (называвшихся у иконописцев «деревами») главным образом на зимних базарах Холуя, Палеха и Мстери. По сведениям «Владимирских губернских ведомостей», в 1859 г. только из-за Волги было привезено: в Холуй — 528 тыс. досок, в Палех — 440 и Мстере — 176 тыс. [23, 1859, № 15]. Наконец, в данных промысловых центрах существовала целая сеть связанных между собой промысловых мастерских. В одной Мстере насчитывалось в 1893 г. «фольгоуборочных» мастерских (т. е. в которых иконы декорировались фольгой) — 24, «ризочеканных», где изготавливались оклады, — 10, собственно иконописных — 14 [22, с. 41], а также две большие фольговые фабрики.

Большинство попадавшихся нам русских «расходных» икон на территории Румынии и НРБ относится ко второй половине XIX в. Именно к этому периоду, а точнее к концу столетия, из трех сел по произ-

⁸ Даже, например, такими, как императорский указ от 14 сентября 1744 г. «О содержании икон в домах в чистоте», по которому крестьян обязывали «иконы закоптевать... по надлежащему возобновлять» [46].

⁹ В конце XIX в. наблюдатели отмечали, что в Мстере за 5—12 копеек можно было купить «расходную» икону от 3 — 8 вершков величины с изображением нескольких святых, а за 25 копеек «десятерик-полницу», т. е. икону размером в 8 вершков с изображением Воскресения Христова с двенадцатью праздниками [19, март, с. 204].

Рис. 3. Рождество Христово. Икона-«краснупка», XIX в. Мстерско-холуйские мастерские. Происходит из Болгарии. Национальная художественная галерея. Пловдив. НРБ.

водству «расхожей» иконы на первое место выходит по статистике Мстера [22, с. 37], хотя раньше больше всего «расхожих» икон писалось в Холуе. Это обстоятельство затрудняет на первый взгляд атрибуцию тех или иных памятников. Тем более, что подробное описание процесса производства одной «расхожей» мастерской иконы (включавшего около 40 операций), сделанное в середине XIX в. И. Голышевым, сегодня остается пока важнейшим руководством для выявления особой стилистики народных «сузальских писем» [14, с. 94–97].

Составление и отбор памятников в Мстере и Холуе, их сравнение с материалами И. Голышева, а также с румынскими и болгарскими данными может все-таки позволить, на наш взгляд, сделать несколько заключений. Наиболее типичным признаком «расхожих» икон мастерско-холуй-

Рис. 4. Св. Димитрий Солунский. Икона-«красиушка», XIX в. Мстарско-хълуйские мастерские. Происходит из Южной Болгарии. Национальная художественная галерея. Пловдив. НРБ.

ских мастерских середины XIX — начала XX в. являлись оранжевые или коричнево-красноватые поля с черной опушью. Этот тон получался после того, как по сурику покрывали поля баканом¹⁰. Зачастую черная опушь как бы оттенялась белильной линией, шедшей иногда от края доски на расстоянии $\frac{1}{3}$ ширины полей (рис. 3—5). Цветовой состав таких икон был ограничен: писались они в основном в три-четыре цвета. Фон, венцы и подкладки для нанесения растительного орнамента на одеждах делались из сусального серебра, которое после покрытия его отваром из крушины или просто покрытия иконы темным спиртовым лаком приобретало тон золота. Когда в русскую крестьянскую икону активно стало вторгаться орнаментально-декоративное начало, эти части иконы, как правило, «чеканились»

¹⁰ Отсюда, видимо, и попало название «красиушки».

Рис. 5. Воскресение Христово с двенадцатью праздниками. Икона-«краснушка», вторая половина XIX в. Мстэрско-х луйские мастерские. Собрание Института истории и археологии им. А. Д. Ксеноопола. Яссы, Румыния.

различными чеканами в виде кружков, звездочек, чешуек и т. п. (ср. [19, март, с. 201]), обретая тот или иной давленый орнамент или узоры (рис. 6—8).

Иконы, изображенные на рис. 3—8, представляют собой одни из очень распространенных типов «расхожих» «суздальских писем»¹¹. Памятники с теми же характерными признаками, находятся, например, в молдавском монастыре Агапия («Николай Чудотворец», инв. № 11 и др.), в экспозиции Православного музея Клужского епископата г. Клужа (икона Иоанна Крестителя, инв. № 14 и др.), церкви св. Димитрия в Сучаве («Троица Новозаветная»), в коллекции Института истории и археологии в Яссах («Богоматерь Ахтырская» и др.), наконец, в упоминавшихся русских старообрядческих церквях, а также во многих других румынских и болгарских собориях.

Хотя, по Голышеву, отмеченные выше признаки относятся к мстэрскому промыслу, тем не менее есть все основания полагать, что большин-

¹¹ Хотя может быть и не самый интересный, поскольку в данном случае нам важно показать именно «серийные», наиболее распространенные образцы, точно так же, как важно было обнаружить им аналоги в центрах их производства и в близлежащих областях.

Рис. 6. Положение во гроб. Икона-«краснушка», XIX в. Мстерско-холуйские мастерские. Национальная художественная галерея. Пловдив. НРБ.

ство «краснушек» писалось в Холуе¹². Отчасти это может подтверждаться тем, что выделявшаяся не раз наблюдателями второй половины XIX в. «белесоватость» ликов (т. е. лица очень светлого, почти белильного вожрения) холуйских «расхожих» икон очень часто встречается как раз на иконах

¹² Правда, на данной стадии исследования при атрибуции этого типа икон скорее можно говорить о «мстерско-холуйских мастерских». Е. Каменская в своем докладе отмечает всего лишь одну мастерскую фабрику А. О. Крестьянинова по производству «расхожих» икон в России, явно ошибочно предполагая, что «краснушки», хранящиеся в собрании Государственной Третьяковской галереи, происходят оттуда [47]. На самом деле мастерская Крестьянникова была, конечно, всего лишь одной из многих мстерско-холуйских мастерских конца XIX — начала XX в., тем более, что занималась она в основном производством одного типа «расхожих» икон — «подrizных» (т. е., на которых прописывалось только «доличное», сами же фигуры намечались черным контуром), довольно часто встречающихся в Москве и во Владимирской области.

Рис. 7. Николай Чудотворец. Икона-«краснушка», XIX в. Холуй. Музей холуйского искусства. Инв. № 410.

с выделенными нами чертами. Более того, дореволюционные исследователи констатировали, что в Холуе данного типа иконы были «выне по исполнению мастерских» [19, апрель, с. 734]. И это не случайно, поскольку именно Холуй обладал здесь по сравнению с Мстерой и Палехом несравнимо более глубокой традицией и навыком.

Самые разные источники указывают, что больше, чем где-либо еще в России, дешевые «расходные» иконы для народа писались в слободе Холуй. Сейчас сложно восстановить, как выглядели те иконы Холuya, о которых столь критически отзывался (наряду с палехской и шуйской иконописью) в начале XVII в. царский изограф Иосиф Владимиров [48], поскольку критерии последнего, надо полагать, были достаточно высокими. Можно только догадываться, что иконописание в эту слободу перешло еще в XVI в. из Троице-Сергиевой Лавры, вотчиной которой она являлась, и представляло собой провинциальный вариант продукции лаврских мастерских. Постепенному же развитию здесь промысла дешевых икон способствовало прежде всего то, что Холуй издавна оказался в центре оцен-

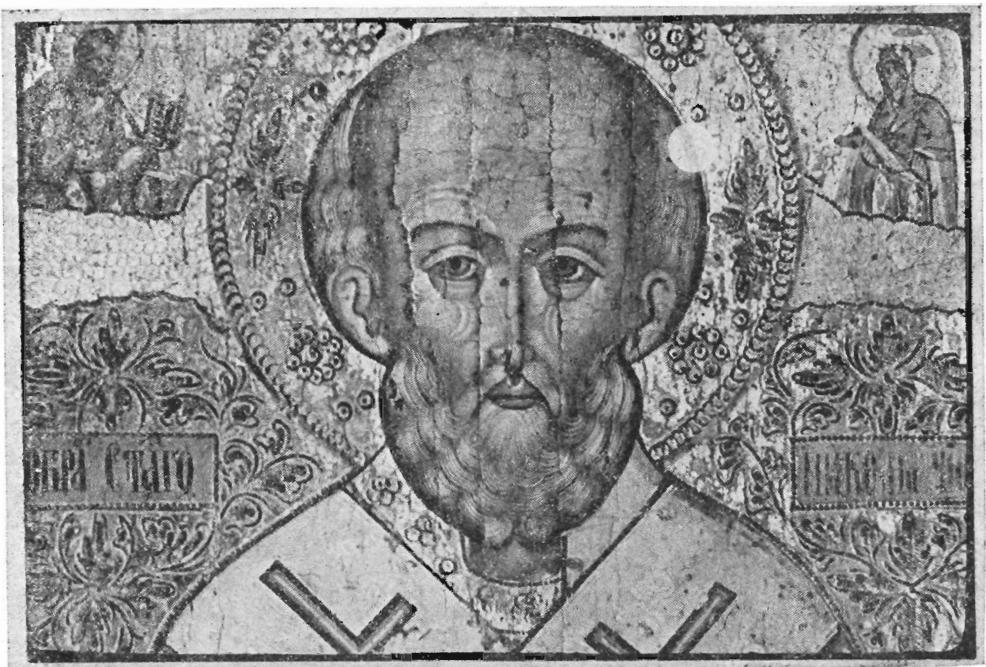

Рис. 8. Никола. Фрагмент. XIX в. Мстерско-холуйские мастерские. Церковь св. Николая из Шкей. Брашов, Румыния.

ских торговых операций, стал с ними связан если не раньше, чем, например, Палех или Шуя, то во всяком случае более тесно.

В расположенной на реке Тезе Холуйской слободе уже в самом начале XVII в. существовали две ярмарки — на Фролов день (18 августа) и на Введение Богородицы (21 ноября); позже появились Никольская (6 декабря) и Тихвинская (26 июня) [34, с. 21]. Об их масштабах и отнюдь не местном значении говорит то, что по торговым оборотам в XIX в. они непосредственно предшествовали всероссийской Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде [18, с. 284]. Главным же предметом торговли на них всегда были иконы [34, с. 21], тип, художественный уровень и цена которых уже в XVII в. начинали тесно соотноситься с тем колossalным российским и международным рынком, который открывался для их сбыта «хождениями» местных оfenей. Только одних оfenских поселений, окружавших Холуйскую слободу и жители которых «исстари занимались торговлей в разноску иконами и мелочным товаром осень, зиму и весну, а летом приходили домой» [34, с. 22–23] (о «летних» и «зимних» оfenях см. [31, с. 483]), в XIX в. насчитывалось около 150. Если к тому же учесть, что только одна Алексинская волость включала в XIX в. 4 села и до 50 деревень с числом жителей около 4200 душ, из которых, как свидетельствовала статистика, «большая часть в старину были оfenи» [34, с. 23], то можно представить отсюда масштабы производства и степень распространенности на территории России и Балкан «расхожих» холуйских икон.

В отличие от Палеха, население которого занималось еще и земледелием, а также Мстеры (в которой существовали и другие ремесла), в Холуе иконописание уже в XVII в. становится главным, а позже — единственным занятием его жителей. Упомянутый Анания Федоров писал в начале XVIII в. относительно Холуя, что «обыватели той слободы все иконописцы и ради своего художества по многим разным странам странствуют, та-ко-ж и из той слободы полномощные жители готовых святых икон отпускают многое число в дальние города» [3, с. 39].

В архивных материалах XVIII в. Сузdalской духовной консистории нам удалось обнаружить список иконописцев Холуйской слободы 1752 г., насчитывающий около 300 имен (хотя он может быть и неполным) [9,

л. 43—52; 55—58, 61—62]¹³. Примечательно, что во всех актах, касающихся контроля (вплоть до судебного разбирательства и пристрастных допросов иконописцев представителями духовных властей) над народной иконописью в Сузdalском уезде, чаще всего упоминается именно Холуй, дававший на рынок, видимо, уже тогда намного больше «расходных» икон, чем остальные селения. Документы о поимке оленей с «неискусно писанными» холуйскими образами в Оренбурге и Казани в 1751 г. [9, л. 1—2] были переданы в санкт-петербургский Святейший Синод, а оттуда сразу же попали в Сузdalскую духовную консисторию со строжайшими инструкциями ознакомления холуйских и «протчих ведомства своего иконоисцев» со специальным указом Петра I от 12 апреля 1722 г. о «блюдении правил» иконописания. Каждый из 300 холуйских иконописцев должен был собственноручно подписаться в том, что «буди писати святые иконы... самым добрым мастерством» [9, л. 1].

Какие иконы в середине XVIII в. с точки зрения духовных властей считались «неискусными», сегодня установить сложно, тем более, что большинство их переписывалось. Скорее всего, с неправильной иконографией. Ясно одно, что уже в то время Холуй являлся самым крупным в России и среди других православных стран центром серийного иконного производства, в котором существовали мастерские со специальной организацией труда. Тот же факт, что в Холуй еще в XVII в. посыпали учиться иконоисцему ремеслу из Мстера и Шуи [15, с. 27], не может не свидетельствовать о работе здесь и больших мастеров своего дела, которые писали иконы и высокого уровня. Во второй половине XIX в. крупнейшая местная мастерская А. П. Шахова [19, апрель, с. 734] выпускала, например, самые разные типы икон, в том числе, и тонкого письма, т. е. с тщательной моделировкой ликов, проработкой одежд золотым ассистом и т. п.

Мстера и особенно Палех исторически отличались, как известно, по своей основной специализации от Холуя. О тонкой палехской иконописи, расцвет которой относился к концу XVIII — началу XIX в., об изысканном языке палехских мастеров — Кориных, Талановых, Хохловых, Сафоновых, Балакиных и других — не раз упоминалось в литературе. Палехские иконы «мелочных писем» выполнялись, как правило, только по заказам, стоили в свое время достаточно дорого и ценились в самых привилегированных слоях. Не случайно поэтому, что такого рода памятники оказались в коллекции румынских королей [49, cat. 590, р. XII], и пути проникновения их на Балканы отнюдь не обязательно были оленскими. В экспозиции Галереи мирового искусства в Бухаресте находятся несколько образцов тонкой палехской иконописи [49, cat. № 585, 586, 588], относящихся к концу XVIII — первой половине XIX в.

К середине XIX в. в Палехе начинают появляться большие и средние мастерские, которые в Мстере и Холуе существовали задолго до этого времени. Самая крупная иконописная мастерская (в которой работало постоянно около 40 человек) принадлежала Н. М. Сафонову. Далее следовали мастерские братьев Белоусовых, Л. Парилова, М. Парилова, П. Г. Удалова, Н. И. Корина, Коровайкова, Першина, Л. Салаутина, Соколова и др.

В отличие от большинства холуйских и мстерских мастерских, мастерские Палеха работали в основном на заказ (о чем, в частности, свидетельствуют архивы сафоновской мастерской) [11, д. 25—28], реже просто на рынок, и во второй половине XIX — начале XX вв. выпускали иконы самых разных стилей. Особенно много писалось в Палехе «фряжских» икон, вошедших в Россию в моду именно в то время (рис. 9).

Русские «фряжские» иконы также нередко встречаются на Балканах. В церкви св. Элевтерия в Бухаресте находится выполненная во «фряжском» стиле икона Казанской Богоматери, изысканный рисунок, светлые и очень мягкие с особой поддумянкой лики которой позволяют с определенной осторожностью отнести ее к Белоусовской мастерской, издавна считав-

¹³ По данным М. Хадзидакиса [45, р. 15] в Греции на протяжении всего XVIII в. работало около 350 иконописцев.

Рис. 9. Иоанн Богослов. Палех. Сафонов И. П., Нефедов М. И. Начало ХХ в.
ГМПИ. Инв. № 482.

шейся в Палехе лучшей во «фрязском деле» (подробнее об этом см. [50]). Икона явно была заказана в России специально, поскольку на ней стоит монограмма Богоматери не с греческого «М. Р.», «Θ. У.», а «М.» «Д» (притом, можно предположить, не с итальянского «Mia Donna», а с румынского «Maica Domnului»).

Намного меньше известно о палехских «расхожих» иконах. Прямое свидетельство о том, что не только в Мстере и Холуе, но и в Палехе производились дешевые иконы для народа, нам удалось обнаружить пока только у В. Георгиевского, который на основании личных наблюдений отмечал в начале XX в., что «в Палехе немало тысяч производится на продажу таких же „расхожих“ икон и с такою же быстротой исполнения, и такого же достоинства, как в Холуе и Мстере» [19, март, с. 742]. По всей вероятности, такие иконы выпускались в Палехе более мелкими или менее известными мастерскими, специально работавшими на оферский рынок. Но как эти иконы выглядели?

Одна характерная стилистическая черта палехских икон позволяет сделать в этом вопросе осторожное, но достаточно убедительное, на наш взгляд, предположение. Дело в том, что распространенный на некоторых бесспорно палехских иконах орнамент по черной или бордовой лузге (причем, вариации которого могут быть самые различные: жгуто- или волнистообразный орнамент и т. п.) [11, инв. № 463], встречается и на «сузdalских» «расхожих» иконах. Так, волнистообразный орнамент по черной

Рис. 10. Распятие, Богоматерь Казанская, Николай Чудотворец, Константин и Елена, Георгий Победоносец. XIX в. Палех (?). Москва, частное собрание. Происходит из Калининской области.

луге на «четвертной» с Распятием иконе на рис. 10 точь в точь повторяется на палехской тонкого письма иконе «Иконостас» первой половины XIX в. из Галереи мирового искусства в Бухаресте [49, cat. № 588, ill., p. 29]. Аналогичный волнистообразный орнамент имеет и «суздальская» «расхожая» икона XIX в. «Воскресение Христово, с двадцатью праздниками» («десятерик-полница»), находящаяся в экспозиции женского монастыря Агапия (инв. № 709)¹⁴, а также почти идентичная ей упоминавшаяся выше «краснушка» из Иерусалима, находящаяся в фондах Национальной художественной галереи в Софии (рис. 11). Несколько иной орнаментальный мотив по той же черной лузге и на иконе «Богоматерь Взыскание Погибших» (рис. 12). При всем том надо отметить, что ни для холуйских, ни для мастерских икон самых разных типов **этот мотив** не характерен.

Мастера издавна славилась своими «подстаринными» иконами, в которых она, начиная где-то с XVIII в., последовательно развивала стилистику и иконографию древнерусских иконописных школ — новгородской, московской, строгановской и т. д. Подмечено одним югославским исследователем восприятие поздней сербской иконописью «некоторых черт стилизации русских икон» [51] шло, надо полагать, именно от искусства мастерских «старинников» — известных во всей России мастеров «подстаринной»

¹⁴ Кстати, ошибочно датированная XVII в.

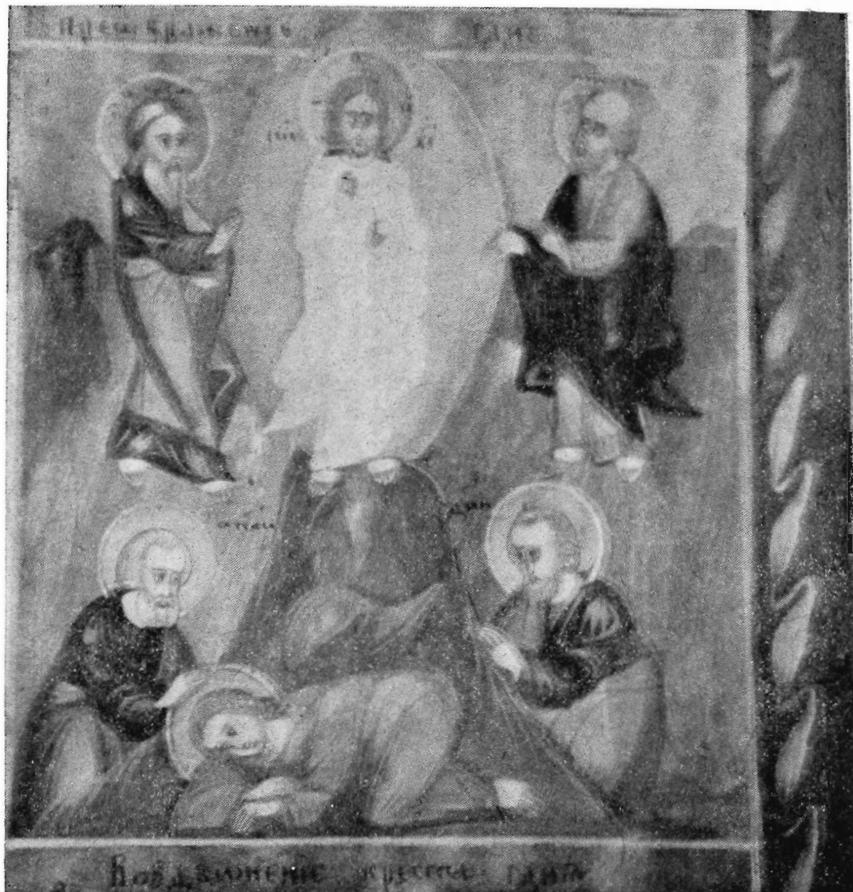

Рис. 11. Пресоображеніе. Фрагмент иконы-«краснушки». Воскресеніе Христово с двенадцатью прадниками. XIX в. Палех (?). Национальная художественная галерея (Крилта). София. И.в. № 836.

стилизаторской иконы, которая представляла собой совершенно особый род занятий в русском иконном деле¹⁵. Нередко это стилизаторство переходило в искусственную подделку старинных образов со всеми многочисленными приемами старения живописи, в чем мастерские мастера являлись величайшими специалистами, безуокоризненное чувство стиля и знатокеские способности которых пользовались в свое время широкой и заслуженной известностью.

Эта специфика мастерского иконного дела определялась прежде всего составлявшим уже в середине XIX в. половину населения Мастеры старообрядчеством, которое имело самые широкие связи с разного рода раскольническими сектами не только на всей территории России, но и на Балканах. У каждой из них были свои стилистические запросы. Север требовал стиля «под Новгород» и «поморские письма», старообрядческое население Сибири, Дона, Кубани и Урала предпочитало иконы «московской школы». Это была колонизационная волна Москвы, заносившая далеко на окраины ее культуру. Старообрядческое купечество Центральной России ценило орнаментальность и „мелочь“ строгановских писем» [53]. Писались такого рода иконы только в мастерских «старинщиков», работавших в основном по заказам и значительно реже на рынок.

¹⁵ Здесь надо отметить, что стилизаторство старых иконописных традиций существовало также на Афоне. На Далматинском же побережье одним из важных его центров была, например, Бока Которская, где в городках на берегу залива Адриатического моря вплоть до XIX в. существовала школа иконописцев-традиционалистов, происходивших из одной семьи Дмитриевичей-Рафаиловичей [52].

Рис. 12. Богоматерь Взыскание Погибших. Икона-«красинушка». Фрагмент. XIX в. Палех (?). Церковь св. Николая из Шкей. Брашов, Румыния.

В XIX в. в Мстере были известны такие мастерские «старинщиков», как Мумрикова, Цепкова, Шитова, Суслова, Бороздина, Брагина, Захарова, Купчихина и др. [3, с. 43]. Тесно связанная с оfenской торговлей продукция различных мастерских мастерских (в том числе и «старинщиков») могла попадать отнюдь не только в балканские старообрядческие поселения, но и другие места на Балканах. Помимо дешевых «расхожих» икон офени, конечно, брали и «подстаринные» образа, выпускавшиеся на рынок. Одним из довольно многочисленных примеров может служить по всем признакам мастерская икона XIX в. «Никола» из собрания Православного музея Клужского епископата (рис. 13). По свидетельству сотрудников музея, икона попала в Трансильванию уже в 30-е годы нашего столетия из Буковины.

Рис. 13. Никола. XIX в. Мстера. Православный музей Клужской епархии. Клуж-Напока, Румыния.

Рис. 14. Мстерский иконописец-«старинщик». Фотография конца XIX — начала XX в. ВСМЗ, В — 10342.

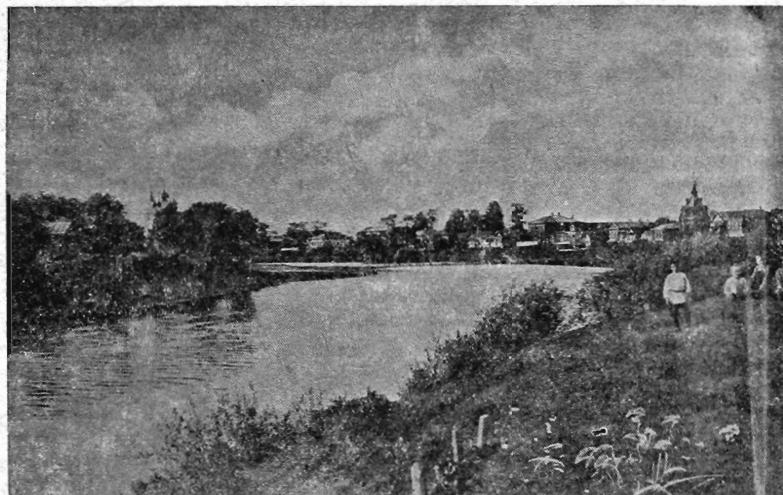

Рис. 15. Село Холуй за реке Тезе. Фотография начала XX в.

Что же касается производства «расхожих» икон в Мстере, то во второй половине XIX в. все большее место в этом производстве начинает занимать выпуск «подризных», а также «подфолежных» икон (так называемых «белгородских» и «курских»), которые часто специально писались со светотеневой моделировкой лицов и шили через оfenь в основном в юго-западные губернии России [23, 1881, № 8], а также на Балканы. В 1879 г. в Мстере было выпущено около 1 млн 200 тыс. разных типов икон, немалая доля которых, надо полагать, принадлежала именно «подризным» и «подфолежным» [23, 1881, № 8]. Интересно, что по свидетельству «Владимирских губернских ведомостей» в Мстере в то время работало много холуйских иконописцев [23, 1881, № 8], и скорее всего в мастерских «расхожей» иконы. Это лишний раз подтверждает, насколько тесно могла переплетаться стилистика мстерских и холуйских мастеров, народные иконы которых еще и сегодня рассеяны по всей России и многим балканским странам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grabar A. L'expansion de la peinture russe aux XVI—et XVII siècles.— Annales de l'institut Kondakov. Beograd, 1940, № 11, p. 65—92.
2. Рогов А. И. Связи Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI—XVII веках.— Советское славяноведение, 1976, № 3.
3. Ушаков Н. Н. Исторические сведения об иконописании и иконописцах Владимирской губернии. Владимир, 1906.
4. Голынец Г. К истории уральской иконописи XVIII—XIX веков: Невьянская школа.— Искусство, 1987. № 12.
5. Велижанина Н. Г. Новые документы о регламентации иконописания в Западной Сибири (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.).— В кн.: Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986.
6. Тарасов О. Ю. Некоторые аспекты сравнительного изучения религиозной народной живописи России, Дунайских княжеств и Трансильвании XVII—XIX вв.— Советское славяноведение, 1989, № 2.
7. Побединская А. Г., Уханова Н. Н. Произведения мстерских художников М. И. Дицарева и О. С. Чиркова в собрании Эрмитажа.— В кн.: Культура и искусство России XIX в. Л., 1985.
8. Stuart J. Icons. London, 1975.
9. Государственный архив Владимирской области, ф. 560, оп. 1, е. х. 108. Владимир.
10. Архив Владимиро-Сузdalского музея-заповедника. Владимир.
11. Архив Государственного музея палехского искусства. Пос. Палех.
12. Архив Музея холуйского искусства. Пос. Холуй.
13. Голышев И. Сузdalская иконопись. Начало и переход ее в народную промышленность во Владимирском крае.— Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1875, вып. 1.
14. Голышев И. Богоявленская слобода Мстера. Владимир, 1865.
15. Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы д'я статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857.

16. Кондаков Н. П. Современное положение русской народной иконописи. СПб., 1901.
17. Максимов С. В. В дороге. (Из путевых записок.) — Отечественные записки. Т. 131, 1860, август.
18. Безобразов В. П. Из путевых записок. — Русский вестник. Т. 34, 1864.
19. Илларионов В. Иконоисцы «сузальцы» (Поездка в сс. Мстери, Холуй и Палех). — Русское обозрение, 1895.
20. Пругавин А. Книгоноши и офени. (Встречи, наблюдения и исследования.) — Северный вестник, 1893.
21. Боголюбский С. К. Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв. — Славянский сборник. М., 1947, с. 243—244.
22. Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. 4. Вязниковский уезд. Вып. 3. Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1903.
23. Владимирские губернские ведомости. Владимир.
24. Кустарные промыслы. Текущая статистика за 1895—1896. СПб., 1897, с. 168.
25. Известия высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1902, вып. 2.
26. Даля В. Й. О наречиях русского языка. СПб., 1852, с. 58—59.
27. Введенский С. В. Откуда произошло имя «оффеней»? (Реферат.) Владимир, 1908, с. 6.
28. Голышев И. Отправка офеней в дорогу для торговой промышленности и некоторые обычаи при этом случае. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 4. Владимир, 1883, с. 9—14.
29. Голышев И. Проводы офеней в дорогу из дома для торговли и разговоров их на своем искусственном языке. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 3. Владимир, 1880, с. 227—232.
30. Мельников П. И. (Андрей Печерский). На горах. (Книга первая.) М., 1986, с. 417.
31. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. Т. 44.
32. Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX в. М., 1986, с. 290, сноска № 69.
33. Статистические труды И. Ф. Шту肯берга. Т. 1. СПб., 1858.
34. Лядов И. М. Развитие и упадок холуйских ярмарок в Вязниковском уезде. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 1, вып. 2. Владимир, 1876.
35. Mihailovici P. Legături culturale — bisericesti dintre români și ruși în secolul XV—XX. Chișinău, 1932.
36. Ivan I., Porcescu S. Mănăstirea Neamț. Jași, 1981, p. 178.
37. Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Т. 2. СПб., 1910, с. 277—280, 320—321.
38. Meteș St. Zugravii bisericilor române. — Anuarul comisiunii monumentelor istorice. Secția pentru Transilvania. 1926—1928, Cluj, 1929, p. 144, 148—150.
39. Porcescu S. Episcopia românului. București, 1984, p. 212.
40. Sabados M. Ursul — un zugrav moldovean de la începutul secolului al XVIII-lea. — Studii și cercetări de istoria artei, seria «Artă plastică», t. 34. București, 1987, p. 15—27.
41. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1981.
42. Melchisedek. Lipovenismul. București, 1871, p. 99—100.
43. Moisil C. Așezările lipovenilor și rușilor din Dobrogea. — Archiva Dobrogei, 1920, vol. 3, № 1, p. 1—5.
44. Мельников П. И. Старообрядческие архиереи. — Русский вестник. Т. 44. 1863, вкладыш.
45. Chatzidakis M. Consideration sur la peinture postbyzantine en Grèce. — Communauté et diversité de l'art des pays balkaniques (XVIIs — début du XVIIIIs). 1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes, Sofia, 1966.
46. Труды Владимирской ученой комиссии. Кн. 2. Владимир, 1900, с. 62—63.
47. Каменская Е. Ф. Иконы «краснушки». — В кн.: Вопросы русского и советского искусства. Материалы научных конференций 1972—1973. Вып. 3. М., 1974, с. 74, 78.
48. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве. — В кн.: Древнерусское искусство XVII в. М., 1964, с. 33.
49. Teodosiu A. Catalogue de la Galerie d'art universel. T. V. La peinture russe et soviétique. Bucarest, 1977.
50. Тарасов О. Ю. Иконописные мастерские Палеха XIX — начала XX в. (в рукописи).
51. Вейцман К., Хадзидакис М., К. Мильтев, Радойчич С. Иконы на Балканах. София — Белград, 1967, с. 71.
52. Алешина Л. С., Яворская Н. В. Искусство Югославии. очерки. М., 1966, с. 52.
53. Бакушинский А. В., Василенко В. М. Искусство Мстери. М.— Л., 1934.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Предлагаемые здесь этимологические заметки распадаются на две части — русские и украинские этимологии. В первой части рассматриваются новые объяснения русских диалектных слов, пока не попавших в поле зрения исследователей или получивших недостаточно точное, на наш взгляд, объяснение. При этом само понятие «диалектная лексика» трактуется нами достаточно широко и включает не только территориальные, но и иные (например, профессиональные) диалекты. Вторая часть настоящих заметок возникла как результат внимательного и критического чтения нового «Этимологического словаря украинского языка» и представляет собой *addenda* к первым двум его томам; наши украинские этимологии также, в основном, относятся к диалектной лексике.

1. Русские этимологии

Бадора ‘сильный ветер, буря, штурм’ (пск. [1, с. 40]). Трудно рассматривать это слово изолированно от данных, приводимых (с некоторым сомнением) как континуанты слав. **badoriti* или **baduriti*: чеш. *baduriti* ‘обманывать’, слвц. *badúrit* ‘подталкивать, подзадоривать’, н.-луж. *badoriš* ‘болтать’, польск. *badurzyć* ‘болтать небылицы’ [2, с. 122]. Сравнение с *бадора* позволяет усмотреть в приведенном глаголе отмыненное образование и из двух альтернативных реконструкций предпочтеть вариант **badora*. Последний уже был верно соотнесен с **badati* ‘толкать, колоть’. Перед нами, следовательно, знаменательная северорусско-западнославянская изоглосса праславянской древности.

Бадра ‘карга, страшилище’ (костром., арх. [1, с. 40]). Видимо, находится вне всякой связи с предыдущим. Семантика слова заставляет предполагать в *бадра* экспрессивное префиксальное образование **ba-dъga*, соотносительное с **dъgrati*. О функции и возможной этимологии префикса **ba* см. [2, с. 167].

Гулый ‘безрогий (о скоте); имеющий физические недостатки (о человеке, животном)’ (дон. [3]). Прилагательное, соотносительное со слав. **gula* ‘шишка’, рус. *гуля* то же. С семантической точки зрения образование формы *гулый* совершенно аналогично предполагаемому развитию значения у **komolъ(j)* ‘безрогий’ (производное от **komъ*), см. [4, с. 304; 5]. Со словообразовательной точки зрения, наличие прилагательного *гулый* позволяет рассматривать слав. **gula* как субстантивированное прилагательное *ж. р.* В таком случае для праславянского следовало бы реконструировать именно прилагательное **gulъ*, *ж. р.* **gula*.

Орёл Владимир Эммануилович — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Жог, жох ‘в игре в бабки, в козны, когда конаясь подкидывают бабку; положенье ее ничком, спинкою вверх’, **жех, жох** ‘край, кромка, ребро, грань’ [6, с. 536, 546]. Сюда же, несмотря на сомнения Фасмера [4, с. 62], относится наречие **жогом** ‘о человеке, который лежит на животе’. Ср. также подробный комментарий Даля [6, с. 536—537]: «В бабочной игре, конаясь, мечут бабку, козну: положенье хребтиком вверх, жех ... Стать жехом, ребром, поперек, твердо упереться, противясь чему». Этимология этого трудного слова должна быть поставлена в связь с тем обстоятельством, что исходно оно, видимо, представляет собой термин игры в бабки (иные значения слова, вероятно, вторичны). Терминология игры в бабки прямо перекликается с исследованной нами терминологией игры в горелки [7] и, судя по всему, производна относительно последней. Оба типа игр объединяются не только ключевым словом (**бабка, матка**) и понятием **кона**, но и противопоставлением понятия **сало** (т. е. кон, место, где должен находиться играющий, место попадания бабки, одна из сторон бабки) термину **гореть, жечь** (в горелках — осаливать одного из играющих, в бабках — бросать бабку определенным образом). Следовательно, варианты **жох, жех, жог** можно рассматривать как вероятные производные **жечь**. Тем самым **жох** не омонимично, а этимологически тождественно лексеме **жох** ‘мужик, жулик, плут’, которая уже давно связывается с **жечь**, см. [8; 4, с. 62].

Звенка ‘стекло’ (в окне) (новосиб.), **звено** то же (пск., твер. и др.), **зенка** то же (волог.) [9]. В конечном счете тождественно слову **зенка** ‘глаз’, **зеница** ‘зрачок’, (аналогично соотношению **окно** — **око**). Формы с **-в-**, очевидно, образованы под влиянием глагола **звенеть**.

Лаверж ‘короткая мужская стрижка; коротко постриженные волосы у мужчин’ (твер., влад.), **лавержа** то же (курск.), **лавержа** ‘волосы на передней части головы’ (твер., влад.) [10, с. 220]. Ударение на первом слоге придает этому слову обманчивый облик исконного славянского элемента. Между тем, это заимствование и очень позднее: его источник — многозначное франц. *la verge*, служившее в XIX в. названием короткой мужской стрижки. Это подтверждается и вариантом **лавержет** (курск.), продолжающим франц. *la vergette* то же.

Лакудра ‘неряшливая женщина, растрепа, негодяйка’ (тамбов., курск.), **лахудра** ‘изношенное, рваное платье; оборванец, оборванка, нищий, нищая; болезненный, слабый, изможденный человек’ (тул., волог., яросл.) [10, с. 251, 297]. Надежное объяснение отсутствует, в частности, вряд ли приемлемо толкование как сложения **лахон** и **кудри** [4, с. 468]. Более правдоподобно видеть здесь образование с экспрессивным префиксом **ла-**; корневая часть, действительно, должна быть сближена с **кудри**. В таком случае формы с **-х-** могут быть объяснены народно-этимологическим сближением этого слова с **худой**.

Масло ‘место, очерченное для игры; место, где стоят городки; лунка при игре в рюхи’ (пск., новг. и др. [11, с. 14]). Ввиду представленного здесь круга значений едва ли связано с омонимичным **масло** ‘oleum’. В пользу этой связи не может свидетельствовать мнимый параллелизм **сало** ‘животный жир’ — **сало** ‘место конания в играх’, о котором см. [7]. Возможно, рассматриваемое здесь слово представляет собой архаический и в семантическом, и в словообразовательном плане локализм ***ma-slo**, соотносительный с тематизированным слав. ***majati** ‘махать, колебать, трясти’. На более раннем уровне ожидалось бы ***mati**, ср. лит. **moti** ‘махать’. Связь редкого ***maslo** с ***majati** удостоверяется наличием **маять** ‘водить (в игре)’ (ряз., моск., тул. [11, с. 61]). Словообразовательная специфика формы ***maslo** (без следов тематизации) подтверждает мысль о ее праславянской древности.

Моны ‘волосы’ (костром. [11, с. 253]). Темное слово без очевидных словообразовательных связей. Мы не исключаем того, что за формой **моны** кроется глубокий праславянский архаизм: предположительно, слав. ***mona**, связанное с индоевропейским названием шеи, гривы (др.-инд. **mánuā** ‘затылок, мышцы шеи’, др.-в.-нем. **thapa** ‘грива’ и т. д.). В таком случае семантическое развитие слав. ***mona** мало чем отличается от эво-

люции значений слав. *griva (= др.-инд. grīvā ‘задняя часть шеи, затылок’), ср. в этом плане рус. *грива*. До настоящего времени основа *mon- была известна в славянском только в связанным виде — в производном *monisto ‘ожерелье’, см. [4, с. 650].

Мони ‘деньги’ (арх., олон. [11, с. 253]). Значение и ареал распространения слова, фиксация которого относится к началу XIX в., указывают на сравнительно позднее культурное заимствование, связанное с торговлей. Для архангельских и олонецких говоров характерно довольно значительное число верхне- и нижненемецких и английских заимствований в культурной лексике (ср., например, букв ‘долбленая кадка’ из ср.-нем. или ср.-англ. būk и под.). Таким образом, не исключено, что *мони* представляет собой заимствование из ср.-англ. money, monei, mone ‘деньги’ или скорее из раннего н.-англ. monēy то же. Любопытно, что англ. money было вторично заимствовано в русский молодежный жаргон середины XX в. в той же форме — *мони*.

Мусьво ‘мужские половые органы’ (арх. [11, с. 367]). С этимологической точки зрения это достаточно прозрачное производное от *mōdo. Однако стертость морфемных границ при наличии производящей основы в архангельских говорах позволяет предполагать, что *мусьво* является продолжением старого (предславянского?) образования *mōdystvo.

Нахальву ‘за чужой счет, задаром, на дармовщину’ (пенз., костром. [12, с. 255]). Непосредственно связано с *халыва* ‘неряха, растрата, неопрятный; вялый, сонный, ленивый и дрянистый; непотребная женщина’; *халывый* ‘неопрятный, необходный; вялый, хилый, безжизненный’ [13, с. 541—542]. Вопреки Фасмеру [14, с. 220] не преобразовано из *холера*, но родственно *хал* ‘вещь, купленная за самую низкую цену’ [15] и соотносится далее со слав. *xalъ [16, с. 12—13]. Сама форма *халыва* является субстантивированным прилагательным ж. р. (ср. *халывый*) и имеет особые южнославянские соответствия — с.-хорв. *халав* ‘нечистоплотный, грязный’, болг. *халават* ‘слабый, просторный’. Следует, таким образом, восстанавливать как отдельную предславянскую лексему *xalaвъ, с экспрессивным смягчением -l’- в рус. *халывый*. Ввиду сказанного можно предположить вторичность значений рус., лит. *нахал* относительно таких диалектных употреблений, как *нахал* ‘незваные гости’ и особенно — *нахал делать* ‘вести себя нагло, нахальничать’, см. [12, с. 254—255]. Последние как будто ясно указывают на сочетание с предлогом *на *хал* (ср. выше — *хал*) как исходное; слово *нахал* в этом случае — результат позднейшей субстантивации.

Нахараться ‘надоест’ (пск. [12, с. 256]). Это слово без очевидных связей предполагает наличие глагола *харать с вероятным значением ‘приставать, не оставлять в покое, беспокоить, тревожить’. Рус. *харать должно быть отнесено к слав. *xarati, представленному, в основном, в южнославянском (болг. диал. *харам* ‘бродить, блуждать, тревожить’, с.-хорв. *đrati* ‘грабить’, словен. *háratī* ‘колотить’), см. [16, с. 20].

Нахинуть ‘нагнуть, наклонить’ (смол. [12, с. 259]). Тот же глагол чаще представлен в возвратной форме: *нахинуться* ‘нагнуться, наклониться’ (орл., смол. и др. [12, с. 259]). Очевидна связь с рус. *хиба* ‘то, что колеблется’, укр. *хібати* ‘колебать, шатать’ и принадлежность *нахинуть* к гнезду слав. *хубнти. Вместе с тем, *нахинуть* продолжает особое слав. *хубнти, которое ранее было известно лишь в западнославянском и в укр. *хібнути* ‘покачнуть, наклонить’ см. [16, с. 155].

Нахортыши ‘лягушечья икра’ (костром. [12, с. 271]). По всей видимости, суффиксальное образование (с поздней диссимиляцией) от костром. *хоркать* ‘метать икру (о лягушке)’, родственного рус. *харкать* (*хъркти).

Наясомо ‘перед сном, на сон грядущий’ (яросл. [12, с. 309]). Загадочное слово, которое вряд ли верно объясняется как какографическую передачу *налегомо* [12, с. 309]. Внутренняя форма представляется в данном случае полностью утраченной, что, видимо, повлекло за собой нестандартные фонетические преобразования. Первоначальный облик слова, быть может, подсказывает его толкованием — ‘на сон (грядущий)’.

Нельзя ли в качестве исходной формы предполагать *наясон? В таком случае перед нами предложное сочетание, включающее в себя исключительную со словообразовательной точки зрения форму праславянской древности *е-съпъ ‘имеющий сон’, тождественную по структуре хорошо засвидетельствованым рус. *неявер* ‘неверующий’, др.-рус. *неявѣръ* (*п-е-вегъ), рус. *неясыть* ‘пеликан’, др.-рус. *неясыть* (*п-е-с-утъ).

Пика ‘лицо, передняя часть головы; рожа, морда, рыло человечье’ (орл. и ворон. [17, с. 110]), ‘кончик носа’ [18, с. 12]. На это слово как реально существующую диалектную лексему здесь целесообразно указать в связи с тем, что, предлагая этимологическое истолкование русского фразеологизма *в пику* ‘наперекор, назло’ (< *‘в лицо, в морду’), О. Н. Трубачев [19] опирался лишь на реконструкцию рус. *пика* ‘лицо’ и наличие слова *пика* ‘морда’ в украинском. Незаимствованный характер южнорус. *пика* (которое, вообще говоря, могло бы быть украинизмом) вытекает из наличия родственного арх. *пиквица, пиковица* ‘нос или кончик его’ [17, с. 110]. Само же выражение *в пику* в его буквальном значении засвидетельствовано в донских говорах: *Ветир халодный, дутье прямо ф-пику, абмэрс весь* [18, с. 12].

Поматросить. Это интересное слово известно нам только в составе устойчивого сочетания *поматросил и бросил* (как, например, в «Республике Шкид»). Из этого же сочетания устанавливается и предположительное значение *матросить* ‘ухаживать (за женщиной)’, и принадлежность этого слова городскому просторечию. Форма *поматросить* не имеет никакого отношения к слову *матрос*, которое, правда, могло опосредованно воздействовать на его семантику. *Поматросить* прямо связано с широко распространенным в русских говорах глаголом *мотросить, матросить, мотрошить*, который известен, в частности, в значениях ‘быстро бегать, трясти, суетиться’ [11, с. 304], ср. еще *мотросно* ‘противно, тошно’, *мотросный* ‘стыдливый, застенчивый’, *мотроха* ‘о назойливой женщине’ [11, с. 304]. Для *поматросить*, следовательно, можно предполагать развитие значения ‘суетиться, приставать’, ‘ухаживать’. К сожалению, это слово очень плохо документировано; допустимо, однако, предполагать, что оно проникло в язык города из говоров в первые послереволюционные годы. Об этимологии диалектных форм см. [20].

Саранда ‘вино’ (углич.). Это оленеское слово Фасмер [21] с большими сомнениями связывал с греч. *σάραντα* ‘сорок’, однако это сопоставление приходится отклонить по очевидным семантическим причинам. Географическая принадлежность лексемы *саранда* позволяет, как кажется, искаль иное решение. Для севернорусской областной лексики исход на -анда обычно является признаком того, что перед нами — карельское заимствование, см. [22]. Вероятно, *саранда* следует рассматривать как продолжение карельск. *tšorišša* ‘ журчать’, к которому восходит также олонецк. *чорандать* то же, см. [14, с. 373; 23].

Хараборья ‘мохры, края обитой одежды’ (кур. [13, с. 542]). Уникальное восточнославянское соответствие группе западнославянских слов (чеш. диал. *charabél'* ‘старое дерево, дряхлый человек’, *charabéli* ‘хворост’, *charabura* ‘слабый, болезненный человек’, словин. *xarobura* ‘плохой хлеб вперемешку с сорной травой’), для которой с известной долей условности предложена праславянская реконструкция *хагобу́льје/*хагобу́рга [16, с. 20]. При этом высказано предположение, что вариант *хагобу́рга представляет собой экспрессивное преобразование формы *хагобу́льје [16, с. 20]. Между тем, форма *хараборья* как будто бы этому противоречит. Возможно, она вместе со словин. *xagabura* продолжает какой-то другой композит, например, *хаго-въгъје (со второй частью, соотносительной со слав. *въгъ ‘просо, ячмень’).

Харда. Это слово известно нам только как гапакс (однократно употреблено М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Пошехонской старине»). Его значение, устанавливаемое по контексту: ‘плохо одетая, стареющая женщина’. Если *харда* не представляет собой окказионального преобразования слова *халда*, оно может рассматриваться как старое производное от слав. *хагъје (ср., в частности, болг. *старо-харо* ‘старом, дряхлом чело-

веке', чеш. *charý* 'ветхий, потрепанный' и под.). Более точно, *харда* следует понимать как отражение слав. *хагъда, представляющего собой отглагольное имя, соотносительное с *харати/*харити (ср. выше в связи с *нахараться*).

Харизна 'помочь и угощенье, для минки льну' (влад. [13, с. 543]). Фасмер не вполне уверен в предположении о заимствовании из греч. χάρισμα 'подарок, дар' [14, с. 224]. Эта этимология возможна, но допускает и поиск иных объяснений. Нельзя исключить, что *харизна* представляет собой производное от глагола *хагати/*харити (см. выше), ср. особенно словен. *háratí* 'колотить'. В таком случае вероятной делается реконструкция праславянского локализма *харизна с гипотетическим значением 'трепка (льна)'.

Хараузить 'копаться работая, шиплять' (влад. [13, с. 543]). Этимологически прозрачное сложение *хоро-о²зити, праславянский статус которого удостоверяется соотносительным с ним прилагательным *харузый* 'слабый, худенький' — согласно [16, с. 80], из *хого-о²зыль.

Харя 'дурное, отвратительное лицо, рожа ... тварь; маска, личина', 'ряженый' [13, с. 543]. Сюда же относится *харий* 'урод', *харюк* 'угрюмый' [14, с. 225]. Вряд ли приемлемо предположение Фасмера [14, с. 225], видевшего в этом слове сокращенную форму личного имени *Харитон*. По мнению О. Н. Трубачева [24], *харя* — из *ухаря* '(ушастая) маска' (последняя форма засвидетельствована в сочинениях протопопа Аввакума). На наш взгляд, однако, эта оригинальная этимология не объясняет всего спектра названных выше значений. Не может ли само *ухаря* быть народно-этимологическим преобразованием формы *харя*, утратившей явные словообразовательные связи? В таком случае *харя*, *харий* можно рассматривать как формы прилагательного, родственного слав. *хагъиль (в плане семантики ср. особенно чеш. *charý* 'мрачный, ветхий, потрепанный, скверный').

Хива 'ржаная мякина' [25], 'сброд' [26] вряд ли может пониматься как прибалтийско-финское заимствование. Скорее это старое образование *хува от слав. *хити 'резать', реконструкцию которого см. [27], ср. словин. *хава* 'сухая ветка' из слав. *хава [16, с. 23].

Хутить 'хоронить, погребать' [13, с. 569]. Вовпреки Фасмеру [14, с. 286], едва ли связано с *ховать*. Целесообразнее усматривать в *хутить* (из *хутити) оригинальный морфонологический вариант более широко представленного *хутати/*хутити, ср. особенно ст.-рус. *хитить* '?покрывать, накрывать', рус. *хитить* 'убирать, приводить в порядок' и под. (цит. по: [16, с. 161]).

2. Украинские этимологии

Бавда 'несколько стручков фасоли; кучка'. Сопоставление с чеш. *balvan* 'труда камней' [28; 29, с. 107] невероятно прежде всего ввиду происхождения чешского слова, см., например, [30]. На наш взгляд, в слове *бавда* можно видеть старое *ба²вьда, архаичное одновременно в двух отношениях — словообразовательном и семантическом. В плане деривации *бавда* оказывается в этом случае производным от *ба²вити, причем суффиксальное оформление явственно свидетельствует в пользу древнего образования. Что касается значения *бавда*, оно опирается на те семантические компоненты, которые хорошо представлены в рус. *до-бавить*, *при-бавить*, но, в сущности, утрачены соответствующим бесприставочным глаголом; идея роста, увеличения, прибавления как стержень значения хорошо подтверждается и этимологией глагола *ба²вити как каузатива к *быти, см. [2, с. 169—170]. Таким образом, *ба²вьда сохраняет первоначальное значение *ба²вити: 'увеличиваться, расти, накапливаться' и т. д.

Балуш 'коза с пегой шерстью около рта'. Объяснение из рум. *bale* 'слина, пена (на губах)' [29, с. 129] совершенно искусственно. На самом деле, *балуш* представляет собой заимствование из рум. *băloş(ă)* (ср. алб. *balosh* 'коњ с белой звездочкой на лбу'), **băluşă* (ср. алб. *balushë* 'сол-

нечный зайчик'). Названные лексемы и их варианты в пастушеском быту обозначают животных с белыми пятнами на теле (о происхождении их см. [31]).

Банити 'полоскаться (о парусе)'. В [29, с. 134] квалифицируется как неясное. Редкий и, возможно, древний словообразовательный вариант слав. *baјati/*baјiti (в.-луж. bać so 'незаметно гореть, тлеть', н.-луж. bajaš se 'тлеть, мерцать'), далее — к и.-е. *bhā- 'светить, виднеться'. Форма *банити* может быть вторичным преобразованием *baјiti, но не исключено, что она отражает и самостоятельное *baniti, которое в таком случае разительно напоминает греч. φάιω 'показывать'. Так или иначе, терминологическое значение *банити* следует, разумеется, считать весьма поздним продуктом семантической эволюции.

Боротати 'очищать от шелухи, тормошить'. Скорее всего, ввиду варианта *оборотати* то же [29, с. 234], результат переразложения глагола, производного от *ob-vortъ, ср. рус. *оборот*.

Деригуз 'оборванец'. Правильно понимается как сложение *деригуз* [29, с. 40]. Полное соответствие в украинском имеет с.-хорв. дёригӯз 'поле, поросшее колючей травой'; исключительно на основании последнего в [32, с. 207] восстанавливается слав. *derigōzъ, которое теперь находит подтверждение и в южнославянском материале.

Джиковас 'тарь из трубки или чубука' ([29, с. 52]: «неясно»). Как известно, при курении трубки часть вредных продуктов горения оседает на внутренних стенках мундштука в виде особой гари, имеющей специфический горько-кислый отвратительный вкус. Поэтому слово *джиковас* мы рассматриваем как аллегровую форму сложения, имевшего вид *dъgъl-kvasъ. Вторая часть этого сложения могла, как известно, обозначать самые различные вещества, содержащие кислоту или имеющие кислый привкус.

Дипоть 'удар'. Верно намеченная в [29, с. 74] этимология может быть уточнена в некоторых важных деталях. *Дипоть*, действительно, связано с укр. *доптати*, польск deptać 'топтать, ступать' и т. д., продолжающими слав. *dъrъptati. Последнее имеет явно отыменной характер, однако соответствующая производящая именная основа до настоящего времени не была известна. Между тем, она сохранилась именно в *дипоть*, которое восходит к самостоятельному *dъrъть, которое должно быть реконструировано как особое праславянское слово.

Дікати 'говорить', *дейкати* то же. В принципе верное решение см. [29, с. 25, 89]. Добавим, что эти украинские глаголы вместе с рус. диал. *декаться*, *дикаться* дают основание для реконструкции особого *děkat: 'говорить', по отношению к которому восстанавливаемое в [32, с. 230—231] *děkovati является производным. В то же время только приведенные украинские формы могут служить достаточным основанием для реконструкции у этого архаичного *děkati, *děkovati значения 'говорить' и, следовательно, для дальнейшего его сопоставления с и.-е. *dʰē-k-

Домонтар 'домосед', *домотур* то же. Предположение о заимствовании из польск. *domator* то же, как и мнение, выраженное вслед за Брюкнером [33] о латинском происхождении финикийской -ator в *domator* [29, с. 109] не имеет под собой серьезной почвы. Значительно более вероятно этимологическое родство польского и украинского слова, причем форма последнего с -n-, разумеется, вторичного (экспрессивного) происхождения. Источник обоих слов, вероятнее всего, старое сложение *doma-torgъ 'домосед'; тот, кто ходит по дому или домой', ср. в этом плане болг. *домашар*, где вторая часть восходит к *шаря*, *шарам* 'ходить, шататься, бродить'. Древний композит *doma-torgъ сходен по значению и структуре с более известным *doma-sědъ.

Кавук 'мешок'. Вряд ли связано с группой славянских названий головного убора (болг. *каук* и т. д.) тюркского происхождения, ср. [29, с. 336]. Если укр. *кавук* не является непосредственным заимствованием из тур. *kaçuk*, имеющего, в частности, значение 'оболочка', не исключено, что оно отражает оригинальное префиксальное образование *ka-čъkъ, с экспрессивной по своей природе приставкой; тогда корневая часть

должна была бы сравниваться со вторым элементом слов. *ра-къ и иметь значение 'сшитое, связанное, сцепленное'.

Кагат 'куча овощей, сложенных' и укрытых для длительного хранения', 'окопанная площадка для хранения свеклы (прикрыта для хранения зимой)', *кагата* 'яма для хранения картофеля'. См. [29, с. 337] с указанием диалектных русских и белорусских параллелей. Поиск этимологического истолкования может быть связан с тем, что в значении приведенных слов выделяется как существенный признак прикрытии (ветками, хворостом). Этот признак объединяет *кагат*, *кагата* с восточнославянским *гать* (соответственно, слав. *gatъ),ср. рус. *гать*, понимаемое как настил из хвороста на болоте. Не могут вызвать удивления и такие значения *кагат* как 'куча', ср., например, сходное вторичное развитие у с.-хорв. *гáта* 'навозная куча'. Таким образом, *кагат*, *кагата* следует понимать как префиксальное образование от *gatъ, *gatъ, см. [34].

Казюка 'змея, букашка, божья коровка'. Вряд ли связано с *коза*, вопреки [29, с. 343], где даже указывается, что эта «связь могла быть обусловлена сходством усиков насекомого и раздвоенного языка змеи с козьими рогами»; автору настоящей работы это сходство отнюдь не представляется разительным. Куда более вероятно, что *казюка* (особенно в значении 'змея') — табуистическое обозначение пресмыкающегося, относительное с укр. *казити* 'портить', рус. *казить*. Огласовка -о- в сходном рус. *козюля* 'змея', вероятно, не может говорить в пользу процитированного выше мнения — ср. и рус. диал. *казулька* то же [35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.—Л., 1966.
2. Этимологический словарь славянских языков. Прославянский лексический фонд. Вып. 1. М., 1974.
3. Словарь русских донских говоров. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1975. с. 118.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967.
5. Этимологический словарь славянских языков. Прославянский лексический фонд. Вып. 10. М., 1983. с. 175.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.—М., 1880.
7. Орея В. З. О восточнославянских играх, связанных с культом пчел.— В кн.: Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.*
8. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1910—1914. с. 236.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Л., 1976. с. 214, 263.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л., 1980.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л., 1982.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 20. Л., 1985.
13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.—М., 1882.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973.
15. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, с. 182.
16. Этимологический словарь славянских языков. Прославянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981.
17. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. СПб.—М., 1882.
18. Словарь русских донских говоров. Т. III. Ростов-на-Дону, 1976.
19. Трубачев О. Н. Этимологические мелочи.— В кн.: Этимология, 1964. М., 1965, с. 133.
20. Горячева Т. В. К этимологии рус. диал. *мотрошить*.— В кн.: Этимология. 1979. М., 1981.
21. Фасмер И. Греко-славянские этюды. СПб., 1909, с. 174.
22. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
23. Орея В. З. К объяснению некоторых «вырожденных» славянских текстов.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 321—322.
24. Трубачев О. Н. Несколько русских этимологий.— В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. III. М., 1961, с. 49—50.
25. Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья.— В кн.: Этимологические исследования. Свердловск, 1981, с. 40.
26. Горячева Т. В. Рец. на кн.: Этимологические исследования.— В кн.: Этимология. 1982. М., 1985, с. 168.
27. Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. II.— В кн.: Этимология. 1982. М., 1985. с. 42—43.
28. Верхратський І. Говір замішанців.— Записки Наукового товариства ім. Шевченка, т. 25, кн. 3, 1894, с. 188.

29. Етимологічний словник української мови. Т. 1—2. Київ, 1982—1985.
30. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968, s. 44.
31. Орел В. Э. Балканские этимологии. 14—28.— В кн.: Этимология. 1983. М., 1985, с. 133—134.
32. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М., 1978.
33. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s. 93.
34. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 6. М., 1980, с. 108—109.
35. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб.— М., 1881, с. 75.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Андрюшин Е. И.* Димитр Благоев и пролетарский интернационализм. Орел, 1989, 124 с.
- Асенова П.* Балканско езикознание: Основни проблеми на балканския ез. съюз. София, 1989, 275 с.
- Белградская операция / Под общ. ред. Волкогонова Д. А., Йоксимовича. София, 2-е изд. М., 1990, 297 с., 13 л. ил., карт., схем.
- Божков Л., Нинов С.* Исторический путь Болгарского земледельческого народного союза / Пер. на рус. яз.: Христова Л. София, 1989, 64 с.
- Борци за свобода и просвета / Съст. и общца ред. Дончев Д. и др. София, 1989, 581 с., 16 л. ил.
- Бъклова К. К.* Майстори на българския пътепис. София, 1989, 110 с.
- Българо-съветски отношения. 1983—1986. Док. и материали / М-во на външните работи на НРБ. М-во на външните работи на СССР. София, 1989, 432 с.
- Всесоюзная конференция «История культуры и поэтика». Тезисы / Редкол.: Софонова Л. А. и др.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 71 с.
- Гочев Г. Антонимите в българския език. София, 1989, 120 с.
- Гочев Г. Сценични сулутети. София, 1989, 245 с.
- Доклади / 2-и Междунар. конгр. по българистика. София, 23 май — 3 юни 1986 г.; Гл. ред. Зарев П. София, 1989.
21. Кирило-Методиевистика симпозиум. 468 с.
- Исторический роман в литературах социалистических стран Европы / Бернштейн И. А., Гусев Ю. П., Донченко Н. Ф. и др.; Отв. ред. Топор П. М., Яковлев Н. Б.; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1989, 268 с.
- Кацаракова В.* Икономическите отношения на България с балканските държави в периода между двете световни войни (1919—1941). София, 1989, 281 с.
- Кацараки И. Б.* Големият път през лабиринтите на историята: Ист. преходи — стагнација и прогрес. София, 1989, 182 с.
- Коте Постоянов: Тридесет години назад: Ист. записки по първото македонско въстание през 1876 г. / Съст.: Киряков Б. София, 1988, 95 с.
- К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе / Редкол.: Грицина Р. П., Жигунов Е. К.; Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1989.
- Вып. 1. 152 с.
- Вып. 2. 147 с.
- Лучкай М.* Граматика слов'яно-руська / Упоряд., передм., прим. та словник діалект. слів Лизанця П. М.; Пер. з лат. Лизанця П. М., Сака Ю. М.; АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ, 1989, 191 с.
- Манолова М. Г.* Парламентаризмът в България, 1879—1894. София, 1989, 236 с.
- Манчев К.* Югославия и международните отношения на Балканите, 1933—1939. София, 1989, 303 с.
- Митоева-Джонова Д. М.* Общонародното и регионалното в културно-историческо-то развитие на Дунавската равнина. София, 1989, 191 с.
- Михайлов К., Шалев Д.* Стари български родове. София, 1989, 229 с.
- Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах (вторая половина XVII — первая треть XVIII века) / Отв. ред. Панченко А. М.; АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Л., 1989, 211 с., 1 л. факс.
- Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1985—1987. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Иванов В. В.; АН СССР. Ин-т русского языка. М., 1989, 287 с., ил., карт., 1 отд. л. к.

СООБЩЕНИЯ

ЗАДОРОЖНЮК Э. Г.

ВЗГЛЯД НА ЧЕХОСЛОВАКИЮ.

1988 — ноябрь 1989 гг.

(по материалам контент-анализа публикаций
журнала «Time»)

Тема нашего обзора — образ Чехословакии с 1988 г. до ноября 1989 г. на страницах журнала «Time»¹. Как известно, 1988 год явился своеобразным юбилеем и 1918, и 1938, и 1948, и 1968 гг. — ключевых вех в истории Чехословакии. Кроме того, именно в 1988 г. определяется стратегия на преобразования в Чехословакии, связанная с именем Милоша Якеша, признанная в ноябре 1989 г. несостоительной. Так или иначе, данная тематика отражается в 44 из 52 номеров журнала за 1988 г.: Чехословакии посвящены 9 самостоятельных статей, 13 блоков из других статей и 22 упоминания. До ноября 1989 г. на чехословацкую тему было напечатано всего три статьи; блоков и упоминаний также гораздо меньше.

Работа проводилась с опорой на контент-анализ — метод изучения содержания информации, как она изложена в статьях, а также документах, интервью, анкетах и т. д., выявление в них смысловых единиц и совокупностей (а также направленности текстов в целом), включая анализ их содержания и частоту употребления. Как отмечает «Британская энциклопедия», с помощью контент-анализа можно определить характер и эффективность информационного содержания и пропагандистской направленности материала [1].

Рассматриваемый материал за 1988 г. разбит нами на пять тематических блоков: политика; публикации исторического характера, в первую очередь посвященные 1968 г.; экономика; культурная жизнь (включая спорт); религия.

Больше всего материалов на политические темы — четыре специальные статьи, около половины блоков статей и более половины упоминаний. Данный тематический блок открывает статья «Смена караула», посвященная вступлению на пост Генерального секретаря ЦК КПЧ М. Якеша. Она задает тональность всем материалам по политической жизни и истории (1987, 28 XII, р. 42—43). Начинается статья как бы эпиграфом — словами А. Дубчека: «В 1968 г. мы дали народу то, что он хотел. В этом плане мы осуществляли дело правительства: выражать волю народа... И наш народ все еще ждет сегодня того, что он хотел тогда». Далее рассказывается о декабрьском пленуме ЦК КПЧ, принявшем отставку Г. Гусака — «консерватора, ориентирующегося на Москву»; при нем

Задорожнюк Элла Григорьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканстики АН СССР.

¹ «Time» (выходит в США с 1923 г.) наряду с еженедельниками «Newsweek» и «U. S. News and World Report» — одно из авторитетнейших изданий, которое ставит целью осветить наиболее значимые события жизни Америки и остального мира.

ЧССР стала «страной с наиболее репрессивным и узконаправленным режимом в Восточной Европе».

Пленум определяется как «один из крупнейших политических сюрпризов Восточного блока», его цель — «разморозить» политическую жизнь. Отмечается, что 75-летний Гусак заменен 65-летним Якешем, ранее ответственным за экономическое планирование. «Гусак тем самым стал первым коммунистическим лидером Восточного блока, отдавшим власть добровольно». Но ему оставлен «в большой степени церемониальный пост Президента».

Якеш немедленно подчеркнул, что его вступление в должность не означает возвращение «Пражской весны». Призвав к творческой демократической атмосфере, он тут же осудил коррупцию и «разразился бранью» в адрес правых оппортунистов и ревизионистов 1968—1969 гг. Это и неудивительно, отмечает журнал: «Якеш, будучи председателем партийной комиссии по контролю и ревизии, сам участвовал в „чистке“ 500 тыс. коммунистов после вторжения в Чехословакию»².

Журнал приводит слова М. С. Горбачева, который отметил, что Якеш «будет способствовать возрождению и развитию социализма на чехословацкой земле» подчеркнув, что в изложении «Rudé právo» слово «возрождение» исчезло (1987, 28 XII, р. 43). Причина этого — желание скрыть заключенный в нем критицизм по отношению к Г. Гусаку. Журнал отмечает также, что Гусак «прохладно» встречал Горбачева в апреле 1987 г., а в ноябре он чуть раньше уехал с празднования 70-летия Октябрьской революции, ибо был недоволен тем, что Горбачев принял поздравительную телеграмму от А. Дубчека.

Одна из причин «холодности», по утверждению журнала,— неспособность руководства предотвратить упадок чехословацкой экономики. Темпы ее роста в течение пятилетки составляли 2% вместо планировавшихся 3,1%. «Декады склеротического централизованного планирования» привели к отставанию Западной Чехословакии, которая ранее вместе с территорией ГДР считалась частью европейского высокоиндустриального региона. Журнал приводит в этой связи слова Л. Штроугала: «Мы теперь превращаемся в музей индустриальной революции». Наиболее неудачным за прошедшие 15 лет западные наблюдатели называют 1987 г., отмечая тенденции падения производительности труда и соответственно обеспеченности населения товарами и услугами. Но при этом указывается, что уровень жизни в Чехословакии — наиболее высокий по сравнению с остальными странами Восточной Европы.

В Чехословакии мало политических заключенных: по разным западным источникам «от трех дюжин до нескольких сотен», но политические репрессии имеют место. Есть эмиграция, действует цензура, известные чешские писатели М. Кундера и Й. Шкворецки работают на Западе, а драматург В. Гавел считает себя «своего рода политзаключенным». Подчеркивается неспособность Гусака осуществить «возрождение» социализма, хотя в заслугу ему ставится то, что он избежал кровопролития в 1968 г.

В данной статье в концентрированном виде как бы задается вся тематика последующих материалов по Чехословакии. В заключении статьи ставится вопрос, как будет строиться жизнь при Якеше. Бывший электрик на фабрике Бати, он сделал политическую карьеру после войны. Это «человек в строгом костюме, намерения его трудно разгадать», считают западные дипломаты. Аналитики же (в основном эмигранты из ЧССР) утверждают, что он — идеологический консерватор, не особенно склонный к реформам. М. Швец, чехословацкий дипломат, бежавший на Запад, говорит: «Возможно, приверженность Якеша к твердой линии и будет способствовать тому, что он свободнее сделает рискованный шаг вперед по сравнению с либералом», подобно тому, как Никсон смог «свободнее»

² Число членов КПЧ составляло: на 1 июля 1967 г.— 1689 тыс., 1 октября 1969 г.— 1578, 1 декабря 1970 г.— 1200, 1 января 1974 г.— 1279, к 1 января 1986 г. почти достигло уровня 1967 г.— 1670 тыс. [2].

съездить в коммунистический Китай, ибо был последовательным антикоммунистом³.

Примечательно, на взгляд авторов статьи, что переход власти был плавным, спокойным, несмотря на то, что подобного прецедента в Восточной Европе не имелось (ранее власть менялась в результате или смерти, или «чего-то похожего» на революцию, или эквивалента дворцового переворота). Тестом для реформ Горбачева, как подчеркивают авторы, является вопрос о новом механизме передачи власти: «События в Праге последней недели могут создать прецедент».

Как видим, события конца 1987 г. в Чехословакии рассматриваются в самом широком контексте жизни «Восточного блока», под которым журнал подразумевает страны социализма. Подобная взаимосвязь просматривается и в статье «Образование Михаила Сергеевича Горбачева» (1988, 4 I, р. 10—12), в которой целые блоки посвящены его контактам с З. Млынаржем (они вместе учились на юридическом факультете МГУ). Последний утверждал, что вначале Горбачев, как почти каждый, был сталинистом. В то же время он не верил крайностям пропаганды, особенно фильмам типа «Кубанские казаки». Он говорил Млынаржу о слабой правовой обеспеченности крестьян, о том, что Ленин не преследовал своих политических противников, подобно Сталину. Млынарж подчеркивает, что именно он, занимая высокий пост в КПЧ, во время визита в СССР рассказывал Горбачеву о реформах Дубчека. Но Горбачев признавал тогда, что в СССР и Чехословакии условия для реформ различны.

В апреле «Time» поместил на обложке портрет М. Якеша, а также интервью с ним, сделав чехословацкую проблематику центральной для данного номера журнала. В «Письме издателей» рассказывается об интервью трех американских корреспондентов с «твердыми» и умеренными политическими деятелями Чехословакии. «Это история о риске перемен в меняющемся обществе» (1988, 18 IV, р. 3). Говорится здесь и о невозможности повторения 1968 г.

Ведущая статья номера — «Свежий ветер из Москвы» почти полностью посвящена ЧССР. Она открывается шуткой: «Какая разница между программой реформ Михаила Горбачева и Александра Дубчека в 1968 г.? Ответ: Никакой, но Горбачеву не хотелось бы знать, что это так». В дальнейшем речь идет о юбилее «необычного цветения „Пражской весны“ 1968» — восьми месяцах реформ, которые скопированы 20 лет спустя Горбачевым, о чем «знает каждый ребенок в Восточной Европе, хотя этому не учат в школе». Журнал указывает, что советский журналист Г. Герасимов по этому поводу заметил: «Изменилось время. Прошло 19 лет...». Другое различие, согласно журналу, заключается в следующем: в первом случае реформы шли от одного из «зависимых государств», во втором — из «центра».

Реформа началась, указывается в статье, с января 1968 г. широким фронтом: от предоставления академических свобод до демонтажа централизованного планирования, а также прямых и открытых выборов должностных лиц. Взгляды А. Дубчека на «социализм с человеческим лицом» получили широкую народную поддержку, студенты брали автографы у членов ЦК, празднование 1 Мая стало всенародным. Момент надежды

³ Характерно, что журнал практически не приводит свидетельств реакции Запада на 1968 г. Красноречивое умолчание, ибо, как отмечал один из активнейших участников событий 1968 г. И. Пеликан, американские правящие круги были информированы советскими лидерами о намерении ввести в Чехословакию войска и не высказали возражений по этому поводу (каковы бы ни были их публичные заявления после 21 августа). Они испытали чувство облегчения, когда притягательная модель «социализма с человеческим лицом» была подавлена [3].

Левые же силы на Западе оценивали «Пражскую весну» с большим оптимизмом. Так, член парламента левый лейборист М. Мичер в книге под симптоматичным названием «Социализм с человеческим лицом» выделил три типа социализма: индустриальный (СССР и Восточная Европа); доиндустриальный (страны Азии и Африки); «с человеческим лицом» (Чехословакия 1968 г.), где высокий уровень индустриализации сочетается с расширением политических свобод и децентрализованным контролем. Лишь последний, по его утверждению, приемлем для Европы [4].

содержался в 51-страничной «Программе действий», выпущенной 9 апреля.

Но вторжение 650 тыс. солдат стран Варшавского договора 21 августа, читаем далее, «превратило „Пражскую весну“ в долгую зиму политических и культурных репрессий, из которой, медленно реагируя на теплые ветры из Кремля Горбачева, страна только теперь начинает подавать признаки выхода» (1988, 18 IV, р. 4).

В декабре 1987 г. 65-летний Якеш сменил Гусака, что определяется как первая свежая новость из страны, начиная с 1969 г. Якеш, как и в предыдущей статье, характеризуется приверженцем «твердой» линии, который в 1968 г. резко противостоял реформам Дубчека. Он, по мнению авторов, призван осуществлять «хотя бы видимость реформ». «Мы живем в период исторического прорыва», — заявил Якеш в интервью журналу «Time», утверждая также, что Чехословакия может стать первой державой Восточного блока, которая решит фундаментальную проблему передачи власти. В его тонко рассчитанном критицизме 20-летнего правления Гусака содержится пожелание ограничивать власть партийных функционеров десятью годами. Это — позитивные перемены, делает вывод журнал.

Но в то же время Якеш не обладает харизмой Горбачева. Он медленно продвигался в партийной иерархии, получив репутацию эффективно действующего, но не одаренного богатым воображением администратора. Будучи с 1977 по 1981 г. секретарем ЦК по сельскому хозяйству, он несколько раз встречался с Горбачевым, который занимал такой же пост в Москве. Представлены два возможных варианта линии Якеша. Первый заключается в том, что его «твердое» прошлое и бюрократические воззрения загонят в тупик значимые реформы; второй — что его лояльность к Москве послужит побуждением к перестройке и даже к гласности. Журнал оставляет читателю домысливать перспективность каждой из этих линий, приводя наиболеезвзвешенные оценки.

Диссидент Л. Лис, бывший сотрудник Дубчека, характеризует Якеша как «весьма амбициозного человека, который тщательно подсчитывает выгоды и риск предпринимаемых действий», в политике придерживается господствующих направлений. Его стратегия, по мнению Лиса, будет определяться поддержкой экономических реформ — чтобы удовлетворить Горбачева — и одновременно твердой линией в вопросе о внутренних отклонениях. Поэтому «даже если Горбачев споткнется — Якеш будет достаточно прочно сидеть у власти» (1988, 18 IV, р. 5).

Однако гласность все же прорывается в Чехословакию. Более 450 тыс. человек подписали петицию из 31 пункта, требующую улучшения положения католической церкви. В Брatisлаве в ходе связанных с этим событий полиция применяла слезоточивый газ и дубинки. Находит новые проявления баланс гражданских свобод и плорализм в культурной жизни, активизируется движение «голубых» (обеспокоенных судьбой Дуная) и «зеленых». Парадоксально, но именно Чехословакия, страна, которую распоптал Брежнев, является центральной в стратегии Горбачева для развенчания старого наследства (1988, 18 IV, р. 7). На первый взгляд кажется, что уроки Чехословакии игнорируются. Чистки, в результате которых бывшие реформаторы становились строителями или работниками сферы услуг, преследования диссидентов (хотя и «не в стиле сталинского террора») продолжаются. В стране с традициями среднего класса, отмечает драматург В. Гавел, они означают, что гражданин не имеет надежды повлиять на власть государства. И все же последствия «травмы железного занавеса» с трудом, но проходят. Активно посещается могила Яна Палаха. Двусмысленным толкованиям подвергается лозунг «Мы помним», подразумевается, что правду о 1968 г. нельзя скрыть.

И все же господствующим настроением является пассивность, символически выражаемая в массовом выезде каждую пятницу автомобилей «Шкода» в дачные места. Как говорит 19-летний рабочий из Брно, «мы не желаем особо пристально вглядываться в будущее, и мы никому не верим. Мы хотим как можно скорее закончить работу и не сталкиваться с долж-

ностными лицами» (1988, 18 IV, р. 8)⁴. Однако дело не только в настроениях, отмечает «Time», но и в трудностях объективного характера. Еще поколение назад Чехословакия была индустриальной державой, чья экономическая и политическая мощь опиралась на сложившиеся в межвоенные годы демократические традиции. Именно эти традиции сделали Чехословакию особенно восприимчивой к реформам Дубчека в 1968 г. Сейчас 66-летний Дубчек — пенсионер в Братиславе, ранее он работал в лесном хозяйстве. В интервью газете «Unita» в 1987 г. он говорил о подобии своих реформ реформам Горбачева, о «недвусмысленной» поддержке политики советского лидера. Но, как считает один из бывших сотрудников Дубчека, реформы в СССР не состоятся — скажется отсутствие индустриальных традиций и этики труда.

Если Якеш, закаленный аппаратчик, порвет с прошлыми 20 годами, как он обещает, то это может произойти лишь через развенчание жестко централизованного планирования. В 1987 г. это обещал и Гусак. Л. Штроугал выпустил 25-страничный документ по ревизии экономической политики, но дело находится в стадии «пересмотров». С понятным цинизмом некоторые чехи и словаки называют постоянные призывы «Rudé právo» к ускорению экономических изменений «новыми ветрами от старых дураков» (1988, 18 IV, р. 8).

Введение современных технологий, по мнению чехословакских экономистов, должно приостановить работу не менее 30% заводов страны и оставить хотя бы на время без зарплаты более 1 млн человек. Практически это сделать очень сложно после десятилетий государственной монополии, сочетающейся с коррупцией и блокированием инициативы частника. 40% рабочих, занятых на госпредприятиях, имеют и вторую работу, часто нелегальную. Практически получающий около 5 тыс. долларов в год квалифицированный рабочий находит возможность заработать еще 2,5 тыс., используя материалы и инструменты госпредприятия.

«Говоря о реформах, чехословакские лидеры неохотно нарушают существующее положение вещей, хотя Якеш и считает, что оно должно быть нарушено». В этом, по мнению журнала, одна из причин субсидий на производство продуктов питания, включая лучшее в Европе пиво,— призрак 1968 г. все еще маячит и сдерживает обращение к новым технологиям. Но выбор не велик. Темпы экономического развития Чехословакии замедляются, растет внешний долг, слабо используются новейшие достижения НТР и т. д. (одна из причин — ориентация во внешнеэкономических связях на СССР, а не на Запад).

За крутые изменения сегодня выступает только однотысячная группа диссидентов, сплотившаяся вокруг Хартии-77, да 3,7 млн католиков. 88-летний кардинал Томашек — активный поборник политических реформ. «Люди теряют страх перед властями», но этого мало для решительного перелома, заключает журнал, нужно помнить и то, что Горбачев выступает за стабильность в Чехословакии. Поэтому Генеральному секретарю ЦК КПЧ стал не pragmatik Штроугал, а Якеш — первый пошел бы по пути реформ дальше. Вопрос не снят с повестки дня. Публикуя затем 90-минутное интервью с Якешем — первое для западной печати, «Time» выделяет слова Якеша: реформы будут воздействовать на неповоротливых, тех, кто не хочет работать, паразитов, «мы не должны разрешать организацию сил, которые будут выступать против социализма» (1988, 18 IV, р. 12—13). Основные оценки интервью даны в предваряющей его статье.

Очередной материал «Восточный блок шатается» состоит в основном из откликов (подобранных тенденциозно, и в этом одно из проявлений пропагандистской стратегии «Time» — публикация «нейтральных» ста-

⁴ В журнале «Новое время» отмечалось, что с 1968 г. в ЧССР поддерживается высокий уровень жизни, что сдерживает политические конфликты. Но приводится и такое суждение: «Тревогу вызывают те, кто не спорит. А таких немало». Мы не хотим вмешиваться, говорят, например, студенты [5]. «Time» в некоторых отношениях опередил «Новое время» в оценках... Но, как показали события конца 1989 г., ошиблись оба авторитетные издания.

тей и резких откликов) на статью от 18 апреля. Чех из Торонто (видимо, эмигрант) пишет: Якеш хвастается, что членов Хартии-77 всего 1 тыс. человек, ибо принадлежность к ней требует мужества. Но это говорит лишь о том, что он — наследник одного из наиболее репрессивных режимов страны (1988, 9 V, p. 3). А вот мнение К. Винтера, профессора из Иллинойса: «Как главный редактор „Теленовостей Чехословакии“ в 1968 г., я наблюдал активность Якеша, поэтому упоминания, что он осуществил изменения, для меня полны иронии»; «Якеш, вероятно, наиболее бесцветный, бесхарактерный и безмозглый лидер, какого Чехословакия когда-либо имела. Он неспособен ничего предусмотреть и меньше всего осуществить подлинные изменения. Его лидерство не предвещает ничего хорошего для попыток Михаила Горбачева осуществить реформы» (1988, 9 V, p. 3).

«Я никогда не забуду радостного возбуждения в Праге в майские дни 1968 г., хотя мне было 14 лет, а затем катастрофы в августе. Якеш показал себя жестким сталинистом и партийным бюрократом, весьма далеким от чаяний людей. Общество в кризисе, молодежь теряет надежды. Чехословакия потеряла свободу в 1938 г. Я боюсь, что это будет продолжаться». Автор письма — Ф. Хорнер, эмигрант, живет в ФРГ. (Нужно сказать, что это редчайшее упоминание одной из ключевых дат в истории страны. 1918 г. в журнале не упоминается вовсе, а 1948 г. — крайне редко). Пессимистически звучат и дальнейшие упоминания о политической жизни Чехословакии. Здесь лидер страны впервые добровольно уступил власть, то же произошло и в Венгрии, но Кадара сменил «прагматик», а не «жесткий аппаратчик» (1988, 30 V, p. 32).

Публикуя отклики прессы на визит Р. Рейгана в СССР, «Time» отмечает консервативную реакцию газеты «Rudé právo»: «Она, как и остальные газеты, подчеркнула, что Рейган отказывается от риторики „холодной войны“, но в большей степени, чем другие газеты, проявила осторожность в оценке заявления президента о правах человека, боясь призрака 1968 г.» (1988, 13 VI, p. 20).

ЧССР и Болгария говорят о реформе «ни к чему не обязывающими словами», ибо не признают переструктурирования средствами капитализма (как это имеет место в Польше, Венгрии, частично в СССР). Кроме того, журнал пишет об арестах 20 членов Хартии-77, о высылке 32 иностранцев, о конфликте возле британского посольства, оценивая эти факты, как политические репрессии (1988, 25 VII, p. 20).

Кульминацией подобных настроений явилась приуроченная к событиям августа 1968 г. статья Ф. Унгхойера об известном журналистке и политическом деятеле И. Румле под названием «О сложном и незабываемом. Как человек и его страна живут со времени вторжения в 1968 г.». 650 тыс. солдат Варшавского договора вошли в страну, «чтобы разрушить многообещающее реформаторское движение, ввергнуть страну в темную зиму репрессий, из которой она начинает выходить только сейчас» (1988, 22 VIII, p. 32). Ф. Унгхойер пишет, что 24-летний Румл, наблюдая за танками на Староместской площади в 1968 г., заявил: «Мы проиграли. Следующая попытка реформ произойдет в центре, из Москвы». Он предвидел также, что военные маневры закончатся вторжением.

В 1970 г. Румл, как и другие 3 тыс. журналистов, остался без работы и был исключен из партии. Он стал крановщиком на строительстве дорог. Его жена, прежде сотрудница радио, начала продавать сосиски возле зоопарка, дети не могли получить высшее образование. Спустя 18 лет его озабоченность не исчезла, хотя он с юмором рассказывает, как за 20 лет полиция конфисковала у него четыре пишущие машинки. В 1977 г. он и вся его семья подписали Хартию-77, призывающую соблюдать Хельсинкские соглашения, и были арестованы. В 1981 г. Румл и его сын были осуждены «за организацию подрывной деятельности» на 10 лет. Их содержали вместе с уголовниками и освободили в 1982 г. В тюрьме Румл писал мемуары. В ноябре 1987 г. он с коллегами пытался выпустить ежемесячную газету «Lidové noviny», но дважды арестовывался. Газета все же выходит, хотя ее статус не определен: ее и не разрешают и не запреща-

ют⁵. Ситуация в духе Кафки, комментирует журнал. Газета перепечатывается на машинке и фотокопируется. В ней публиковались интервью с А. Сахаровым, М. Джиласом, мемуары В. Биляка. Румл считает себя «свободным человеком без политической принадлежности». «Я не диссидент, — говорит он, — я только хочу иметь возможность критиковать существующие структуры. Но я не могу изменить их» (1988, 22 VIII, р. 32). Румл приветствует политику гласности и перестройки Горбачева, считает, что Коммунистическая партия неспособна подвергнуться реформе, ибо в принципе отрицает возможность разделения власти.

Члены Хартии-77 в связи с 20-летием вторжения хотят напомнить, что некоторые реформы Горбачева похожи на те, которые СССР разрушал в те времена в Чехословакии. 21 августа планируется уикэнд, но Румл остается в Праге и, возможно, будет подвергнут аресту. «Это его страна, и с каждым допросом или арестом властей он страшится все меньше» (1988, 22 VIII, р. 32).

Как бы в продолжение темы «Time» в одном из следующих номеров в статье «Молодые и беспокойные» пишет о демонстрации 10 тыс. человек на Староместской площади под лозунгами «Мы хотим свободы!», «Русские уходите!». Спонтанно возникшую демонстрацию полиция разгоняла, применяя слезоточивый газ и собак. 70 человек были задержаны. Молодежь не осталась апатичной, как надеялись власти. До этого не было демонстраций с участием и 1 тыс. человек, заключает журнал [1988, 5 IX, р. 61].

В сентябре помещена статья «Нет, холодная война в действительности не закончилась», где «брежневская доктрина» связывается с вторжением в Чехословакию и рассматривается как тормоз развития реформ (1988, 12 IX, р. 87); заметка об А. Дубчеке, «архитекторе „Пражской весны“». Впервые после 1970 г. ему разрешено с женой выехать за рубеж, в Италию, для получения диплома Университета в Болонье. «Что Вы делали все эти годы? — Я ухаживал за своими кроликами». Жена: «Я хотела бы, чтобы он только этим и занимался» (1988, 19 IX, р. 61). Идиллическая картина, даже с юмором.

Как обычно, за такими публикациями «нейтрального» характера следует серия жестких откликов. А. Хоффман, эмигрант, проживающий в ФРГ, указывает: «Мы за „социализм с человеческим лицом“». Большинство чехов и словаков не хотят никакого коммунизма. В 1948 г. Компартия превратила Чехословакию из бастиона демократии в опору Сталина. 20 лет спустя последовало второе «жестокое вторжение». Даже сердца либеральных коммунистов в 1968 г. были проданы Москве. Брежnev это им напомнил». С. Шварц пишет: «Мы видели танки, готовившиеся к вторжению в Чехословакию, когда путешествовали по СССР. Затем мы прилетели в Прагу и видели 21 августа ужас и безверие чехов. Они разрушали все советское ... Лозунги: „Русские, убирайтесь!“, „Оккупанты, верните нашего Дубчека!“, „Свободу!“ — колыхались над толпой» (1988, 26 IX, р. 5).

К числу материалов на политические темы следует отнести ряд упоминаний о Чехословакии в статьях, посвященных отношениям СССР и США, проблемам разоружения, европейской и мировой политике и т. д. При этом внешнеполитические акции оцениваются журналом неоднозначно (1988, 14 III, р. 6; 28 III, р. 19; 20 VI, р. 12; 8 VIII, р. 5).

В журнале представлен портрет одного из авторов Хартии-77 И. Вольфа, который находился в заключении с 1978 по 1981 г. и был повторно арестован в мае 1983 г. за передачу австрийскому посольству информации об условиях заключения и попытку создать независимые профсоюзы. Правительство не снижает его 6-летнего срока, заключает журнал (1988, 17 X, р. 26). В статье «Потрясение основ» говорится о кризисных явлениях в странах социализма. Отмечается, что у власти в Чехословакии находится «старая гвардия», а не неосталинисты, как в Румынии, или реформаторы, как в Венгрии. Именно поэтому в отставку с поста премьер-

⁵ С конца ноября 1989 г. газета легализована, ее тираж к концу декабря достигал 500 тыс. экземпляров [6].

министра ушел умеренный реформист Л. Штроугал, не приемля линии на полную открытость (как в СССР). «Чехословакия идет более консервативным путем постепенных экономических и минимальных политических реформ» (1988, 24 X, р. 17). Подчеркивается, что руководство Чехословакии делает ставку на таких людей, от которых Горбачев стремится избавиться. Указанные два материала носят в целом тенденциозный характер.

И лишь в ноябрьских — декабрьских номерах информация о Чехословакии болеезвешена. Так, приводится мнение чехословацкого специалиста о возможности улучшить отношения Запада и Востока под крышей «общего европейского дома» (1988, 7 XI, р. 11), с удовлетворением констатируется отказ от «доктрины Брежнева» со стороны Востока (который не намерен ее применять) и Запада (который признает этот факт и соответственно корректирует свою политику) (1988, 14 XI, р. 23), положительно оценивается подкрепленность линии Горбачева выводом танков, в частности, из Чехословакии (1988, 19 XII, р. 6, 11).

Статьи исторического характера смыкаются со статьями по проблемам текущей политической жизни. Можно даже сказать больше: история Чехословакии, как она преподана в журнале за 1988 г., сводится лишь к 1968 г., современность также рассматривается через призму событий этого года. Такое взаимопреплетение небезосновательно, но оно содержит и сугубо пропагандистский заряд, обнаруживающийся при контент-анализе; 1968 г. выявляется в качестве ключевого и при рассмотрении вопросов экономики, религии, культуры.

«1968. Подобно лезвию ножа этот год отдал будущее от прошлого» — статья под таким названием открывает один из первых номеров журнала за 1988 г. Высадка человека на Луну, вьетнамская война, студенческие волнения в Европе и США, убийство Мартина Лютера Кинга ... К «роковым событиям» отнесен и ввод войск в Чехословакию, а в число «роковых людей» — А. Дубчек, «реформистский лидер, чья самостоятельно осмысленная программа „социализма с человеческим лицом“ породила „Пражскую весну“» (1988, 11 I, р. 20). Его реформы можно считать, отмечает «Time», «дальными предшественниками политики гласности Михаила Горбачева». Ввод войск в 1968 г. помещается в ряду событий 1956 г. в Венгрии и 1981 г. в Польше и расценивается как неявное «содействие» политике жесткого антикоммуниста Никсона.

Тему соответствия линий Дубчека и Горбачева журнал развивает в статье «Первое ура», посвященной XIX Всесоюзной конференции КПСС. Даже у западных аналитиков, подчеркивается в ней, отпали подозрения, когда появились «Тезисы» к XIX партконференции. «Они включали, — пишет автор, — манифест о правах — печто среднее между Биллем о правах и „социализмом с человеческим лицом“ Александра Дубчека из Чехословакии, который был разрушен танками в 1968 г.» (1988, 27 IV, р. 8). Тема продолжается в следующем номере журнала в статье «Больше, чем только разговоры», где говорится, что-де Горбачев в заключительном слове имел в виду Дубчека, когда говорил о необходимости «придать человеческое лицо социализму» (1988, 4 VII, р. 8).

Материалы об экономической жизни включают упоминание об экспорте продуктов машиностроения во Вьетнам (1988, 1 II, р. 17); замечание о том, что Чехословакия — страна самого высокого уровня жизни в Восточной Европе (1988, 15 II, р. 14); информацию об экспорте из ЧССР технологий по производству пластмасс, которой заинтересовались связанные с космосом американские фирмы (1988, 23 V, р. 30).

Статья «Куда уходят дети?» о демографической ситуации в Европе рассказывает о дотациях на каждого родившегося в Чехословакии, информирует о продлении замужним женщинам оплачиваемого послеродового отпуска с 26 до 28 недель, а незамужним, одиноким и разведенным — с 35 до 37 недель (1988, 8 VIII, р. 10). Журнал позитивно оценивает данные инициативы.

Статья «Воздействие со стороны голубых» о движении защитников окружающей среды в Венгрии и ЧССР сообщает, что «голубые» выступают против строительства плотин в Габчиково (Словакия), запланированного

еще в 1977 г., подчеркивая угрозу загрязнения Дуная (1988, 17 X, р. 60). В ней отмечается необходимость учета экологического фактора в экономике, что с трудом признают правительства Венгрии и Чехословакии.

Специально экономической проблематике посвящена статья в одном из последних номеров журнала «Уберите ваши руки, товарищи! Чехословакия разжигает торговую войну в Восточном блоке». Раньше универмаг «Котва» был Меккой для восточноевропейцев, желающих приобрести товары. В этой связи журналом приводится анекдот: «Почему в „Котве“ раздаются национальные гимны восточноевропейских стран? — Потому, что только когда их слушают иноземные покупатели, чехи могут хоть что-то купить».

Сейчас ситуация изменилась. В то время, когда СЭВ обсуждал проблемы экономической интеграции — как бы отвечая на подобные процессы в Западной Европе, — чехословацкое правительство объявило запрет на вывоз более чем 80 видов продукции, а другие обложили большой пошлиной. Эти протекционистские меры вызвали ряд трудностей на границах. «С ростом дискомфорта все чаще слышатся и сердитые слова от представителей стран блока» (1988, 19 XII, р. 36). Некоторые ограничения распространились и на чешских покупателей, что вызвало протесты, к примеру, текстильщиков в Северной Чехии. Жители ЧССР не могут почти ничего купить в ГДР, СССР и особенно Польше, граждане которых особенно активны в чехословацких магазинах. Население ЧССР живет в относительном комфорте, который, по мнению западных экспертов, создан, чтобы поддерживать в замороженном состоянии и политическую жизнь. Этой же цели служат дотации на продовольствие. Поэтому политика открытости в духе Горбачева в Чехословакии не прививается.

Вскоре с мерами по ограничению вывоза выступили ГДР и Польша, которые обвинили Чехословакию в «нечестной» дискриминации. Отмечая настоятельность протекционистских мер, «Rudé právo» не без юмора писала, что в стране достаточно благ, но слишком много потребителей (1988, 19 XII, р. 36). Журнал поместил данную статью в номере, в котором говорится о процессах интеграции в Западной Европе. Материалы эти, таким образом, взаимно дополняют друг друга.

«Time» делает особый акцент на публикациях по религиозной тематике. Имя кардинала Томашека, которого журнал считает одним из лидеров оппозиции, упоминается при этом немногим реже имени Якеша. Так, в статье «Риск в связи с реформами» говорится об участии в марте более 10 тыс. граждан ЧССР в мессе возле собора св. Вита, что стало знаком оппозиции правительству. Полиция не вмешивалась, хотя и задержала 13 диссидентов, а других арестовала возле резиденции британских дипломатов. Требования религиозных прав — свидетельство «требований больших гражданских свобод со стороны широкого спектра общественности». 300 тыс. человек подписали «Петицию за права церкви». Это крупнейшая публичная демонстрация против режима со времени вторжения стран Варшавского пакта в 1968 г. (1988, 21 III, р. 20). В апреле журнал извещал уже о 450 тыс. человек, подписавших петицию (1988, 18 IV, р. 18), а в июле — о 500 тыс. (1988, 18 VII, р. 18). В специально посвященной религиозной тематике статье «Громкий голос верующих. Мощное религиозное возрождение влияет на режим Праги» описывается моление в Левоче (Татры) 206 тыс. верующих (в 3 раза больше, чем в 1982 г.) возле церкви св. Марии. Собравшаяся здесь молодежь пела гимны, совершила обряды и т. п. «Духовность играет свою роль в коммунистическом государстве». Ежегодное пилигримство как форма религиозного возрождения охватило ЧССР по инициативе 6 млн католиков — одной трети всего населения страны. Очень высок авторитет кардинала Томашека, который вел борьбу против «атеистического режима, наиболее жесткого в Восточной Европе». Обращение к религии молодежи, отказывающейся от марксизма, — «первое широкое воздействие на власти с тех пор, как советские танки сокрушили «Пражскую весну» в 1968 г.». В 31-страничной петиции Томашека о правах церкви, подписанной 500 тыс. человек, требуется отделение церкви от государства, право на религиозное

обучение. В то же время организация католиков «Пацем ин террис», не признаваемая Ватиканом, теряет силу. Церковь, отмечает журнал, испытала страшные потрясения с 1968 г.: на 65% уменьшилось число священников, их осталось менее 2500, а из тринадцати епископских мест девять вакантны.

В то же время «Time» отмечает, что Ватику удалось назначить трех новых епископов, обойдя организацию «Пацем ин террис». Налаживается тактичный диалог с правительством. Так, из заключения был освобожден 50-летний Й. Полански, распространявший религиозную литературу. Мы будем бороться за дальнейшую свободу, заявил он. В журнале упоминается о посещении Чехословакии известным евангелистским проповедником Б. Грехемом (1988, 14 XI, р. 52).

«Time» постоянно информировал читателей о спортивной жизни в Чехословакии. Практически в каждом номере февраля и сентября — времена проведения зимней и летней Олимпиад 1988 г. — обязательно упоминались чехословацкие спортсмены. В материалах чаще всего говорилось о теннисистах И. Лендле и М. Навратиловой (1988, 9 V, р. 53; 25 VII, р. 56; 5 XII, р. 56), причем рассказам о желании приобрести американское гражданство или заработать побольше денег отводилось больше места, чем собственно спортивным успехам.

Статья «Секс и смерть в Чехословакии» повествует о фильме «Невыносимый блеск бытия», поставленном по роману М. Кундеры в Голливуде. Сексуально-иронический и политко-мелодраматический фильм в стиле Бергмана говорит о тщетности упований на личную жизнь все в том же роковом 1968 г. В нем занят ряд чешских актеров (1988, 8 II, р. 38), они же снимались и в других голливудских фильмах (1988, 26 IX, р. 39). Вот практически и все о Чехословакии в журнале «Time» за 1988 г.

Последующий, 1989 г. (до конца ноября), крайне беден материалами о стране. Статья «Открытое или закрытое» сравнивает ситуации, в которые попали коммунисты в Польше и Чехословакии. Деятельность «Солидарности» в Польше увенчалась успехом⁶ — она не только активно влияет на правительство, но и сможет формировать его. В Праге же, находящейся всего в 230 милях от Варшавы, восемьдесятчная мирная демонстрация (в связи с днем Республики) разгоняется силой, а 652 деятеля культуры и искусства пишут письмо Л. Адамецу с просьбой освободить В. Гавела. И несмотря на то, что жизненный уровень здесь в два раза выше, чем в Польше, стабильность и благосостояние не являются гарантированными, ибо сдерживают ход реформ. «Якеш, подобно своему предшественнику Густаву Гусаку, остается парализованным памятью 1968 г.» (1989, 6 II, р. 31). При этом Польша, как полагает журнал, является примером для Венгрии, а ЧССР — для Болгарии, ГДР и Румынии.

В мартовских номерах журнала снова появляется имя В. Гавела «осужденного по статье за хулиганство» (1989, 6 III, р. 32). Против этого осуждения выступили широкие круги общественности Венгрии (1989, 13 III, р. 17). Отдельно этой теме посвящен материал «Интеллектуальные беспорядки», в котором содержатся данные о 52-летнем драматурге и подчеркивается, что он отказался от возможности выехать в США, мотивируя это тем, что в стране остаются миллионы. Гавел — «символ надежды», заключает журнал (1989, 6 III, р. 33). Приводятся сведения о встрече В. Гавела после четырех месяцев заключения (половина определенного судом срока) с А. Дубчеком. Эта встреча и ее участники — всего лишь символ, но оппозиция, как ни в чем другом, нуждается в символах, утверждает журнал (1989, 29 V, р. 27).

В статье «Товарищи злословят» пишется о неблагоприятном впечатлении, которое производят интервью Дубчека и других лидеров оппозиции средствами массовой информации не только стран Запада, но и Венгрии (1989, 14 VIII, р. 22).

⁶ Характерно, что в качестве модели деятельности Гражданского форума в Чехословакии один из его лидеров В. Гавел берет деятельность «Солидарности», а не «советскую перестройку» [7].

В первых ноябрьских номерах журнала чехословацкая тема почти не поднимается. В статье «Так уходит блок» указывается, что страна стоит далеко позади в движении к реформам, приводится мнение польского ученого А. Грошке о том, что антиоппозиционная политика в Чехословакии подорвет престиж Горбачева дома, в странах Восточного блока и на международном уровне. Якеша наряду с Живковым и Чаушеску журнал относит к приверженцам старых времен и доказательством этого считает арест издателей газеты «Lidové noviny» И. Румла и Р. Земана, а также давление на В. Гавела (статья «Три зажимщика изменений», 1989, 6 XI, р. 17). Здесь же утверждается, что отказ от «доктрины Брежнева» имеет и негативный аспект — нельзя стимулировать движение за реформы, хотя в Чехословакии «народное движение становится все более зрелым».

В статье «Наша мечта становится истиной», опубликованной во втором номере, содержится несколько фраз об активности «голубых» и «зеленых» в Чехословакии и Венгрии, выступающих против строительства плотин на Дунае (1989, 23 XII, р. 63). В статье «Лучше одна Германия вместо двух?» вскользь упоминается о настороженности чехов по отношению к возможности создания единой Германии (1989, 20 XI, р. 23).

В номере от 27 ноября в статье «Неудержимая волна» описывается дальнейшая активизация преобразований в странах региона. Чехословакии здесь посвящено несколько абзацев, «схватывающих» факт начала «крупнейшего движения протesta с 1969 г.» — 15-тысячной студенческой демонстрации в Праге. В отличие от событий более чем 20-летней давности, считают ее участники, движение начинается в лучших условиях: «Теперь мы знаем, что можем победить». «Может, да, а, может, и нет», — высказывает свое мнение журнал, описывая жесткие и решительные действия полиции. Кроме того, западным журналистам приводились мнения приверженцев «жесткого курса», что они-де не получили телекса из Москвы о необходимости демократических перемен. Но приводится и мнение Адамеца, высказанное в «Rudé právo» о необходимости ускорения политических реформ, причем оно противопоставлено мнению Якеша, который настаивает на «экономическом опиуме», т. е. лишь на повышении уровня благосостояния населения.

И, наконец, первый номер за декабрь 1989 г. — как и последний декабрьский номер за 1987 г. — в значительной мере посвящен Чехословакии. «И снова Прага. Наше время пришло» — так названа передовая статья номера, сопровождающаяся портретами А. Дубчека и В. Гавела.

Какие же выводы можно сделать из контент-анализа опубликованных в 1988 — ноябре 1989 г. в журнале «Time» материалов о Чехословакии. Журнал в принципе стремится охватить как можно больше сторон жизни Чехословакии, давая информацию о ней в различных рубриках. Его цель — стереоскопический портрет страны, и она в определенной мере достигается. Другое дело, что у журнала свой угол зрения с учетом подчас трудно обнаруживаемой, но все же наличествующей пропагандистской стратегии.

«Time» быстро и оперативно поднимает некоторые темы, к примеру, выдвижение М. Якеша в качестве Генерального секретаря ЦК КПЧ, ситуация с В. Гавелом, изменения в отношениях с церковью, экономические меры протекционистского характера и т. п. Его наблюдениям не откажешь в меткости, полноте, «сцепленности» различных сфер жизни. Журнал отражает динамический аспект различных сторон жизни Чехословакии. Постепенное парастание числа подписавших петицию об отношениях католической церкви и государства — явный тому пример. По нарастающей изображается и политическая активность молодежи и т. п.

Лейтмотив всего массива информации о Чехословакии в 1988 г. — связь с 1968 г. Здесь точка притяжения не только тем, но даже жанров, причем свои взгляды на этот год излагают политики и аполитичные люди, апологеты и критики и т. д. Такая концентрация — также проявление определенной пропагандистской стратегии. 1989 же год можно условно назвать «годом Гавела».

Особенность публикаций журнала «Time» о Чехословакии — их на-

сыщенность информацией, выражаящейся через личные взгляды и позиции. Материалы насыщены шутками, анекдотами, но опять-таки с принципом на определенную пропагандистскую стратегию. В чем же ее суть? На наш взгляд, в стремлении представить страну деградирующей, начиная с 1968 г., но и пытающейся выйти из кризисного состояния. Этот выход видится журналом в возвращении к образцам межвоенной демократии, т. е. в ориентации на устои буржуазной Чехословакии, входившей в «индустриальное ядро Европы». При этом в целом положительная оценка «социализма с человеческим лицом» является достаточно неопределенной в плане возможных перспектив его развития, но если судить по материалам о Польше и особенно Венгрии, то такая перспектива связывается с восстановлением и усилением западных моделей экономики и опирающихся на нее институтов демократии.

Словом, «Time» стремится говорить о проблемах Чехословакии «своим» языком и видеть их решение в «своей» перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. New Encyclopedia Britannica. Vol. 6. London, 1988, p. 172.
2. Ежегодник БСЭ. М., 1968, с. 412; М., 1970, с. 403; М., 1971, с. 407; М., 1974, с. 421; М., 1986, с. 372.
3. The Secret Vysočany Congress. Ed. by J. Pelican. New York, 1969, p. 296.
4. Meacher M. Socialism with Human Face. Political Economy of Britain in the 80-th. London, 1982, p. 113.
5. Дидусенко А. У большого поворота. Заметки о перестройке в Чехословакии, ее фундаменте и фоне. — Новое время, 1989, № 38, с. 20.
6. Кмен, 1989, 28 XII.
7. Литературная газета, 1989, 6 XII.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Павловский С. В. Болгарское национальное Возрождение: Учебное пособие / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 1988, 70 с.

Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Чемполов И. Н.; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1989, 151 с.

Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX—XX вв.) / Отв. ред. Арш Г. Л.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканстики. М., 1989, 271 с.

Польская эмиграция: история и современность: (Обзор политической литературы) / АН СССР. ИИОН. Отд. соц. стран. М., 1989, 40 с.

Прасолов С. И. Чехословакия в европейской политике. 1935—1938 гг. / Отв. ред. Поп И. И.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканстики. М., 1989, 231 с.

Протекционизъм и конкуренция на Балканите през XX век / Бълг. акад. на науките. Ин-т за балканстика; Отв. ред. Беров Л. София, 1989, 668 с.

Румания и Барбария. К этн. истории народов зарубеж. Европы / Анохин Г. И., Арутюнов С. А., Грацианская Н. Н. и др.; Отв. ред. Арутюнов С. А.; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1989, 205 с.

Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвяз. сб. / Под ред. Герда А. С.; Лебедева Г. С.; ЛГУ. Л., 1989, 177 с, 2 л. ил.

Социализм: между прошлым и будущим. История и современность. Современность и история / Амбарцумов Е., Боев В., Бутенко А. и др.; Под общ. ред. Богомолова О. Т. М., 1989, 422 с.

Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке / Отв. ред. Хорев В. А.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканстики. М., 1989, 208 с.

Судакова А. Н. Старославянский перфект и его греческие соответствия. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / АН БССР. Ин-т языкоznания им. Я. Коласа. Минск, 1989, 16 с.

Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Учеб. пособие для студентов филол. спец. ун-тов. 2-е изд., перераб. Минск, 1989, 480 с., карт.

Съдебният процес срещу Владимир Заимов. 1935—1936 г.: Сб. док. и материали / Съст. Заимов С., Пенков С. София, 1989, 287 с.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

(Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., 1988, 575 с.)

Вышел в свет очерк истории Чехословакии, охватывающий все основные ее проблемы в рамках одной книги. Эта нелегкая задача решена впервые в советской историографии. Четыре доктора исторических наук подготовили полезное и нужное пособие, продемонстрировав и знание предмета и умение популярно излагать материал, показав в то же время, на какой ступени развития стоит наша историческая багемистика. Книга состоит из 18 глав, рамки которых вполне логичны. Первые четыре — с древнейших времен до 1620 г.— написал И. И. Поп, главы V—VIII о позднем средневековье и обо всем XIX в. А. С. Мыльников; история XX в. от его начала до конца второй мировой войны освещена в главах IX—XIV А. Х. Клеванским, а главы XV—XVIII — от конца второй мировой войны до 1988 г.—принадлежат В. В. Марыниной (глава XVII совместно с И. И. Попом). К тексту приложен список опубликованных источников и литературы.

Достоинства труда очевидны. Показаны новейшие достижения чехословацкой историографии по ряду проблем, в частности — в области истории феодализма, глубоко проработан культурно-исторический аспект, ясно изложены вопросы экономического и социального развития Чехии и Словакии в межвоенный период, четко объяснены причины кризиса «Лоскутной монархии» (с. 250—276) и крах империи Габсбургов (с. 277—293). Точно и лаконично охарактеризованы политические партии буржуазной Чехословакии, их социальный состав и программы, оправдан отбор фактов, связанных с политической историей Чехословакии этого периода и другие проблемы. Убедительно и доходчиво изложен материал по экономическому положению, государственному устройству, политическим партиям

народно-демократического периода истории ЧСР; особенно интересны разделы о Словакии этого времени.

Что же касается недостатков книги, то их можно подразделить на объективные и субъективные. Объективные недочеты неизбежны по целому ряду причин. Книга готовилась за 3—4 года до момента ее издания. Наивно было бы рассчитывать, что в ней учтены коренные изменения в нашем подходе к истории за годы перестройки. Не следует в неизбежном отставании винить авторов. К устаревшим с позиций сегодняшнего дня оценкам событий новейшей истории относится, например, освещение политической системы Чехословакии межвоенного периода. Характеристика буржуазной демократии могла быть более диалектичной, хотя бы признанием факта определенных преимуществ в ней в сравнении со сталинским режимом. Устарела и трактовка мюнхенской проблемы (с. 356). Нежелание буржуазного правительства сотрудничать с СССР объясняется страхом перед возможными последствиями антифашистской войны с участием Советского Союза (с. 357), между тем как ныне признано, что не только правящие круги, но и широкая демократическая общественность имели все основания опасаться сближения с государством Сталина: было хорошо известно о репрессиях испанских интербригадистов и коммунистов многих стран Европы, искавших спасения от германского фашизма в СССР. Много недомолвок и явных натяжек в освещении периода после 1948 г. Так, о политических процессах, сфабрикованных в конце 40-х — начале 50-х годов по непосредственному указанию Сталина, в книге почти ничего нет. И это не соответствует ситуации, когда, например, с экранов телевизоров выступает сокамерник Г. Гусака, отбывавшего заключение в СССР.

Недостаточна фраза о «неверном истолковании вопроса о классовой борьбе в период строительства социализма» и о необоснованных репрессиях партийных и государственных деятелей Чехословакии (с. 446—447). Сказано о насилии в деревне, о деформациях в политическом управлении, отстранении трудящихся от управления страной, о стагнации сельского хозяйства в начале 60-х годов, но направляющиеся выводы не сделаны. Кризис 1968 г. освещен правдивее, чем в предшествующих публикациях, но до сегодняшнего уровня толкования этой проблемы далеко. Ныне ясно, что кризис был выражением протesta всего народа, который выступил против сталинской модели социализма, отбрасывавшей назад цивилизованную европейскую страну с достигнутых ею экономических и политических высот. Из прессы и других средств массовой информации известно о происходящих ныне в Праге и других городах демонстрациях, о забастовках, протестах интеллигентии, о возрождении идей 1968 г., которые невозможны объяснить прежними доводами, так как в это движение включилось поколение, выросшее при социализме.

Но, как уже отмечено, обвинять в устаревших подходах авторов не приходится.

Другое дело — недочеты субъективного свойства, не обязательно обусловленные или вообще необусловленные цензурой и редактурой. В первую очередь — это отсутствие единства в размещении материала по разделам. Образцом правильного подхода может в этом смысле служить часть книги, написанная А. Х. Клеванским. На основе ясного изложения факторов экономического и социального развития автор осветил вопросы политики, культуры и т. д. Этого нельзя сказать о проблематике, связанной с переходом от феодализма к капитализму. Здесь нет четкой трактовки экономических и социальных изменений в чешском обществе указанного периода. А без этого нельзя понять и причины национального возрождения и ответить на вопрос, почему эпоха возрождения наступила именно в конце XVII в.

Субъективен подход и к развитию чешской культуры периода раннего и развитого феодализма: основное внимание уделено архитектуре и живописи, но не показано значение Пражского университета, состояние образования, научной мысли и т. д. Не всегда можно согласиться с освещением предреволюционных и

революционных событий 1848—1849 гг. Так, на с. 165 есть утверждение о возникновении в Праге в 1844—1845 гг. тайного кружка радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, что источниками не подтверждается. На с. 166 говорится о проникновении в Чехию научного коммунизма. Основанием служит упоминание имени Маркса в чешской печати в 1844 г. Но ведь в это время Маркс еще не был марксистом! Не достигает цели и ссылка на знакомство с идеями Маркса и Энгельса чешского философа А. Сметаны (с. 166). В литературе упоминается о фактах негативного отношения к некоторым работам Энгельса у чешских деятелей. О восприятии марксизма в Чехии можно говорить, на наш взгляд, лишь с 70-х годов XIX в.

Наконец, следует сказать о несогласии рецензента с изложением гуситского движения. В настоящее время на основе более многочисленных источников, а также благодаря новым методам их обработки внесены существенные корректизы в трактовку кардинальных вопросов гуситского движения: о его экономических, социальных и политических причинах, о национальном вопросе, о сущности тaborитской коммуны, о хронологии движения и его характере в целом. Предложенная К. Марксом характеристика движения как «национально-чешской крестьянской войны..., носившей религиозную окраску» (приведено в книге на с. 79) ныне считается ошибочной. Как известно, Маркс не занимался исследованием гусицизма, а потому не знал, что движение было общенародным, а не только крестьянским, в нем участвовали представители всего общества — за исключением высшего духовенства, что к движению прымкало дворянство, включая панов. При всех внутренних противоречиях гуситское движение по методам борьбы отличалось от остальных социально-политических и реформационных движений в Европе до начала XV в. Невозможно игнорировать и его результаты. Конечно, участники не представляли себе никакого общественного устройства кроме феодального, так что расценивать гусицизм как революцию буржуазную оснований нет. Но общественные противоречия в ходе движения привели к преобразованию отдельных сторон феодального строя. Поэтому и другим причинам гуситское движение рассматривается ныне как революция внутриинформационная. Такой точки зрения на этот феномен придерживаются современные чехословацкие гуситологи,

исследовавшие проблему в сотнях (!) статей и монографий. Можно напомнить, что даже в 50-е годы чехословацкая историография не считала гуситское движение только крестьянской войной. Такая оценка распространилась на основе высказывания К. Маркса лишь в советской историографии, не исследовавшей вопрос на основе источников. Автор предлагаемой рецензии считает мнение чехословацких историков на гуситское движение

убедительным. Этот подход разделяется многими учеными различных стран.

Резюмируя сказанное, повторим, что книга будет способствовать распространению знаний по истории Чехословакии среди советских читателей. Но изменения в осмыслении исторического процесса за последние годы диктуют необходимость переиздания книги.

Лаптева Л. П.

* * *

Давно назрела потребность в издании очерков по истории зарубежных стран. В «Краткой истории Чехословакии», подготовленной коллективом ученых Института славяноведения и балканстики АН СССР, удачно сочетаются научность и популярность изложения, новое прочтение известных страниц истории двух братских народов, чехов и словаков. Все это нужно и научным работникам, и студентам вузов, и широкому кругу советских читателей.

История чешского и словацкого народов излагается в данном труде синхронно. Должное внимание удалено и истории других национальных меньшинств, населяющих Чешские земли и Словакию — немецкого, венгерского, польского и украинского. Проблемами межнациональных отношений проникнута вся работа — в этом одно из ее достоинств. Отличительная особенность «Краткой истории Чехословакии» — в анализе исторического процесса в единстве трех его важнейших сторон — политики, экономики и культуры. К сожалению, эта линия выдержана не во всех частях книги одинаково. Наиболее полно и удачно это сделано в главах I—IV (автор И. И. Поп).

В краткой рецензии трудно дать всеобъемлющую оценку работе о двухтысячелетней истории народов, населявших и населяющих Чехословакию. Поэтому мы проанализируем отдельные ее сюжеты. Истории первобытно-общинного строя и возникновению государства отведена одна глава. Мы считаем, что достаточно, хотя сюжеты древнейшей истории привлекают всеобщее внимание. Неординарен подход И. И. Попа к истории возникновения государства, логике перехода от племени к государственным институтам, изменению системы верований, роли христианства, трансформации власти князя, изменению форм собственности, а соответственно и взаимодействию различных социальных слоев феодального общества.

В данной главе имеется и несколько спорных вопросов. Первый — о княжестве Само. Мы согласны, что это было племенное славянское княжество (с. 13), но не разделяем мнения, что Само был франкским купцом. Действительно, франком называет Само летописец Фредегар (середина VII в.), но некоторые чехословацкие и советские историки доказывают его славянское происхождение. Это же касается Кирилла и Мефодия. Автор назвал их византийскими теологами (с. 16). Некоторые считают их греками по происхождению, другие — славянами. Болгарские и югославские историки чаще всего пишут о них как о просветителях, проживавших в Македонии.

Истории феодализма отведено четыре главы. В них освещены кардинальные вопросы докуситского периода, такие как борьба за укрепление королевской власти, место и роль городов в экономической и политической жизни Чешских земель и Словакии. На общем фоне расцвета чешского государства XIV в. убедительно показано назревание революционного взрыва, породившего чешскую реформацию и гуситские войны. Автор убедителен в рассуждениях о характере социального сдвига в чешских землях в первой половине XIV в. как революционного движения, не затронувшего ни форму власти, ни форму собственности.

Говоря о проблемах истории Чешских земель и Словакии до XV в. хотелось бы сделать ряд замечаний. При освещении истории городов слишком много внимания уделено факторам внешнего влияния в ущерб раскрытию их внутренней сути (с. 41). Хотелось бы больше прочесть о реформационном движении до Яна Гуса (и умеренная реформация, и народные еретические учения). Если политическая деятельность Яна Гуса раскрыта достаточно, то социальные и национальные мотивы в его учении — слабее. На с. 70 читаем, что с весны 1419 г. начались масовые походы городской и деревенской

бедноты «на горы». В исследованиях А. И. Озолина и Б. Т. Рубцова такие походы начались с 1415 г., а к весне 1419 г. достигли кульминации.

Гуситские войны повлияли на всю последующую историю чешского феодального государства. Через эту призму освещены сложные вопросы XVI—XVII вв. По-новому взглянул И. И. Поп на восстания чешских сословий 1547, 1618—1620 гг., культуру барокко. Интересна глава об эпохе национального возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.) (автор А. С. Мыльников). Этот этап истории чешского народа автор рассматривает как сплав внутренних и внешних факторов (кризис феодализма и развитие капиталистических отношений, формирование новых классов, новой идеологии, проникновение идей Великой французской революции, антикрепостнических идей русской общественной мысли, польского освободительного движения, немецкой и венгерской передовой мысли 30—40-х годов XIX в.).

Глубоко проанализированы события «весны народов» 1848—1849 гг. А. С. Мыльников подчеркивает, что революция в Чехии и Словакии при всех поворотах ее развития — это составная и органическая часть общеевропейского революционного процесса (с. 176); отмечено первое появление на политической арене промышленных рабочих.

Вторая половина XIX — начало XX вв.— это качественно новый период в истории чешского и словацкого народов. Раскрыты условия, способствовавшие промышленному развитию Чешских земель, превращению их в самую развитую часть империи Габсбургов, причины отставания Словакии. Тщательно показаны успехи и трудности социалистического и рабочего движения, влияние первой русской революции 1905—1907 гг., антивоенное движение в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. Недостатком данного раздела считаем то, что его автор А. Х. Клеванский уделял больше внимания освещению хода событий в Австрии в целом или в Венгрии в ущерб анализу событий в Чешских землях и Словакии.

Три главы посвящены истории Чехословацкой буржуазной республики 1918—1939 гг. Их автор А. Х. Клеванский всесторонне рассмотрел важнейшее событие в истории чешского и словацкого народов — образование нового государства, его характер, политические, экономические и национальные проблемы. В главах

раскрыты сложные страницы классовой борьбы и эволюции политической системы ЧСР.

В работе нет специальных параграфов о внешней политике Чехословацкой буржуазной республики. Эти вопросы даны в тесной связи с внутренней историей, как ее логическое продолжение. Перечитывая главы, посвященные 20—30-м годам, мы видим, что путь к Мюнхену прокладывался всем ходом событий на политической арене ЧСР межвоенного периода.

Большое внимание А. Х. Клеванский уделил истории революционного движения в 20—30-е годы, деятельности КПЧ, революционных профсоюзов, различных общественных организаций. Мы видим сложный путь коммунистического движения от Объединительного съезда 1921 г. до исторического V съезда КПЧ, показана деятельность КПЧ в 30-х годах, особенно ее борьба за создание единого народного антифашистского фронта. Интересны страницы о культурных процессах в Чехословацкой республике 20-х годов (с. 329—337).

Тяжелые испытания выпали на долю народов Чехословакии в годы второй мировой войны. А. Х. Клеванский сосредоточил свое внимание на характере оккупационной системы в «Протекторате Чехия и Моравия», сущности «Словацкой республики» как вассала гитлеровской Германии, на проблемах движения Сопротивления в связи с образованием двух его центров, буржуазного и коммунистического.

Пять глав из восемнадцати — о послевоенном периоде. Это почти одна треть общего объема книги. Полагаем, что это вполне обосновано: период важный и сложный, и опыт, приобретенный ЧСР на социалистическом пути, поучителен.

В книге рассмотрены не только успехи социалистического строительства, но и его просчеты и упущения. Левацкие перегибы в определении задач первой пятилетки (1949—1953), когда выдвигались чрезмерно высокие темпы развития экономики, В. В. Марьина объясняет спецификой индустриализации в промышленно развитой стране (с. 444). В книге нет ответа на вопрос, почему в 1954 г. Чехословакия перешла на одногодичные планы развития страны (с. 453—454). Довольно туманно изложен вопрос о нарушениях законности, необоснованных репрессиях начала 50-х годов. Не может удовлетворить сегодняшнего читателя и изложение событий 60-х, 70-х годов.

Понятно трудное положение исследователя, над которым до сих пор довлела жесткая политизация исторической науки, когда определяющим признавался не научный вывод, а соответствие политическому документу. В результате написанное в середине 80-х годов и опубликованное в 1988 г. с изменением политической ситуации безнадежно устарело. Не виним историков, но считаем, что такая ситуация — важное предупреждение о необходимости свободы научного поиска, избавленного от сиюминутных агитационно-пропагандистских нужд.

Высказанные замечания рассматриваем как пожелания для дальнейшей работы над историей чешского и словацкого народов. Что касается оценки рецензируемой работы в целом, то она однозначна. «Краткая история Чехословакии» — ценная и очень нужная книга, в которой обобщены сложный путь чешского и словацкого народов с древнейших времен до наших дней. История Чехословакии предстает как составная часть общеевропейской и всемирной истории.

Гранчак И. М., Кляп М. И.

P. ЂУК. Србија и Венеција у XIII и XIV веку. Београд, 1986, 270 с.

P. ЧУК. Сербия и Венеция в XIII и XIV вв.

Содержание монографии шире ее названия, в ней рассматривается политика Венеции и экономические отношения не только с Сербским государством и южно-далматинскими городами, входившими в его состав, но и с Дубровником. Выход автора за пределы сербских владений объясняется верховной властью Венеции над Дубровником, его посреднической ролью в торговле с континентальными областями Сербии, экономическими и другими связями с Котором, главным портом Сербского государства на Адриатике.

Хотя для сербской внешней политики была важна позиция Венецианской республики и обе стороны были заинтересованы в поддержании экономических связей, в югославской исторической литературе еще не было монографических исследований по сербско-венецианским отношениям.

Характерной чертой рецензируемой монографии является использование неопубликованных источников, что повышает ее научную ценность. В Приложении к ней приводятся сведения в десять таблиц данных источников по сербско-венецианской торговле и кредиту.

Монография состоит из двух частей. Первая посвящена политическим отношениям, вторая — экономическим. Политические отношения Венеции с преемниками великого жупана Стефана Неманића рассматриваются автором с конца XII в. на фоне сложных противоречий в международной политике, характерных для восточной части Средиземноморья

в первые десятилетия XIII в., при возросшем значении Венеции.

Первая часть написана на материале многих источников и литературы, в том числе таких обобщающих трудов, как «История сербов» К. Иречека и соответствующих разделов в «Истории Черногории» и «Истории сербского народа», написанных С. Чирковичем. Использованы и работы историков конца прошлого и первой половины нашего века: Л. Ковачевича, С. Любича, М. Медини, но в основном исследования последних десятилетий, 60—80-х годов. Однако автор не использует и даже не учитывает в своей монографии советские исследования. Так, например, для оценки клятвы короля Георгия (преемника Вукана), данной Венеции, автор приводит мнение С. Чирковича: «Присяга Георгия венецианскому дому является, во всяком случае, выражением добрых отношений, которые в это время господствовали между Сербской державой и Венецией» [1]. Такое мнение небесспорно. По-иному оценивает клятву Георгия Е. П. Наумов, полагая, что, дав ее, Георгий признал свою вассальную зависимость от Венеции, рассчитывая на ее поддержку в борьбе против Рашки, которой управлял Стефан, сын Стефана Неманића. Сам документ в подлишнике называется «присягой верности короля Георгия» (см. [2]).

По истории политических отношений Венеции с Сербией дается больше ссылок на источники, в частности при описании борьбы между Барской и Дубровницкой архиепископиями из-за церковной юрис-

дикции над католическим населением Сербской державы. В подзаголовках к главам названы основные, с точки зрения автора, события, которые рассматриваются в каждой из них. Такое выделение делает структуру работы более четкой. Но при этом отсутствуют выводы по отдельным главам (за исключением последней) и по первой части в целом.

В начале XIII в. в сербско-венецианских отношениях появился Дубровник, а в последние десятилетия этого века возвышается и сербский приморский город — Котор, с ним также связаны интересы не только Сербии, но и Венеции. Котор становится центром, через который идет торговля сербских земель с Венецией и другими городами Италии, а также с Дубровником. Через Котор и Дубровник вывозилась и продукция сербских рудников. Увеличение добычи серебра дало возможность начать чеканку сербской монеты. Ее сходство с венецианской вызвало недовольство и открытое сопротивление Венеции, назначенное Р. Чук «монетной войной». «Монетная война» дана автором на материале исторической литературы, обширного круга источников, и этот раздел представляется наиболее интересным. К сожалению, показывая «монетную войну», Р. Чук не учла статей советских историков Л. А. Шаферовой [3] и Е. П. Наумова [4].

Автор в целом правильно оценивает политику Венеции на Балканах: в условиях вытеснения ее Генуей с рынков Востока, Венеция через посредничество дубровчан и кортран вывозила продукцию сербских и боснийских рудников и другие товары — этим и объясняется упорное стремление Венеции сохранить мир на Балканском полуострове (с. 64). Венеция, поддерживая хорошие отношения с Сербией, не хотела ее усиления, отказываясь помочь Стефану Душану флотом для захвата Царьграда, ее больше устраивало существование слабой Византийской империи.

В 50—60-х годах XIV в. на северо-западе Балканского полуострова происходят важные политические изменения, которым автор уделила особое внимание. Венецианцы после 1358 г. больше обращаются к помощи Котора, ведя торговлю с сербскими землями при посредничестве кортран. Ситуация для Венеции и Котора осложнялась тем, что после смерти Стефана Душана при его преемнике, царе Уроше, обширное царство стало распадаться. Признание Дубровником, а к 1371 г. и Котором верховной власти

Венгрии привело к перенесению венецианской торговли в города Зсты, главным образом, в Улцинь. Далее Р. Чук пишет: «Итак, в течение второй половины XIV в. венецианцы старались на территории от Котора до Драча, разъединенной междуусобными столкновениями сербских, албанских, босанских государей, находившейся под угрозой османского завоевания, создать свои опорные центры. В конце XIV в., прилагая большие усилия и пользуясь разными способами, смогли это осуществить» (с. 95). Этот вывод можно, видимо, считать и заключением первой части монографии.

Вторая часть — «Экономические отношения» — состоит из трех глав: «Вывоз из Сербии», «Ввоз в Сербию», «Деловые связи». «До середины XIV в. в торговле и вывозе серебра в Венецию участвовали чаще всего дубровчане и кортране, затем венецианцы и флорентийцы, а иногда и жители Бара», — пишет Р. Чук (с. 101), приводя ряд документов из Дубровницкого архива, подтверждая, таким образом, выводы, к которым приходили исследователи на основании ранее опубликованных источников.

Из других статей экспорта отдельно рассматривается вывоз кожи и воска. Автор не отмечает, что рост их вывоза оказался возможным при экономическом подъеме, происходившем в Сербии, правда, об этом говорится в одной из сносок в разделе «Политические отношения» (с. 23, сн. 13). По мнению автора, в Венецию через Дубровник, Котор, Улцинь вывозились сырье кожи (с. 110). Такое мнение представляется ошибочным, о чем свидетельствуют и некоторые венецианские источники. Так, например, цеху дубильщиков запрещалось обрабатывать всякое иное сырье, кроме того, что давали венецианские бойни. В дополнение к уставу цеха от 1302 г. районом заготовок сырья, кроме Венеции, назван и «дистрикт», т. е. все владения от Градо до Коварце (см. [5]). Известно также, что кожевенное производство было одним из доминирующих в далматинских городах, в Которе, в частности. Из других товаров, ввозимых из Венеции в Сербию, выделены ткани и оружие. По подсчетам Г. Чремошника, приведенным в монографии, в начале 80-х годов XIII в. ткани по стоимости составляли треть всего ввоза. Деятельность венецианцев проходила в основном в Дубровнике и приморских городах Сербского государства, пишет Р. Чук далее, венецианцы торговали обычно с Сербией при по-

средничестве дубровчан и котораи. Вывод автора правилен, но он уже фигурирует в советской историографии [3].

Сведения о ввозе оружия из Венеции в Сербию появляются в источниках, начиная со второго десятилетия XIV в., при этом можно согласиться с предположением Р. Чук о ввозе оружия из Венеции и других итальянских городов уже в XIII в. Соглашаясь с тем, что одной из важнейших статей импорта в Сербию была соль, вывоз соли венецианцами специально автор не рассматривает. В кратком заключении «Экономических отношений» автор подчеркивает, что важнейшими товарами, вызывавшими из Сербии, были металлы, самое значительное место занимало серебро. Большая часть товаров шла на удовлетворение венецианского рынка, часть, вероятно, поступала на рынки других итальянских и западноевропейских городов.

В третьем разделе монографии «Деловые связи» автором собраны сведения о венецианцах, занимавшихся кредитной торговлей, ремесленной и дипломатической деятельностью в Дубровнике, Которе, континентальных городах Сербии. Представлены также и жители сербских приморских городов, бывавшие в Венеции, в основном которане. Таким образом, третий раздел является сборником своеобразных документальных персонажей. Определенным возвращением к старым взглядам ученых-иррендентистов, преувеличивавших итальянское влияние на развитие далматинских городов, является представление Р. Чук о «прибытии многих ремесленников-венецианцев как во внутренние области Сербского государства, так и в сербские приморские города» в конце XIII — начале XIV в. после открытия сербских рудников (с. 156). Данные, приведенные в монографии Р. Чук, этого не подтверждают. Можно согласиться с ее предположением, что в «Которе, вероятно, жило и работало намного больше купцов и ремесленников, чем записано в архивных книгах» (с. 159—160). Но такое предположение следует в полной мере отнести и к местному купечеству и ремесленникам. Составленные таблицы содержательны, но в монографии отсутствуют выводы, которые можно сделать по их данным. Например, по таблице V — «Долговые обязательства которан в XIV в.» — видно, каким образом венецианцы заставили которан и их суверена, короля Стефана Душана, заключить договор с Венецией. В 1333—1335 гг. венецианцы

не оформляли торгово-кредитных сделок в Которе, они заключали их с которанами в Дубровнике; опасаясь падения роли Котора как главной гавани Сербского королевства на Адриатике, которане и король в конце 1335 г. были вынуждены заключить неполноправный договор, который гарантировал права только венецианцев. Последующие годы (1336—1337) характерны ростом активности венецианцев в Которе.

Создается впечатление, что автор стремится собрать материал опубликованных и неопубликованных источников и провести их статистическую обработку — в монографии не решаются какие-либо общие проблемы. Изучая экономические отношения Сербии с Венецией на протяжении двух столетий, Р. Чук не пишет о том, какую роль сыграла Венеция в экономике Сербии, в экономическом развитии ее приморских и континентальных городов.

Несмотря на отмеченные недостатки, монография восполняет пробел, существовавший в югославской историографии. В ней представлены международные связи Сербского государства, его участие в торговом обмене средневековой Европы. Дальнейшее изучение объема производства сербских рудников, вывоза их продукции, предпринимаемое югославскими исследователями (Д. Ковачевич, И. Войе, Б. Храбаком, С. Чирковичем и др.), даст возможность уточнить значение сербского экспорта, особенно вывоз серебра для стран Европы и Ближнего Востока. Для общей оценки роли Сербского государства в международной политике Юго-Восточной Европы необходимы монографические исследования отношений Сербии не только с Венецией, но и с остальными государствами региона, с использованием трудов, созданных учеными как Югославии, так и других стран.

Шаферова Л

ЛИТЕРАТУРА

1. Историја Црне Горе. Т. II. књ. 2, Титоград, 1970, с. 9.
2. Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, с. 207—211.
3. Шаферова Л. А. Венецианская торговля в Которе в 20—30 годы XIV в.— Вопросы всеобщей истории, 1972, вып. 2.
4. Наумов Е. П. Завистник венецианского чекана.— В кн.: Дантовские чтения. 1973. М., 1973.
5. Фионова Н. А. Кожевенное ремесло в Венеции XIII—XV вв. По цеховым уставам.— В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1982, с. 97—98.

ВЫКА К. Циприан Норвид: исследования, статьи, рецензии

В книгу известного польского литературоведа и критика К. Выки воплощено более 20-и разномасштабных работ (от внушиительного монографического труда до отдельных заметок и рецензий), написанных в разное время, с различными исследовательскими задачами и установками, но тем не менее удачно складывающихся в единое идеально-тематическое целое: приметный в потоке литературоведческих публикаций вклад в норвидиану.

В ПР уже издано немало монографий, предметом которых стала во всех отношениях неординарная и вызывающая к себе устойчивый интерес творческая индивидуальность Циприана Камиля Норвида [1].

Не умаляя заслуг других исследователей, следует признать, что яркой чертой рецензируемого труда является отчетливо заметное в его структуре и потому суммирующееся во внутреннем движении всего материала стремление ученого к многоаспектному, синтезирующему освещению не только художественной самобытности философствующего писателя, но и того, что причастно к его биографии, совершенно особому положению в польском литературном процессе прошлого века, трудной прижизненной и посмертной судьбе его произведений. Обилие в книге частных наблюдений, множество словно походя высказанных суждений нисколько не затушевывают ее основные линии. По существу, из этих штрихов и вырисовывается собирательный правдивый портрет явления, именуемого Норвид; но это и главный принцип, которому следует ученый.

Отсюда последовательно применяемая в рецензируемой книге бифокальность взгляда на Норвида, когда одно не заслоняет другое, сложное не упрощается, а простое не усложняется. В конечном счете это придает книге всестороннюю выверенность как постулируемых теоретических положений, так и непосредственно вытекающих из наблюдений выводов. Отсюда также особая убедительность исподволь формирующейся на базе разрозненных и разноплановых статей концепции Выки. В основу ее легло представление о Норвиде как «поэте культуры», чей ум и воображение постоянно занимала реальность, уже пропущенная через сознание других, опосредованная в по-

мыслях и действиях человечества, запечатлевшаяся в истории, философии, религии, этике, искусстве.

К. Выка подчеркивает в Норвиде стремление оциркаться на культуру человечества, на ее гуманистическое и историческое содержание: и его тематические интересы, и их художественное воплощение принадлежат орбите культуры (с. 265).

Классик польской литературы предстает в первую очередь писателем-мыслителем европейского уровня, литератором весьма широкого творческого диапазона, «наиболее сложным польским художником» (с. 169). При этом Норвид неизменно остается образцом универсального мастера, который пришел к соединению видов искусств, редкостному сплаву разнообразных культурогенных традиций и взятий как новому для польской литературы его поры эстетическому достижению.

Под знаком этих утверждений стоит все богатство содержания данной книги. Составившие ее работы, каждая из которых имеет определенную цель, собранные вместе, способствуют и решению сверхзадачи: представить Норвида в адекватном его дару всеохватного мышления контексте мировой культуры.

Композиционно книга состоит из двух частей. Открывает ее вышедшая в 1948 г. и уже ставшая библиографической редкостью одна из первых послевоенных работ о поэте — «Циприан Норвид. Поэт и искусствник». Речь здесь идет о таком феномене норвидовской поэзии, как преодоление в ней свойств, присущих скульптуре, живописи, музыке, особенно близких поэту искусств, образный строй которых питал его воображение, заметно сказывался на облике его поэзии.

Ученый убедительно доказывает, что среди схожих творческих личностей (Ю. И. Крашевский, Т. Лепартович, С. Высиянский) только Норвид сумел столь глубоко и органично соединить в своей деятельности эти разнородные начала, и по широте художественных ориентаций он не имеет себе равных. В поле зрения К. Выки оказываются прежде всего процессы ассимиляции, взаимодействия различных видов искусств, механизмы творческого усвоения определенных решений, приемов, элементов, казалось бы, вовсе не свойственных поэзии, но на деле весьма существенно

обогащающих ее содержание и форму. Так, исследователь совершенно правомерно выводит давно уже подмеченную другими внутреннюю экстатичность лирических персонажей, когда в предельной скрупульности жеста героя так ощущим вызвавший его сильный эмоциональный порыв,— из практического опыта Норвида-пластика. Особого внимания заслуживают наблюдения Выки, позволившие ему сделать на первый взгляд парадоксальный вывод: хотя в своей «внелитературной» деятельности Норвид был прежде всего художником, все же самое существенное влияние на его поэзию оказывала скульптура. В свою очередь, и лапидарность норвидовского стиха (например, история у поэта «мрамореет»), и экономные средства моделировки даже самых сложных психологических состояний, близкие поэтике скульптуры, проливают свет на связь творчества Норвида с культурой романтизма, где установка на подобный художественный синкретизм играла значительную роль.

Анализ ученого показывает, что присутствие в литературном опыте Норвида живописного и музыкального начал скрывается на всех уровнях художественного целого — от инициирующих творческий замысел импульсов из сферы искусства и до совершенно особого изобразительного строя произведений. Например, в поэме «Фортепиано Шопена» развитие интеллектуальной параболы виртуозно переплетено с просветленностью вдохновленной музыкальной стихии.

Вторую часть рецензируемой книги составили создававшиеся на протяжении почти полувека отдельные исследования («Вначале были линии», «Похвала неясности Норвида», «Циприан Норвид как поэт культуры», «Старость Норвида»¹, «Образы людских деяний», «Норвид о Словацком», «Норвид в Кракове»); заметки, рецензии и др. Обилие и проблемная многоплановость перечисленных работ говорят о сложности и неисчерпаемости темы Норвида, позволяют составить представление о путях вхождения наследия поэта в духовный опыт своих соотечественников, и что, возможно, не менее ценно, свидетельствуют о том впечатляющем диапазоне культурологической и литературоведческой рецепции норвидовской проблематики, который достигнут польской наукой.

Многие суждения К. Выки о Норвиде злободневны и защищают права поэта на

«трудность» стихов, рассчитанная на готовность читателя к усилию воображения и мысли («Похвала неясности Норвида»), и вовлечеченность в продолжающийся спор о месте и роли поэта в литературной жизни страны («Отсутствующий Норвид»). Еще в 1933 г. ученый предостерегал от склонности подхода к произведениям Циприана Норвида как некоему кладезю цитат едва ли не на все случаи жизни, и актуальность этого опасения сегодня более чем очевидна.

Нельзя обойти вниманием пространный, хорошо документированный очерк «Норвид в Кракове», посвященный трехнедельному пребыванию поэта в бывшей столице Польши. Короткий эпизод биографии Норвида обрастает массой исторических, этнографических, историко-литературных и бытовых подробностей, превращаясь под пером ученого в живое отражение жизни писателя.

Книга К. Выки читается с неослабевающим интересом. Ее ценность не снижается из-за ощущающейся иногда спрямленности трактовок тех или иных вопросов, подлинная сложность которых открылась позже или только-только становится очевидной. Книге свойствена особая ясность формулировок, которой так не хватает современным норвидоведческим исследованиям; она свободна от недостатка, встречающегося в других работах,— от камерного подхода к сочинениям поэта. В поле зрения Выки постоянно находится сложный комплекс «эпоха — писатель — произведение», что, с одной стороны, позволяет ему избежать соблазна чисто спекулятивных построений, а, с другой — приблизиться к пониманию философско-смысловых уровней творчества Норвида, сказать о нем правдиво и убедительно.

Басиленко В. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Borowy W. O Norwidzie: Rozprawy i notatki. Warszawa, 1960; Jastrum M. Gwiazdisty diament. Warszawa, 1971; Łapiński Z. Norwid. Kraków, 1971 (2-e wyd. — 1984); Stawińska I. Rejsyserka ręka Norwida. Kraków, 1971; Piechalski M. Mit Pigmaliona: Rzecz o Norwidzie. Warszawa, 1974; Trznadel J. Czytanie Norwida: Próby. Warszawa, 1978; Kasperski E. Świat wartości Norwida. Warszawa, 1981; Fert J. F. Norwid poeta dialogu. Wrocław etc., 1982; Swiontek S. Norwidowski teatr świata. Łódź, 1983; Sawicki S. Norwida walka z formą. Warszawa, 1986; Inglot M. Wyobraźnia poetycka Norwida. Warszawa, 1988.
2. Выка К. Статьи и портреты. М., 1982, с. 82—94.

¹ Эта работа издавалась в СССР (см. [2]).

Б. ТОШОВИЧ. *Русская грамматика в сопоставлении с сербско-хорватской. Звуки. Формы. Предложение*

Сравнительное (или: сопоставительное, сравнительно-сопоставительное) языкознание переживает в настоящее время подъем, свидетельством чего являются активные поиски в этом направлении в разных странах — вплоть до создания специальных центров по сравнительному изучению языков, выпуска специальных периодических изданий, как, например, болгарский журнал «Съпоставително езикознание» (с 1978 г.; в 1976—1977 гг. — «Бюлетин за съпоставително изследване на български език с други езици»). В ряде стран еще в 70-е годы запланированы и постепенно реализуются так называемые контрастивные проекты, ставящие конечной целью создание сопоставительных, как правило, двуязычных, грамматик родственных и неродственных языков. Стремительно растет число публикаций, затрагивающих обычно конкретные категории сопоставляемых языков, однако во многих случаях пока еще нет конечного результата — ожидаемых сопоставительных грамматик, в которых на равных выступали бы два языка. Зато уже имеется несколько обобщающих работ — грамматик, в которых один из языков выступает как доминирующий, он подвергается последовательному и систематическому описанию, в то время, как второй язык привлекается лишь для сопоставления с ним. В русле нынешнего сравнительно-сопоставительного языкознания это особое направление, которое имеет большие перспективы. Учитывая специфические роли каждого из языков, такое направление следовало бы назвать дескриптивно-сопоставительным. Примечательно, что в славянских странах это направление пока реализуется в основном в плане описания русского языка и его сопоставления с каким-либо другим славянским языком. Грамматики такого жанра пока еще редки. Первым опытом такого рода был известный двухтомник А. И. Исаченко [1]. В известной мере в жанре дескриптивно-сопоставительной грамматики написана и пражская двухтомная «Русская грамматика» [2], в отдельных главах которой проводится сопоставление с чешским языком. И вот перед нами новая работа этого жанра, на этот раз систематическое опи-

сание русского языка проводится в сопоставлении с сербскохорватским. Она принципиально отличается от ранее названных грамматик. В отличие, например, от пражской грамматики, рецензируемая работа не претендует на академичность описания. По существу это нормативная грамматика, при этом коммуникативно ориентированная, для чего автору приходится давать богатые иллюстрации в виде лексических единиц, словосочетаний, предложений и под. Для того, чтобы отразить живой функционирующий русский язык, Б. Тошович разрабатывает оригинальный и продуктивный, на наш взгляд, подход, при котором каждая языковая единица подвергается характеристике не только на собственном уровне, но и с позиций иных уровней, т. е. дается ее разноуровневая квалификация. Сопоставлениями с сербскохорватским автор как бы подчеркивает контрастные, полуконтрастные и едва заметные явления русского языка. Для того, чтобы объяснить расхождения между двумя языками, автору приходится регулярно давать диахронические комментарии, которыми завершается каждый раздел книги.

Фонетико-фонологическая часть (с. 13—52) содержит подробную характеристику звуков в акустическом, фонетическом, фонологическом, орфоэпическом, морфологическом, лексическом, акцентном, интонационном и фонстилистическом аспектах. Тошович устанавливает две главные оппозиции в фонологическом составе, создающие специфику каждого языка: в области гласных это — характеристическое для сербскохорватского языка различие по долготе и краткости, в области согласных — характеристика для русского богатая внутренняя оппозиция по мягкости-твердости (в сербскохорватском эта оппозиция характерна лишь для четырех согласных — l-l', n-n', č-č, đ-đ).

Существенно, что интерпретация количественного состава фонем и их характеристики даются с учетом и разъяснениями позиций Московской и Ленинградской фонологических школ (с. 26, 28). В морфологическом аспекте рассматриваются конкретные случаи реализации тех или иных фонем при словоизменении

различных частей речи (типы реализации фонемы [г] в флексии род. пад. прилагательных — *доброго* и под.). Автор полагает, что, например, сокращенная форма возвратного показателя глаголов -с' (орфографически -сь) реализуется чаще как [c], реже — как [c'], что для современного русского литературного языка спорно. В описании интонационной структуры Тощович опирается на последнюю академическую грамматику русского языка, принимая за основу семь интонационных конструкций, т. е. завершающую, вопросительную, со специальными маркерами и без них и т. д. Изложение сопровождается удачно выработанными схемами и таблицами. Жаль, что автор ограничился лишь констатацией и кратким упоминанием трех интонационных конструкций сербскохорватского языка и не дал их последовательного сопоставления с семью русскими (с. 37—47). В фольклористическом плане заслуживает внимания рассуждение автора о благозвучности русского языка, в котором четвертая часть слов начинается сонантами, кроме того, 74,5% звуков составляют гласные, сонанты и звонкие согласные, в то время как эвфоничность сербскохорватского языка, по мнению автора, нарушается из-за стечения согласных типа krv, čvrst, žrtve. Завершает раздел диахронический комментарий, кратко характеризующий вокалическую и консонантную системы обоих языков, а также основные процессы палатализации и йотации.

Морфология — самый обширный раздел книги (с. 53—363). Здесь обстоятельно изложена система частей речи русского языка, при этом каждая часть речи «просеивается» сквозь ее лексико-семантическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую и стилистическую призмы. Проиллюстрируем это на примере имени существительного. В лексико-семантическом плане Тонюович обращает внимание на различия в дистрибуции ряда словообразовательных аффиксов, приводящей к межъязыковой омонимии (типа *носач* ‘человек с большим носом’ и *posač* ‘косильщик’). Здесь же выявляется интересная оппозиция между русским и сербскохорватским языками: если в первом более разветвлены деминутивы, то во втором — аугментативы и пейоративы, особенно от имен собственных (с. 58). Контрастивный взгляд выявляет большую наклонность русского языка, нежели сербскохорватского, к существительным общего рода типа *ханжа*, *самоубийца* и под. (в русском выше 300 единиц, в сербско-

хорватском — всего лишь несколько десятков). Различно ведут себя языки и в отношении к так называемым неизменяемым словам: в русском их больше. В русском преобладают и существительные pluralia tantum. В русском склонении представлено семь типов (за счет разъединения склонения существительных мужского и среднего родов, так называемых адъективного и нулевого типов) (с. 69—131). Модели склонения имеют такую структуру: контекст, затем парадигма и, наконец, падежные флексии. Тощович подробно рассматривает инвентарь флексий, обслуживающих падежи; дается характеристика каждого варианта по отношению к той или иной группе слов. Особое внимание обращается на акцентные свойства существительных, например, первого склонения. Так, тип *A₁* — с постоянным ударением на основе (*знак*), тип *A₂* — с постоянным ударением на флексии (*стои*) и т. д. (всего пять акцентных типов). В лексическом плане существительное просматривается через его омонимические и паронимические свойства, при этом обращается особое внимание на межъязыковую омонимию, демонстрирующую различия между обоими языками в плане содержания. Затем следует синтаксис падежей, выявляется стилистическая «ценность падежа» и под.

По такому же принципу, достаточно корректно и последовательно, представлено в книге описание всех частей русского языка с непременным сопоставлением, особенно в тех случаях, когда наблюдаются различия формального, содержательного и функционального характера. В контрастивном плане важно, что автор сопровождает свои рассуждения хорошо выполненными сравнительными таблицами и схемами. Все это позволяет самому читателю убедиться именно в такой расстановке акцентов.

Последний раздел книги посвящен описанию основных структурных типов словосочетания и предложения (с. 365—407). Сравнительно небольшой его объем оправдан, вероятно, тем, что синтаксических различий между двумя языками меньше, хотя и здесь в ряде случаев выявляются интересные расхождения, как, например, в рамках инфинитивных предложений со значением категорического запрета типа «Молчать!», «Встать!» и под.: сербскохорватский *здесь обходится иными средствами — номинативными либо повелительно-глагольными*, т. е. соответственно «Tišina!», «Ustaj(te)!».

Следует всячески приветствовать появление

ление первой дескриптивно-сопоставительной русско-сербскохорватской грамматики, которая будет полезна не только для славистов, специалистов по сравнительно-сопоставительному языкознанию, но также и для тех, кто изучает два языка и стремится постичь специфику каждого. Книга Б. Топовича важна и тем, что представляет русский грамматический строй с позиций носителя южнославянского языка. Можно надеяться, что в дальнейшем последуют описания русской грамматики с позиций других славянских языков.

что создаст условия для работы над обобщающей русско-славянской дескриптивно-сопоставительной грамматикой, в которой один язык (в данном случае русский) просматривался бы сквозь призму каждого современного славянского языка.

Дуличенко А. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаченко А. И. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словакским. Ч. 1, 2. Братислава, 1960.
2. Русская грамматика. Т. 1, 2. Praha, 1979.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ермакова М. И., Михалк Ф.; АН СССР. Ин-т славяноведения и balkанистики; АН ГДР. Ин-т серболужицкого народоведения. М., 1989, 207 с., ил.

Христов Д. Икономиката на Разград и неговия административен район през Възраждането и капитализма. Варна, 1989, 227 с.

Шамрай Т. Членуване и нечленуване имена в българския език. София, 1989, 94 с.

Кн. 32. Родна реч омайна, библиотека.

Шопен Ф. Письма. В 2-х т. / Сост., коммент., вступ. ст. Кухарского Г. С. 4-е изд. испр. и доп. М., 1989. Т. I. 486 с.

Białota M. Dramaty Żeromskiego w Reducie: Z zagadnień inscenizacji i recepcji krytycznej. Wrocław etc., 1989, 171 s., 4 ark. il.

Belcarzowa E. Niektóre osobliwości leksykalne Biblii tzw. Leopoldity. Wrocław etc., 1989, 111 s.

Burakowski Z. Kultura w strukturze społeczeństwa. Warszawa, 1989, 110 s.

Dzieje lubelszczyzny / Lubelskie two nauk. Warszawa, 1989. T. 6. Między wschodem i zachodem. Cz. 1. Kultura umysłowa / Pod red. Kłoczowskiego J. 392 s., il.

Historia sejmu polskiego / Red. Twardowski J. Warszawa, 1989.

T. 2. Cz. 1. W dobie rozbiorów / Napisal Ajnenkiel A. 368 s., 20 ark. il.

Holzer G. Entlehnungen aus einer bisher Unbekannten indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen. Wien, 1989, 231 s.

Horák G. Jazykové prechádzky prózou. Br., 1989, 210 s.

Ihnatowicz I. Społeczeństwo polskie, 1864—1914. Warszawa, 1988, 80 s., il.

Jesenský J. Listy Janka Jesenského / Pripr. Petrus P. Martin, 1989.

1. 1890—1918. 588 s., portr.

Kačala J. Sloveso a sémantická štruktúra vety. Br., 1989, 249 s.

Kormanowa Ź. Trzy czasopisma. Na tropach ideologii pol. go ruchu robotniczego. Warszawa, 1989, 407 s.

Kawalec K. Narodowa demokracja wobec laszyzmu, 1922—1939: Ze studiów nad dziejami myśli polit. obozu nar. Warszawa, 1989, 290 s.

Les confins de l'ancienne Pologne: Ukraine, Lituanie, Bielorussie, XVI-e — XX-e siècles / Ed.: Beauvois D.; Préf. de Miłosz Cz. Lille, 1988, 284 p.

Liczmański R. Adam Rapacki. Zarys biograficzny. Warszawa, 1989, 138 s.

Ładyka J. Literatura i światopogląd. Warszawa, 1989, 219 s.

Matuszewska W. Towarzystwo Uniwersytetu robotniczego w kształcie powojennym (1944—1948). Warszawa, 1989, 121 s.

Mayr-Hartung A. Der Untergang: Österreich — Ungarn, 1848—1922. Wien, 1988, 932 s.

Miller S. T. Mastering modern European history. Basingstoke; London, 1988, XXXIII, 559 p., ill.

Mistrík J. Moderná slovenčina. 2 vyd. Br., 1988, 263 s. 263.

Mistrík J. Stylistika. 2 vyd. Br., 1989, 584 s.

Muzyka w prasie i czasopismach poznańskich z lat 1831—1870: Bibliografia / Oprac. Zakrzewska-Nikiporczyk B. Poznań, 1989, 272 s.

Nebelin M. Deutsche Ungarnpolitik 1939—1941. Opladen, 1989, 256 S.

Niemcy wobec konfliktu narodowościowego na Górnym Śląsku po I wojnie światowej: Materiały z ses. nauk. pt. «Górny Śląsk celem rewizjonizmu niem. 1918—1919. W pięćdziesiąt rocznicę wygaśnięcia konwencji genewskiej» / Pod red. Szefera A. Poznań, 1989, 225 s.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Споменици за средновековната и нововата историја на Македонија, т. V. Прилеп, 1987, 327 с.

Памятники средневековой и новой истории Македонии, т. V

Институт по исследованию старославянской культуры в г. Прилепе (СФРЮ) выпустил очередной том цепной серии источниковедческих публикаций, которая была основана акад. В. А. Мошиным (о первом и втором томах этой серии и конкретно о роли маститого ученого см. [1]). Том V, посвященный памяти Владимира Алексеевича Мошина (1894—1987), разделяется тематически на три части. Первая, вводная часть, состоит из предисловия соредактора и ученицы В. А. Мошина Л. Славевой, а также из краткого очерка акад. М. Апостолского «Македония — стратегическое, экономическое и культурное положение», в котором автор, используя достаточно широкий круг литературы (в том числе — работы советских ученых: Н. С. Державина, С. А. Никитина, т. 3 «Балканских исследований», лекции МГУ и др.), касается основных особенностей политической и культурной истории Македонии, начиная с античности и до наших дней.

Во второй части тома анализируются сведения о прошлом Македонии, которые содержатся в важных средневековых источниках XI—XII вв. В работе Ел. Колевой «Михаил Пселл как источник по истории македонского народа» дается вначале оценка Псевла как исторической личности и ученого-гуманиста, вызывавшего в историографии весьма резкие и неодинаковые суждения; автор, опираясь на труды многих византинистов (среди них — и русские, советские: например, П. В. Безобразов, Г. Г. Литаврин, Я. Н. Любарский), переходит далее к характеристике Псевла как историографа и идеолога правящей византийской верхушки и подробно рассматривает его сообщения о событиях на Балканах, в особенности — об антивизантийском восстании

1040—1041 гг. под руководством Петра Деляна (Оделяна). Приложением к проведенному исследованию служит перевод Ел. Колевой некоторых фрагментов из т. IV «Хронографии» Псевла (с. 113—119). В таком же историографическом и источниковедческом ключе выдержаны и работа Л. Басотовой «Летопись попа Дуклянина как источник по средневековой македонской истории», где автор вначале также дает характеристику списков, изданий, датировок и структуры этого необычайно любопытного и дискуссионного памятника (ср. [2]). Далее автор касается отражения кирилло-методиевской проблемы в Летописи, не привлекая, впрочем, некоторых работ по этой тематике (см., например, [3]); больше внимания здесь уделено сообщениям Летописи Дуклянина о царе Самуле и его преемниках, об их отношениях с Владимиром Зетским и о восстании 1072—1073 гг. в Македонии.

Завершается том исследованием совсем иного плана — работой О. Ивановой «И��нувшие топонимы в бассейне Брегалницы» (с. 235—327). Представленный здесь анализ и перечень самых различных наименований сел и городов, которые были зафиксированы в сербских грамотах и османских актах на территории СР Македонии к востоку от Вардара, представляет несомненный научный интерес для историков, лингвистов, этнографов (без сомнения, будут весьма полезны для широкого круга ученых приложенные три подробные карты топонимов этого ареала). Этот топономастический аспект тома весьма важен ввиду отсутствия (до сих пор) атласа средневековой Сербии и Македонии.

[Наумов Е. П.]

ЛИТЕРАТУРА

1. Византийский временник, т. 39, 1978, с. 264—265; Советское славяноведение, 1979, № 6, с. 110—111; 1987; № 6, с. 71—75.
2. Советское славяноведение, 1969, № 4, с. 105—108; Советская этнография, 1985, № 1, с. 25—35.
3. Havlík Z. E. Dukljanská Kronika Dalmatská legenda. Praha, 1976.

С. СТАНИМИРОВ. Политическата дейност на българите католици през 30-те и 70-те години на XVII век. Към историята на българската антиосманска съпротива. София, 1988, 183 с.

С. СТАНИМИРОВ. Политическая деятельность болгарских католиков в 30—70-е годы XVII в. К истории болгарского антиосманского сопротивления

Историография Болгарии о временах османского господства пополнилась новым исследованием по малоизученному периоду, предшествовавшему Чипровецкому восстанию 1688 г.— одному из самых ярких проявлений сопротивления болгарского народа турецким завоевателям в XVII в.

Основным объектом исследования является выяснение деятельности болгарских католиков в контексте политических концепций эпохи и их политического места в общественной жизни Чипровца. В рамках этой проблемы рассматриваются процесс оформления и функции католической церковной организации в болгарских землях до 40-х годов XVII в. (гл. I, с. 21—54); сущность и развитие политической деятельности болгар-католиков в 1644—1656 гг. (гл. II, с. 55—101). Эволюция отношений между болгарскими католиками и Священной конгрегацией прослеживается в третьей главе (с. 102—139). Здесь же выясняются цели и результаты украинской миссии 1657 г. П. Парчевича (с. 109—122), попытка создания антиосманского союза на Балканах (с. 122—136). В последней главе рассматриваются происходившие в 60-е годы XVII в. изменения в деятельности католической болгарской общины и их отражение в политике.

В критическом исследовании С. Станимирова на основе новых фактов даются оценки миссий Петра Парчевича (см., например, с. 87—96), деятельности таких политических и религиозных руководителей, как софийский архиепископ Петр Богдан Бакшев, охридский архиепископ

Франческо Соимирович, чипровецкий руководитель Франческо Марканич и др. Раскрывая связи болгарских католиков с православным духовенством, автор приходит к выводу об ошибочности мнения о некоей изоляции и разобщенности болгарских католиков и болгар православного вероисповедания; их совместные международные политические акции в известной степени выражали общеболгарские интересы и надежды (с. 177).

Давая высокую оценку рецензируемому труду, можно заметить, что монография значительно выиграла бы при более полном освещении историографии проблемы. Хотелось бы иметь более убедительные доказательства ошибочности тезиса о том, что «болгарские католики в XVII в. действовали объективно как „австрийские агенты“ и проводники папского влияния» (с. 15).

Исследование С. Станимирова является важным вкладом в изучение причин перехода павликян в католицизм, а позднее — сокращения числа болгар-католиков (с. 75, 141); экономических и политических причин попыток заключения уния между православным и католическим духовенством, в изучение проблемы связи между этими иерархами в болгарских землях и на Балканах; политических взаимоотношений с валашскими и молдавскими воеводами; а также в выяснение роли и места болгарских католиков в антиосманской политике Юго-Восточной Европы.

Муртузалиев С. И.

Словенские исследования

Юбилейный выпуск журнала «*Slovene Studies*», издаваемого Обществом американских словенистов, посвящен 65-летию Радо Л. Ленчека — известного лингвиста, слависта и словениста, этнографа, историка и литературоведа, в настоящее время — профессора Колумбийского университета.

Сборник включает краткую биографическую справку и перечень научных трудов проф. Р. Ленчека (235 позиций), а также статьи, тематически примыкающие к широкому кругу интересов Р. Ленчека и в той или иной мере инспирированные его работами. Прежде всего, это работы по словенскому языку. В статье Дербеншира В. В.—«К изучению словенского языка» подводятся некоторые итоги и очерчиваются задачи исследований по словенскому языку; как отмечает автор, словенскому языку, как и другим языкам малых народов, лишенным государственной самостоятельности, лингвисты уделяют неоправданно малое внимание. Социолингвистические факторы, способствующие сохранению словенского языка, рассматриваются Дж. В. Толльфсоном. Отчасти социолингвистической проблематике посвящены статьи И. П. Виннер — «Метонимические метафоры и этнос: словенцы в Кливленде», а также Д. Ф. Стэрмула — «Некоторые грамматические изменения в каринтийских диалектах словенского языка».

Несколько статей посвящено истории словенского языка. Х. Лиминг исследует составленные в XVIII в. о. Ишполитом и неопубликованные латинско-немецко-словенский и немецко-словенско-латинский словари. О. Неделькович проводит анализ легенды о Трое в предисловии Бехорича к его *Articæ Horulae*, первой словенской грамматике (XVI в.), сравнительно с другими произведениями Средневековья и Возрождения. Т. Ф. Магнер дает анализ завещания словенского крестьянина Ивана Велата как образца живой словенской речи начала XIX в. Лексические германизмы у Трубара анализируются И. Топорищем; соотношение словенской и хорватской лексики в XIX в.—Дж. Томасом. Конкуренцию суффиксов, в частности, в заимствованных глаголах различных разновидностей современного словенского языка рассматривает Т. Пристли. Вокалической системе

резьянских гласных посвящены статьи Б. М. Гроэна и Я. Гвоздановича.

Ряд статей связан с изучением и других южнославянских языков. Р. Дунатов, анализируя характер и статус литературного сербскохорватского языка в Боснии и Герцеговине, приходит к выводу о существовании особого варианта литературного языка в этих землях. Частным вопросам спиртаксиса и лексической семантики глаголов в сербскохорватском посвящены работы Ж. Станойчича, Р. Горуш и Б. Остайчича. Фонетическую структуру старославянского глагола рассматривает Р. Ф. Фелдштайн. Основные этапы развития акцентологической системы в южнославянских языках выделяются в статье Л. Р. Миклеса. Р. Аустерлитц приводит семантический анализ и географию лексем, отражающих понятие 'очень', в словенском, сербскохорватском, словацком, чешском, венгерском и румынском языках («циркумпанионские изоглоссы»). Явлению исторической фонетики русского языка — переходу ё > е после ѡ — посвящена статья Ч. Э. Грибба.

Определенный круг статей объединяет более общая славистическая проблематика. Я. Бачич в статье «Славяне: происхождение и значение этнонима» на основании функционирования этого этнонима в древних текстах, а также критической оценки фактов, касающихся этногенеза славян, восстанавливает для *Sklabenoī* праформу **Salavenoī* в связи с гидронимом *Sala/Zala*, известным на территории Паннонии. М. Загурска-Брукс анализирует ситуацию диглоссии при возникновении письма у славян; Х. Р. Купер прослеживает судьбу переводов Библии у южных и восточных славян.

Историографическую проблематику, связанную с деятельностью Копитара, рассматривает С. Банаца. О вкладе Добровского в кирилло-мефодиевистику идет речь в статье М. Фришчака.

Несколько статей посвящено литературоведческой проблематике. На словенском материале базируются работа Дж. Патернита о метафоре в словенских эпиграфиях, статья И. М. Ожбаль о творчестве П. Воранца, словенского писателя начала XX в., и И. Погачника — «Литературные термины и история». Задачу сравнительно-исторического изучения

югославских литератур выдвигает М. Митрович. Итоги изучения литературы и языков Югославии в США в 1900—1945 гг. подводит в своем обзоре К. Э. Нейлор. Русистика представлена статьей Л. Парполовой-Грибл «„Гиштория о российском матросе Василии Кориотском“ и русская фольклорная повесть».

В выпуске журнала помещена статья по истории — И. Банаца о хорвато-венгерских отношениях в 1904—1914 гг. В целом сборник отражает актуальную проблематику изучения словенского языка и литературы, разрабатываемую проф. Р. Ленчеком и его школой.

Осипова М. А.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1972—1981 / Pol. akad. nauk. Inst. języka pol.; Pod red. Tekiel D. Wrocław etc., 1989.

Cz. 2. P — Z. 180 s.

Obdobje baroka v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: Mednar. simpozij v Ljubljani od 1. do 3. julija 1987 / Ured.: Skaza A. et al; Prev.: Grah K. et al; Univ. E. Kardeja v Ljubljani. Filoz. fak.; Znanstveni inšt. Ljubljana, 1989, 477 s.

Obdobje srednjega veka v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: Mednar. simpozij v Ljubljani od 29. junija do 1. julija 1988 / Ured.: Toporišič J.; Univ. E. Kardeja v Ljubljani. Filoz. fak.; Znanstveni inšt. Ljubljana, 1989, 391 s.

Ondrejovič S. Medzi slovesom a vetou: Problémy slovesnej konverzie. Br., 1989, 124 s.

Pamięć wspólnej walki: Książka poświęcona bohaterskiej walce narodów Związku Radzieckiego i Polski w czasie II wojny światowej / Wyboru dokonali: Grot L., Łobariew G. Warszawa, 1989, 448 s., il., 20 ark. il.

Perspective on literature and society in Eastern and Western Europe // Ed. by Hosking G. A., Cushing G. F. Basingstoke; London, 1989, VIII, 202 p.

Polska w polityce międzynarodowej, 1939—1945: Zbiór dok. / Wybrał, przedm. i przypisami opatrz. Kowalski W. T. Warszawa, 1989. 1939. 671 s.

Ponty J. Polonais méconnus: Histoire des travailleurs immigrés en France dans l'entre-deux-guerres / Préf. de Duroselle J.-B. P. 1988, XX, 474 p., diagr., 8 f. ill.

Popadić H., Petronijević B., Djordjević M. Untersuchungen zum nominalen Bereich deutsch-serbokroatisch. Heidelberg, 1988, 246 S.

Porębski M. Granica współczesności, 1909—1925. Wyd. 2-e przejr. i uzup. Warszawa, 1989, 461 s., 4 ark. il.

Procesy przemiany politycznych i ekonomicznych w krajach socjalistycznych / Pod red.: Chwieduka R., Staszewskiego M. T.; Inst. krajów socjal. PAN. Warszawa, 1989, 300 s.

Rice K. A grammar of slave. Berlin; New York, 1989, XLIV, 1370 p.

Rzoria J. Sejmy z lat 1597 i 1598 / Opolskie t-wo przyjaciół nauk. Warszawa; Wrocław, 1989.

Cz. 1. Bezwocny sejm z 1597 roku. 120 s.

Seidl I. Jaroslav Vrchlický a Emilio Teza: V kontextu česko-ital. lit. a kulturních vztanů: Vzájemná korespondence z let 1885—1901. Brno, 1988, 263 s., faks.

XV. Seminar slovenskega jezika, literatura in kultura, 3.—15. julij 1989: Zb. predavanj / Ured.: Zadravec F.; Univ. E. Kardeja v Ljubljani. Filoz. Fak. Oddel. za slovanske jez. in knjiž. Ljubljana, 1989, 238 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПОЭТИКА»

Проблемы художественной формы и их связь с культурной традицией, типом личности и формами поведения, картиной мира и, наконец, самим типом организации культуры находятся в центре внимания мировой науки последних лет. 14—16 ноября 1989 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР была проведена всесоюзная конференция «История культуры и поэтика», целью которой было рассмотрение всех этих вопросов на материале славянских культур. При этом в качестве отличительной черты конференции хотелось бы отметить необыкновенно широкий спектр самых различных методологических подходов и тем — от фольклора и структурно-лингвистических анализов до семиотических характеристик искусства авангарда. В конференции принимали участие ученые из ИСБ, ИМЛИ, Института русского языка АН СССР (Москва), Института русской литературы (Пушкинский дом, Ленинград), а также исследователи из научных центров Киева, Минска, Харькова и Тарту. Все доклады участников были сгруппированы соответственно трем основным частям конференции: 1) поэтика — язык культуры; 2) поэтика и тип культуры; 3) жизнь сюжета и жанра в культуре.

Возможность описать через анализ поэтики универсальные категории культуры, понять культуру как единство и как систему, в той или иной степени оказалось главным в первой группе докладов. Принципиально важные темы русской культуры и их взаимообусловленность были намечены в сообщении Вяч. Вс. Иванова (Москва). В. Н. Топоров (Москва) обратил основное внимание на наличие зависимости между поэтикой и психофизиологическим уровнем, выделил более глубокий и полусознаваемый план связи структуры текста и смысла культуры. Переводы псалмов (известное литературное состязание XVIII в.) и опыты в этом на-

правлении И. А. Крылова проанализировал В. Живов (Москва). Соотношение между художественным пространством (по произведениям А. С. Пушкина и др.) и русской религиозной ситуацией первой половины XIX в. было интересно рассмотрено в выступлении А. Панченко (Ленинград). На примере творчества Ст. Игн. Витковича В. Мочалова (Москва) проследила внутреннюю связь между философской системой польского автора и особенностями поэтики его художественного текста. Стереотипы мышления в фольклоре с точки зрения системы были рассмотрены Ю. Смирновым (Москва). В докладе В. Былинина (Москва) «О поэтике „имяславия“» рассматривалось влияние литургической поэзии на панегирическую, а также ее связь со степенью мифологизации русского общественного сознания. Своебразную интерпретацию сакрально-этической семантики и бытовых функций предметного ансамбля интерьера белорусского крестьянского жилища предложил И. Духан (Минск). В сообщении Т. Nikolaевой (Москва) через поэтический образ итальянского города в русской поэзии начала XX в. были рассмотрены особенности отношения к Италии А. Блока, Н. Гумилева и В. Ходасевича. В. Хорев (Москва) проанализировал драматургию С. Т. Мрожека с точки зрения художественной модальности (поэтика абсурда) и проследил традиции гротеска в польской литературе.

О семиотических характеристиках искусства авангарда говорила М. Лекомцева (Москва), отметив, что к 10-м годам XX в. центр эстетических исканий переместился по существу в семиотическую область, и опыты построения новых языков охватили литературу и все виды искусства 10—30-х годов. Особая типологизирующая значимость тех или иных знаков в поэтике авангарда была отмечена в докладе О. Тарасова (Москва), который рассмотрел особую роль знаковой системе-

мы иконы в отдельных «пограничных» слоях русской культуры и, в частности, в искусстве примитива и авангарда.

Большинство докладов конференции отличала комплексная постановка задач, при этом вторую группу докладов объединяла в основном мысль, что в самой структуре текста заложено содержание, позволяющее проникнуть в сущность той или иной культурной эпохи, извлечь данные о типе культуры и ее характере. Интересно это было показано в докладе Л. Софроновой (Москва) на материале жанровых признаков и идеологического контекста «Не-Божественной комедии» З. Красинского. Сама форма — жанр антиутопии в романтической драме — оказалась значима, она выводила «Комедию» в область социальных теорий и философии истории, тесно переплетаясь с идеями милленизма, эсхатологическими концепциями и т. п. Привлекая новые материалы, М. Плюханова (Тарту) проследила феномен постепенного нарастания культа Богородицы (праздник Покрова) на Руси в связи с историей русской церкви.

Соотношение концепций диалога (их совпадение и в то же время «автономность» разработки) в философии Мартина Бубера и творчество Витольда Гомбровича рассматривалось О. Медведевой (Москва). В докладе подчеркивалось, что для выражения своей концепции диалога Гомбрович нашел адекватную форму, создал собственную диалогическую поэтику. Н. Злынцева (Москва) объектом своего исследования выбрала одну из «трансформационных моделей» в балканской живописи переходного периода — от Поствизантии к новому времени, — а именно модель орнаментализма. Анализ эволюции этой модели был сделан в связи с особенностями как балканского менталитета, так и искусства примитива. Проблема балканского менталитета затрагивалась и в докладе Т. Цивьян (Москва), где была предпринята интересная попытка взглянуть именно под этим углом на поэтический мир Кавафиса.

Социальные, нравственные и эстетические идеалы в концепции пейзажного

парка эпохи Просвещения выявила И. Свирида (Москва). Малоизученные проблемы поэтики русской драмы эпохи Петра I рассмотрел М. Одесский (Москва). О различных аспектах зависимости между поэтикой и культурой в переходные исторические эпохи говорил Я. Ляткер (Москва).

Третья и заключительная часть конференции была посвящена жизни в культуре сюжета и жанра, анализ которых может много дать (как неоднократно подчеркивалось) с точки зрения определения типа культуры и исторических характеристик ее развития. На первый план такой аспект исследования был выдвинут в сообщениях Ю. Исиченко (Минск) — «Мистериальные мотивы в поэтике зрелого барокко на Украине» и Н. Куренной (Москва) — «Формы современной литературы факта».

Задача доклада А. Демина (Москва) состояла в том, чтобы проследить сам процесс формирования древнерусской художественной литературы на примере эстетизированных представлений автора «Задонщины». Докладчик интересно показал, что расширение художественного мира за счет хозяйственных, служилых и административных тем в древнерусской литературе началось уже с конца XIII в. и продолжалось в XIV в. В докладе Л. Титовой (Москва) были проанализированы чешские «декламованки» первой половины XIX в. и их связь с новыми формами организации общественно-культурной жизни Чехии того времени. В сообщении Н. Шведовой (Москва) была затронута история сонета и прослежена эволюция сонетной формы в словацкой поэзии XIX—XX вв.

В целом прошедшая конференция наглядно показала безусловную важность многоплановых исследований поэтики в контексте истории культуры. Сегодня становится все более ясным, что исследования такого рода способствуют весьма точному обнаружению «скрытых смыслов» истории, их более тонкой дешифровке и достаточно убедительной проекции на проблемы современного человека.

Тарасов О.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СИНХРОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»

С 3 по 5 октября 1989 г. в Москве в Институте славяноведения и балканистики АН СССР проходила советско-польская конференция «Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков». В ней приняли участие сотрудники Института славяноведения ПАН (Варшава), Института славяноведения и балканистики АН СССР, а также лингвисты из других научных учреждений и высших учебных заведений Советского Союза.

Конференцию открыл председатель оргкомитета Л. Н. Смирнов (ИСБ), подчеркнувший научную актуальность проблем теории и методологии сопоставительного изучения грамматики славянских языков, типологии грамматических и лексико-грамматических категорий и результатов проведенных сопоставительных исследований в области морфологии, морфонологии, акцентологии и синтаксиса славянских языков. Затем выступила глава польской делегации И. Пабис, кратко сообщившая о состоянии сопоставительных исследований в Институте славяноведения ПАН.

Круг обсуждавшихся на конференции тем был довольно широк. На одно из первых мест выдвинулась проблема глагольного вида в сопоставительном аспекте. М. В. Всеволодова (МГУ) прочитала доклад «К вопросу о семном составе славянского глагольного вида». Е. В. Петрухина (МГУ) сообщила о сопоставительном изучении глагольного вида в славянских языках, связав эту категорию с языковой картиной мира. Л. Н. Смирнов рассказал о синхронно-сопоставительном изучении способов глагольного действия в славянских языках. К той же тематике относится доклад А. А. Караванова (МГУ) «Ограничительный способ действия в русском и польском языках». В ряде докладов обсуждались другие грамматические категории глагола. Так, В. Косеска-Ташева (ПР) рассматривала проблемы описания категории времени при болгарско-польском сопоставлении, Е. В. Верижникова (МГУ) сделала сообщение о сопоставлении функционирования форм будущего времени в балкано-славянских языках. Т. Н. Молошная (ИСБ) — о так называемых аналитических формах императива в различных

славянских языках. Доклад М. И. Ермаковой (ИСБ) был посвящен сопоставлению категории залога в сербо-лузицком и русском литературных языках. К этой проблематике примыкал доклад И. Марыняк (ПР) о семантике глагольных форм с возвратным местоимением в польском и русском литературных языках. З. Рудник-Карват (ПР) сообщила о результатах сопоставления партитивных глаголов в русском, польском и чешском, А. И. Изотов (МГУ) — о сопоставлении систем полных форм причастий в современных чешском и русском литературных языках. Вопрос, находящийся на границе между глагольной морфологией и словообразованием — условия морфемной членности заимствованных глаголов с префиксальными элементами в различных славянских языках, — был освещен М. А. Осиповой (ИСБ).

На конференции также было представлено много интересных докладов, посвященных сопоставлению грамматических категорий имени в славянских языках. И. Пабис (ПР) сообщила о выражении признака степени качества в польском, украинском и русском языках. Я. Зенюкова (ПР) проанализировала собирательные числительные и производные слова с квантитативной функцией в современных польском и русском языках. О. О. Лешкова (МГУ) осветила различия в функционировании категории числа существительного в чешском и русском. В целом ряде докладов обсуждались проблемы лексико-грамматической категории рода. Общие вопросы наименований лиц с учетом принадлежности к полу были затронуты в докладе А. К. Смольской (Одесса), о способах выражения мужского рода в польском и болгарском языках рассказал А. Кернер (ПР). Живой интерес вызвал доклад Л. И. Масленниковой (ИСБ) о существовании особой родовой системы (мужской — женский — смешанный) в польском говоре на территории Литвы в сопоставлении с литературной польской системой (мужской — женский — средний).

К сожалению, из серии запланированных докладов по акцентологии, среди которых числились доклады В. А. Дыбо, К. К. Богатырева (см. сборник тезисов), состоялся лишь один — Л. Э. Калнынь

(ИСБ), которая сообщила о действии морфонологической аналогии при разных типах славянского (русского, украинского, польского, чешского) ударения.

В части докладов обсуждались в основном синтаксические проблемы. А. А. Зализняк (ИСБ) представил филигранное описание функционирования частицы ТИ в древнерусском, старопольском и современных славянских языках. И. Ф. Андерш (Киев) сопоставил диспозиционные (с возвратной формой глагола и дательным логического субъекта) и действенные (с возвратной или пассивной формой глагола и творительным агентивным) предложения в русском, украинском и чешском. Е. Н. Овчинникова (ИСБ) представила обзор дательного принадлежности в словацком и других славянских языках. С сообщением о причинных конструкциях в сербскохорватском и русском выступил А. И. Ковалев (Ростов-на-Дону).

Общие проблемы сопоставительной грамматики с разной степенью отчетливости и конкретности обсуждались в докладах О. М. Соколова (УДН), Б. Ю. Нормана (Минск), Л. Б. Карпенко (Куйбышев), А. Д. Дуличенко (Тарту). Последний доклад был посвящен интереснейшему феномену двулитературного (верхне-

лужицкого и нижнелужицкого) языка. Л. Б. Карпенко обратила внимание на коммуникативный подход в сопоставительных исследованиях, именно, на необходимость изучения средств выражения речевых интенций говорящего в соответствии с типовыми коммуникативными ситуациями в различных славянских языках.

Успех конференции был определен не только достаточно высоким уровнем докладов, но и, что особенно отрадно, чрезвычайно активной и заинтересованной дискуссией. Обсуждению и дополнениям был подвергнут буквально каждый из представленных докладов. Особенно часто с очень содержательными высказываниями выступали Т. С. Тихомирова, М. В. Всеволодова, Б. Ю. Норман, А. Д. Дуличенко, Я. Зенюкова, В. Коцеска-Тошева и др. Тезисы всех запланированных докладов опубликованы [1].

Молошная Т. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3—5 октября 1989 г. «Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков». М., 1989.

Е. П. НАУМОВ

18 января 1990 г. умер Евгений Павлович Наумов (1932—1990). С его смертью славистика потеряла ученого, значительный вклад которого в науку неоспорим.

Уже учась на кафедре южных и западных славян Исторического факультета МГУ, Е. П. Наумов обратил на себя внимание редкой научной пытливостью и великолепным знанием как новых, так и древних языков. В университетские годы определилась и еще одна замечательная черта ученого — широта и многосторонность его интересов.

После окончания МГУ в 1955 г. и до кончины вся научная и общественная деятельность Е. П. Наумова была связана с Институтом славяноведения и балканстики АН СССР. Активно участвуя в важнейших научных начинаниях Института, ученый в то же время четко определил главные направления своей исследовательской деятельности и со свойственной ему высокой научной взыскательностью и добросовестностью их разрабатывал.

В центре внимания Е. П. Наумова была прежде всего история средневековой Сербии. Особо высокую оценку научной общественности снискала обобщающая фундаментальная монография ученого «Господствующий класс и государственная власть в Сербии в XIII—XIV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма» (М., 1975). В ней Е. П. Наумов пришел к выводу о несомненной феодальной сущности социально-экономических отношений в Сербии рассматриваемого периода, что долгое время либо вовсе отрицалось в славистике, либо признавалось чисто юридически, либо изучалось в узко локальном плане.

Интерес Е. П. Наумова к социально-экономическим и политическим отношениям в Сербии распространялся и на новое время. Несколько работ он посвятил истории аграрных отношений в Сербии в 30—50-е годы XIX в., связанных с процессами складывания буржуазных отношений в сербском обществе. Будучи великолепным знатоком проблемы, Е. П. Наумов живо интересовался сложнейшими вопросами этногенеза и этнического самосознания. Этому посвящены его работы «Формирование этнического самосознания древнесербской народности» (1981) и «Процессы развития этнического самосознания в Сербии и Боснии в XII—XIV вв.» (1988), опубликованные в соответствующих коллективных трудах Института. С интересом к истории средневековой идеологии и общественно-политической мысли связан ряд трудов ученого, посвященных истории христианизации Сербии и Хорватии, а также истории и роли церкви в этом регионе.

В духе лучших традиций отечественной славистики Е. П. Наумов неоднократно обращался к историческим и культурным связям России с другими славянскими странами. Это работы, посвященные сербским статьям Русского хронографа 1512 г. (1976, 1982), все еще загадочному памятнику конца XIV в. «Списку русских городов ближних и дальних» (1973), связям сербской и русской общественно-политической мысли.

Е. П. Наумов внес вклад и в изучение русско-сербских культурных, главным образом, научных связей. Ему принадлежат статьи и публикации, содержащие ценные для истории науки сведения о Вуке Караджиче, В. И. Григоровиче, М. П. Погодине.

Была у Е. П. Наумова, человека большой общей культуры, одна по-особому любимая им тема — Данте. Не выходило почти ни одного тома «Дантовских чтений» без статей Е. П. Наумова. Назовем такие из них, как «Завистник венецианского чекана» (1973), «Политическая карта Европы 1300 г. в оценке Данте» (1976), «Монолог Капета из „Божественной комедии“» (1982), «Данте об истории французского королевства в XI—XIII вв.» (1985).

Вдумчивым исследователем, подлинным и искренне преданным науке ученым останется Е. П. Наумов в нашей памяти.

Рогов А. И.

CONTENTS

DISCUSSIONS

- Braunthal' Yu. (Austria). The antiauthoritarian movements in Central Europe, 1950s and '60s. The revolutionary changes in Central and South-Eastern Europe: The year 1989

3

ARTICLES

- Tarasov O. Yu. The russian icons from the 18th and early 19th century in Balkan countries. Oryol V. E. East Slavic etymological notes

49

COMMUNICATIONS

- Zadorozhnyuk E. G. A glimpse of Czechoslovakia, 1988 — November 1989 (A content analysis of the materials from «Time»).

79

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

- Two opinions on One book. Shaferova L. P. Ђук. Србија и Венеција у XIII и XIV веку. Vasilenko V. N. Wyka K. Cyprian Norwid: studia, artykuły, recenzje. Dulichenko A. D. B. Тоšović. Ruska gramatika u poređenju sa srpskohrvatskom. Glasovi. Oblici. Rečenica

91

NOTES OF BOOKS

- Naumov Je. P. Споменици за средневековната и поновата история на Македония. Murtuzaliev S. I. С. Станимиров. Политическата дейност на българите католици през 30-те и 70-те години на XVII век. Към историята на българската антиосманска съпротива Osipova M. A. Slovene Studies

103

SCIENTIFIC LIFE

- Tarasov O. Conference «The history of culture and poetics». Moloshnaya T. N. Soviet-Polish Conference «Synchronic confrontative study of the grammatical structure of the slavic languages»

107

- Rogov A. I. [Je. P. Naumov]

111

Технический редактор Е. В. Синицына

Сдано в набор 12.02.90 Подписано к печати 13.04.90 А-08459 Формат бумаги 70×108^{1/4}
 Высокая печать Усл. печ. л. 9,8 Усл. кр.-отт. 13,8 тыс. Уч.-изд. л. 11,0 Бум. л. 3,5
 Тираж 1348 экз. Зак. 4103 Цена 1 р. 20 к.

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский переулок, д. 30а.

Телефон 290-27-40

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

**1 р. 20 к.
Индекс 70891**